

ЧАРЛЬЗ
КИНГ
ОДЕССА
ВЕЛИЧИЕ
И СМЕРТЬ
ГОРОДА ГРЕЗ

ЧАРЛЬЗ КИНГ ОДЕССА

ВЕЛИЧИЕ И СМЕРТЬ ГОРОДА ГРЕЗ

МАЛ. ФОНТАНЪ

СРЕД. ФОНТ

СРЕД. ФОНТАНЪ

КАТЕРНОЕ ПОЛЕ

СТРѢЛБИЩНОЕ ПОЛЕ

ГРАНИЦ. ОДЕССКАГО УѢЗДА

УЛИЦА КОЗЛЕНЦЕВА

СТАНЦІЯ
КУКЛАНИНЪ

СТАНЦІЯ

ПЛАНЪ ГОРОДА
ОДЕССЫ
АВ. ГОРОДСК. ЗЕМЛЕМѢРЪ М. М. ДИТЕРИХЪ.
1894.

0 100 200 300 400 500

CHARLES KING

ODESSA

GENIUS AND DEATH IN A CITY OF DREAMS

W.W.NORTON & COMPANY

London

ЧАРЛЬЗ КИНГ

ОДЕССА

ВЕЛИЧИЕ И СМЕРТЬ ГОРОДА ГРЕЗ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОЛЬГИ МОРОЗОВОЙ

МОСКВА

УДК 821.111-3
ББК 84(7Сое)6-44
К41

Все права защищены.

Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможно только с разрешения владельца авторских прав.

Charles King
Odessa Genius and death in city of dreams

© 2010 by Charles King
This Edition published by arrangement
with Synopsis Literary Agency.

*Издательство благодарит ведущего сотрудника Одесского
литературного музея Анну Игоревну Стреминскую за помощь
в подборе иллюстративных материалов из архива музея.*

Художественное оформление и макет серии
АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Кинг Чарльз
К 41 Одесса: величие и смерть города грез / Пер.с англ.О.Кириченко. —
М.: Издательство Ольги Морозовой, 2013. — 336 с.
ISBN 978-5-98695-054-9

Книга американского исследователя и публициста Чарльза Кинга — долгожданный интереснейший труд по истории Одессы. Города, вызывающего интерес чуть ли не с момента основания, представляющего собой, по словам Марка Твена, Америку в миниатюре.

Одесса как исторический и социальный феномен, как средоточие жизни, полной чарующей романтики, искрометного юмора и неизбывного драматизма — таков город грез, открытый Чарльзом Кингом.

УДК 821.111-3
ББК 84(7Сое)6-44

ISBN 978-5-98695-054-9

© Издательство Ольги Морозовой, 2013
© О. Кириченко, перевод, 2013
© А. Бондаренко, оформление, 2013

Семье Мартен:

КАРЛУ, КАРЛИН, ДЖЕЮ и ДЖЕРРИ,
а также в память об Элдоне, Мари и Лиланде,
чьи храбрые предки с надеждой в сердце,
покинув равнины России, устремились
в американскую прерию

*Огромный город – как лабиринт, где ежедневно,
ежеминутно сокровеннейшие чаяния каждого
осуществляются теми, чье существование
только этому и посвящено.*

СТИВЕН СПЕНДЕР. Мир внутри мира.

*Одесса знала времена расцвета, знает времена увядания –
увядания поэтичного, чуть-чуть беззаботного
и очень беспомощного увядания.*

ИСААК БАБЕЛЬ. Одесса.

*Призри на завет Твой; ибо наполнились
все мрачные места земли жилищами насилия.*

Псалом 73, 20.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	9
<i>Введение</i>	11

Часть 1

ГОРОД-ГРЕЗА

Глава 1. <i>Угрюмый берег</i>	17
Глава 2. <i>Потемкин и наемники</i>	32
Глава 3. <i>Путеводный маяк</i>	50
Глава 4. <i>Губернатор и поэт</i>	69
Глава 5. <i>“У Одессы нет национальности”</i>	99

Часть II

ОПЛОТ ЖЕСТОКОСТИ

Глава 6. <i>Махинации и тени</i>	133
Глава 7. <i>Кровь и месть</i>	158
Глава 8. <i>Новый мир</i>	189

Глава 9. *Просторы Транснистрии* 215

Глава 10. *“Довожу до Вашего сведения нижеследующее...”* .. 244

Часть III

НОСТАЛЬГИЯ И ПАМЯТЬ

Глава 11. *Город-герой*..... 269

Глава 12. *Сумерки*..... 292

Благодарность автора 308

Хронология 312

Примечания..... 315

От автора

Одэс, Одеса или Одесса? Этот город знает много названий — на языке идиш, на украинском, на русском, на других языках. Нынешние картографы предпочитают украинскую версию — Одеса, поскольку город с 1991 года находится на территории независимого государства Украины (ранее Украинской Советской Социалистической Республики). Я использую название, более привычное для англоязычного читателя — Одесса. Но это чистая условность, без какой бы то ни было подоплеки.

В основном произведения литературы цитируются в уже имеющихся английских переводах. Остальные переводы с русского*, румынского и французского, кроме отмеченных особо, сделаны мною самим.

До 1918 года в России пользовались не григорианским, а юлианским календарем. Россия отставала от Запада в хх веке на 13 суток, в хix веке на 12 и на 11 в хviii веке. События, про-

* Русский оригинал цитат в тексте был по возможности восстановлен переводчиком. Здесь и далее сноски, обозначенные звездочкой, сделаны переводчиком.

исходившие в Российской империи, мы приводим в старом летоисчислении.

Если эта книга чудом попадет в руки членов семьи Веры Николаевны Сепель или Николае Танасе, история которых приводится в главе 9, буду рад получить чей-нибудь отклик.

Введение

Посетивший Одессу в конце лета 1867 года Марк Твен ощутил себя в ней абсолютно как дома. Он прибыл в этот российский портовый город, одним из первых в мире совершая на пароходе трансатлантическое увеселительное путешествие, что и описал в книге “Простаки за границей”.

После 24 часов пути по Черному морю пассажир американского парохода “Квакер-Сити” Марк Твен сошел на берег и увидел каскад каменных ступеней знаменитой на весь свет лестницы, ведущей от причала вверх. Там, обращенный лицом к гавани бронзовый герцог де Ришелье, один из первых созидателей города, простирал руку в приветственном жесте.

Тяжело дыша, Твен одолел лестницу и с высоты окинул взглядом пакгаузы и причалы.

Позади него, в городском центре, царила деловая суета.

Широкие опрятные улицы пересекались под прямым углом. Вдоль бульваров тянулись невысокие, в два-три этажа, дома. На незамысловатых, выкрашенных в голубой и желтый цвета фасадах отражались солнечные блики. Ветви акаций нависали над тротуарами с разморенными зноем прохожими, которых проезжающие мимо экипажи обдавали облаками пыли.

“Куда ни погляди, вправо, влево, — писал Твен, — везде перед нами Америка!”¹

Звучит, прямо скажем, странновато. Твен оказался в городе, который был открыт миру неаполитанскими торговцами, получил название благодаря русской императрице, управлялся ее негласным одноглазым мужем, был построен двумя французскими аристократами, обновлен графом — выпускником Кембриджа и воспет русским любовником его жены. Он был одним из крупнейших городов и важнейшим торговым портом Российской империи, хотя и располагался ближе к Вене и Афинам, чем к Москве и Санкт-Петербургу.

Почти четверть населения Одессы составляли евреи. Незадолго до приезда Твена Одесса пережила один из самых страшных в истории России еврейских погромов. Как и в иных подобных случаях, в пароксизме суеверной ненависти несчастных убивали прямо на улицах. Много позже (в один из забытых ныне периодов Холокоста) одесские евреи, составлявшие треть жителей, были практически уничтожены. Причем убивали евреев не немецкие солдаты, а союзники Германии — румыны.

Твену Одесса с ее улицами и двориками напомнила города его родины, где поощрялась способность объединять различные народности, не отменявшая стремления, поколение за поколением, развиваться на свой манер. Твен не разглядел свойственную уже тогда городу тенденцию с опасной регулярностью скатываться в пропасть самоуничтожения.

В ту пору, когда Одессу посещал Твен, ее характерный облик, который у одних вызовет восхищение, а у других неприятие, еще не сформировался. Это — вкус к остроумию на грани абсурда; еврейско-греческо-итальянская сущность с налетом русской культуры; подверженная лихорадке экономика; пристрастие к щегольству у мужчин и вызывающие манеры у женщин; стиль в музыке и литературе, демонстрировавший одновременно и вольнодумную раскованность, и сдержанность по отношению к новшествам; политические взгляды от

радикальных до реакционных. Со временем многие из этих свойств и особенностей обрели почву в иных местах, от Ленинграда с его джаз-клубами до *борщевой цепи* в горах Катскилл и на Брайтон-Бич*. Во всех четырех государствах, куда бы ни входила — в Российской империи, в Советском Союзе, в Румынии (оккупировавшей город во время Второй мировой) и теперь в Украине, — Одесса занимала особое место: разноликий и неуправляемый город, чье инородное тело, как остров, втиснулось между морем и степью. В самой его разношерстности было нечто угрожающее. “Одесса не имела никакой своей традиции и потому не страшилась новых форм жизни и деятельности, — вспоминал лидер сионизма и уроженец Одессы Владимир Жаботинский. — Она развивала в нас скорее темперамент, чем страсть, цинизм, а не разочарование”².

С момента основания в 1794 году и вплоть до нашего времени Одесса отчаянно боролась за выживание, то добиваясь успеха, то доходя до самоуничтожения. Подобно многим оживленным портовым городам и мультикультурным городским образованиям, Одесса стремилась дать волю своим светлым демонам, озорным шутникам, этим жизненно необходимым вдохновителям урбанистического мира и неутомимым созидателям литературы и искусства. Но вместо этого частенько выпускала на волю своих темных демонов, шныряющих в тенистых переулках и нашептывающих слова религиозной нетерпимости, классовой зависти, этнической мести. В свои лучшие дни Одесса рождала мыслителей и художников, озарявших мир своими талантами. В худшие времена название города ассоциировалось с фанатизмом, антисемитизмом и ярым национализмом.

В этой книге прослеживается изгиб истории Одессы от начального имперского периода сквозь череду ее трагедий

* С легкой руки редактора газеты *Variety* Абея Грина, сеть открытых евреями-эмигрантами летних курортных отелей в горах Катскилл и Белых горах (Северные Аппалачи) в шутку называют *borscht circuit* (борщевая цепь) или *borscht belt* (борщевой пояс).

xx века и до превращения в окрашенный ностальгией миф. Описывается, как поколения коренных и новоявленных одеситов строили город в практически безнадежном месте, которое затем стало знаменитейшим российским портом и вдохновителем литераторов от Александра Пушкина до Исаака Бабеля.

История города сплетается с судьбами людей — широко известных и давно позабытых; именно это и сделало Одессу любимой и легендарной родиной евреев, русских, украинцев и многих других народов.

Как растет город? И как удастся ему развиваться так, чтобы заслужить особую репутацию? Как образуются особый дух, особый характер, превращающие жителей в патриотов Одессы? Каким образом дом превращается из обычного места обитания в форму бытия? Многие крупные города, в особенности порты и быстрорастущие мегаполисы (Новый Орлеан и Неаполь, Лас-Вегас и Ливерпуль), имеют репутацию мест, которые довольствуются узнаваемой наклейкой; но лишь немногие становятся обозначением образа жизни и поведения.

Сегодня легко испытывать ностальгию по космополитической идиллии, какую героически старалась воплотить Одесса. Одеситы здесь истинные профессионалы. Однако жестокая правда состоит в том, что город этот, как и все те, кто претендует на величие, разочаровывает не в меньшей степени, чем вдохновляет. Его чудовищные черты проступают не реже, чем самые благородные, и их куда больше, чем допускает легковесная версия прошлого Одессы. В конечном счете история Одессы отражает не только ее творческую мощь, но и тернии повседневности. Многотрудное искусство сохранения города в шараханьях между гениальностью и опустошенностью и отражает, наверное, естественное положение вещей.

ЧАСТЬ 1

ГОРОД-ГРЕЗА

Угрюмый берег

Путешественники не то чтобы прибывают в Одессу — скорее натываются на нее. Со стороны суши Одесса неожиданно возникает среди приморской степи, издревле поросшего травами пространства, ныне усеянного украинскими фермами, а также останками советского индустриального сельского хозяйства. Легкий скат ландшафта, ныряющего в иссохшие лощины и овраги, что обрываются вниз к морю, скрывает город до того момента, пока вы не окажетесь прямо в нем. “Тут степь, но ступишь шаг — уже город, — отмечал немецкий путешественник более столетия назад, — даже может показаться, что его присутствие никак не отражается на окружающем пейзаже”³.

Одесса со стороны моря встает поверх гряды невысоких утесов, и центр города открывается только тогда, когда судно обогнет крупные мысы, скрывающие залив. Высокие здания жилых домов встают тут и там вдоль окраин, но, как ни странно, старые кварталы не видны до тех пор, пока судно не проходит по дуге к небольшому маяку в конце мола. “И снова Европа вставала у меня перед глазами”, — вспоминал некий француз, посетивший город в 40-х годах XIX века, наблюдая

Город на холме – Одесса. Центр города и порт. Гравюра XIX века

силуэт города на фоне неба⁴. Подобные впечатления встречаются опять и опять как у местных жителей, так и у иностранцев. Приземистые дома и деревья с облетевшей листвой возвещали появление города-фантома, поднимающегося из небытия, неожиданно возникавшего из степи, моря и неба на чистом горизонте.

И теперь лучший подход к Одессе — с моря. Именно оттуда и увидели этот берег древние греки, согласно письменным источникам, первые открыватели Причерноморья. Перед глазами встает берег невысоким кряжем сероватых известняковых утесов, принимающих на дневном солнце светло-оранжевую или даже розовую окраску. Должно быть, мореплавателей с островов Эгейского моря восхитила эта картина после долгих дней однообразного созерцания бесконечных холмистых лугов и беспокойного моря. Она по-прежнему впечатляет. Широкий лазурный залив распаивается из темной сини морского пространства в обрамлении скалистых мысов, более чем на 30 метров вздымающихся над берегом.

В одних местах Черноморского побережья суша, возвышаясь живописными, лесистыми горами, нисходит альпийскими лугами прямо к морю. В других — берег внезапно обрывается громадными известняковыми утесами, и темные волны шумно разбиваются о зеленовато-серые стены. Но вокруг Одессы, в северо-западном углу Черного моря, вода скорее не сходится с сушей, а сливается с ней. Плоский берег мягко соскальзывает в соленое мелководье. Морское дно, местами густо обросшее морской травой и водорослями, становится продолжением степи, некогда необъятного пространства волнующегося ковыля и овсяницы, теперь исполосованного вспаханymi черно-бурыми фермерскими угодьями.

Возможно, в античные времена кого-то и влекло расположиться на вершине скалистого берега, где стоит нынешняя Одесса, однако свидетельств на сей счет не сохранилось. Распахнутый залив, безусловно, был известен древним мореплавателям, но ни в одном из дошедших до нас письменных источников нет конкретного упоминания об устойчивом поселении на этом месте. Другие современные города на Черном море и вблизи него: прокопченный порт Констанца в Румынии, легендарный русский военно-морской оплот Севастополь, а также жемчужина Черноморья Стамбул — все они имеют античное происхождение. Под современными бетоном и асфальтом покоятся греческие, римские и византийские руины. Одесса ничем подобным не располагает. Это место особо не примечательно, кроме залива, открытого суровым северо-восточным ветрам. Бросая взгляд на город с круизного лайнера или парома, вы видите явление не столь давних времен: город, который два столетия одновременно кичился тем, что не имеет истории, и стыдился этого⁵.

Первопроходцы находили более привлекательные стоянки в других частях Черного моря. Плававшие на весельных судах с небольшой осадкой моряки из Средиземноморья в начале первого тысячелетия до н.э. постепенно колонизовали большую часть Черноморского побережья, начав с юга и рас-

пространяя свои владения на север. Притягивало их многое. Южное и восточное побережья были богаты драгоценными металлами. Возможно, миф о походе Ясона с аргонавтами за таинственным Золотым руном — воспоминание о временах, когда греческие купцы стремились к нынешним берегам Турции и Грузии в поисках золота, намываемого местными жителями в бурных реках Понтийских Альп и Кавказа. Северный берег открывал путь к равнинам в глубине материка, а они, в свою очередь, предоставляли доступ к зерну, выращиваемому негреческим населением, уже освоившимся на этих землях к тому времени, когда средиземноморские мореплаватели впервые отправились на север из своего более теплого и соленого моря.

Греческий историк V века до н.э. Геродот либо сам побывал на Черном море, либо, что вероятнее, слышал кое-какие небылицы об этих землях, долетавшие с севера до его родины, Галикарнаса, расположенного на западном побережье нынешней Турции. Уже к тому времени Черное море было средоточием разных культур и сфер владения. Областью к северу от моря владели скифы; под этим названием греческие летописцы объединяли негреческие племена скотоводов, земледельцев и кочевников, в какой-то степени сплавляемых общностью культа и традиций.

В “Истории” Геродот описывает народы, обитающие в дельтах Днепра, Буга и Дуная, неподалеку от будущей Одессы. Калипиды и ализоны, пишет он, это “греко-скифское племя”, отпрыски брачных союзов греческих колонистов с местными жителями, похожие на скифов одеждой и манерами, но выращивающие лук порей, чечевицу и просо для собственных нужд и на продажу иноземцам.

Геродот считал реку Днепр, известную ему под названием Борисфен, неким рубежом. К востоку от реки обитали дикие племена скифов, не слишком привечавшие соседей. Среди них были андрофаги, что значит по-гречески “людоеды”; считалось, что они живут на краю необъятной пустыни. Прочие

народы, проходя через голые степи, почти постоянно вели войны и захватывали в плен местных жителей, обращая их в рабов. К западу от Днепра скифы свободно сосуществовали с греками, обогащаясь посредством торговли со странами Средиземноморья. Равнины, омываемые водами Борисфена, а также его притоков, были сущим раем, речной системой, которая являлась “ценнейшей и продуктивнейшей не только... для этой части света, но и применительно к другим местностям, за исключением разве что долины Нила”⁶. По берегам реки тянулись заливные луга. Несметное число рыб своими косяками вспенивали воду. Прибрежные отмели поставляли соль, необходимую для сохранения переправляемой на юг рыбы, — деликатеса, чтимого греческими и римскими гурманами, “хотя это и чревато вздутием кишок”, — замечал Плиний Старший в I в. н.э⁷.

Материальные остатки этой цивилизации — отчасти местной, отчасти греческой и римской — до сих пор можно обнаружить вдоль северо-западного побережья Черного моря, в местах археологических раскопок, таких как Ольвия и Херсонес в Крыму или Истрия в Румынии. Каменные дома стояли вдоль узких улочек, частично даже мощеных и со сложной водосточной системой. В море тянулись сложенные из камня волнорезы навстречу кораблям из Средиземноморья и небольшим парусникам, прибывавшим из других городов, центров торговли и дальних форпостов. Эти города разрушались, воскресали и перестраивались за века после первых греческих вторжений, но все же раскопки археологов могут дать современным туристам представление о том, как протекала жизнь в античные времена здесь — в том месте, которое греки Средиземноморья считали краем известного мира.

Такие города, как Ольвия, Херсонес и Истрия, просуществовали, возможно, полтысячи лет. Они то росли и расширялись, то становились жертвами захватчиков. Связи между колонистами и местным населением не только способствовали росту добрососедских торговых отношений, но и порождали

кровавые войны. Хотя многие греки предпочитали считать жителей этого региона грубым, необразованным, склонным к агрессии народом, некоторые исследователи полагали, что и сами иноземные колонисты не чурались столкновений. “Наш образ жизни худшими своими сторонами распространился на другие народы, — замечал римский писатель Страбон, — вселяя в них любовь к роскоши и чувственным наслаждениям, а также к измышляемым ради удовлетворения подобных пороков низким уловкам, приводящим к бесчисленным проявлениям алчности”⁸.

Страбон и сам был детищем Черноморья, родившись в глубинах южного побережья в греческой колонии Амазея, ныне турецком городе Амазии. Вращенный в грекоязычном окружении среди зеленых долин, спускавшихся к сверкающим галькой морским берегам, он, наверное, рожден был воспринимать эту часть вселенной с большей любовью и вниманием, чем многие из заезжих людей. Поэт Овидий, например, был сослан в 9 году н.э. на западное побережье Черного моря в наказание за нанесенное им оскорбление императору Августу. Привыкший к комфорту родной Сульмоны в провинции Аквила, как и собственной виллы на Капитолийском холме в Риме, он нашел место вынужденного *relatio* (изгнания) исключительно неприглядным. Черное море на греческом и латыни называется Понт Эвксинский — буквально это значит Гостеприимное море. Но Овидий, очевидно, считал иначе. “Его зовут гостеприимным, — пишет он сердито с Понтийского побережья. — Это ложь”⁹.

Варвары свободно разгуливали по городам, в суровые зимы их длинные бороды покрывались сосульками. Налетчики из глубин материка с яростью обрушивались на поселения грекоязычных моряков, жителей приграничья и политических ссыльных. В бесконечно тянувшейся войне между жителями глубинки и побережья в позднеримский период возобладала первая. Область, которую греческие авторы некогда сравнивали с Египтом, почитаемым как самое цивилизован-

ное общество за пределами греческого мира, для большинства иноземцев снова канула в безвестность.

В XIII–XIV веках итальянские города-государства возродили древние связи между Средиземным и Черным морями. Мощнейшие военные и торговые центры на рубеже Средневековья и эпохи Возрождения, такие города, как Генуя, Пиза и Венеция, распространили влияние за пределы морских владений и образовали обширные преуспевающие империи, простиравшиеся до Черного моря, а также за его пределы. Море обеспечивало необходимый водный доступ в глубины Центральной Азии и даже дальше — сухопутный путь в Китай.

Итальянские города, большие и малые, в целом выросшие на руинах древнегреческих городов, расцветали, будучи основными звеньями обширной торговой цепи. Греческие парусники возвращались домой, груженные зерном и соленой рыбой, а бороздившие моря полногрудые итальянские торговые корабли увозили шелка, меха и рабов из татар, черкесов, грузин и иных народностей. Рабы были значительным источником дохода для европейских держав, нуждавшихся не только в прислуге, но и в гребцах для военных и торговых галер.

Европейцы превзошли главную политическую силу того времени — Византийскую империю с центром в Константинополе — и активно финансировали как торговцы и кредиторы грекоговорящую Византию, что не ускользнуло от внимания пишущих современников, осуждавших европейцев за то, что те ведут себя чванливо, будто они “хозяева Черного моря”¹⁰.

В те времена обширный регион Черного моря представлял собой часть света, до мелочей знакомую генуэзским морякам, венецианским сборщикам налогов и флорентийским банкирам, что и позволило путешественнику Марко Поло отозваться об этом крае с напускным безразличием. “Мы не сказали вам ничего о Черном море и провинциях, располагающихся вокруг него, — писал он в конце XIII столетия, — ибо множество искателей изо дня в день бороздит его воды свои-

ми судами... словом, всякому известно, что там можно увидеть. Потому не стану распространяться на сей предмет”¹¹.

Марко Поло описывал преимущественно южное и восточное побережья, предоставлявшие доступ к богатствам Центральной Азии, Индийского полуострова и Китая. Если северо-западный угол был житницей античного мира, поставляя ячмень и просо в Афины и прочие города-государства в пору расцвета их могущества, то восточное побережье Черного моря процветало за счет роста глобальной торговли в эпоху Возрождения. Поколения дельцов наживали и теряли состояния на итальянских форпостах в крымской Каффе и Тане* в устье Дона. В обстоятельном торговом справочнике Пеголотти начала XIV века *La pratica della mercatura*, таком сочетании практицизма международного справочника-путеводителя *Rough Guide* с напористостью торговой палаты, в длинный список товаров, провозимых через порты Черного моря, вошли, в частности: воск, железо, олово, медь, перец, специи, хлопок, сыр, растительное масло, яблоки, шафран, золото, жемчуг, икра и шкуры домашнего скота¹².

Но эта торговля порой основывалась на тех же связях между побережьем и материком — взаимовыгодных, но зачастую непростых, — которые способствовали расцвету и греческих колоний в период античности. Теперь итальянские моряки и купцы торговали не со скифами, сгинувшими столетия назад в кутерьме переселений, смешанных браков и нашествий. Торговля велась с одним из многочисленных кочевых и оседлых народов, почти тысячелетие, отделявшее времена Геродота от действительности Марко Поло, господствовавшим над степью. С татарами.

Татары были наследниками Золотой Орды, последним отрядом великого переселения народов из Центральной Азии, сопровождавшего правление Чингисхана в начале XIII

* Каффа — нынешняя Феодосия; Тана — средневековый город на левом берегу Дона, располагался неподалеку от нынешнего Азова.

века. Вслед за возникновением империи Чингисхана Золотая Орда установила господство над большей частью Западной евразийской степи и подчинила огромные земли империи, по которым проходили пути тюркских скотоводов, итальянских купцов, эмиссаров европейских правителей, а также бесстрашных миссионеров-христиан.

Заезжие европейцы всегда упрекали в варварстве монголо-татар, чьи обычаи и традиции представлялись им антитезой просвещению и цивилизации. Но в записках европейцев зачастую очевидна их предвзятость.

В 40-х годах XIII века Папа Иннокентий IV отправил тучного францисканского монаха Иоанна Плано Карпини устанавливать связи с татаро-монгольским ханом. Монах был убежден, что кочевники — племя дикарей. “Кровавое истребление инородцев для них сушая безделица”, — писал он. Однако, оказавшись на месте, он пишет о многонациональной культуре, богатстве знаний, связей, при том, что все здесь в постоянном движении, так как монголо-татары кочуют с отарами овец, стадами и табунами по степи вплоть до побережий Черного и Каспийского морей.

Готовясь к долгожданной аудиенции у правителя, Иоанн с изумлением обнаружил, что его приближенные способны писать на арабском, русском и татарском языках — тогда как монах не знал иной письменности, кроме латыни. Совместными усилиями и с переменным успехом обе стороны все же умудрились перенести многоязычные мысли монгольского правителя на язык латыни, чтобы Иоанн смог переправить послание на родину, Папе¹³.

Со временем Золотая Орда, как и предшествовавшее ей более крупное монгольское ханство, погрязла во внутренних распрях и династических войнах. В конце концов Орда распалась на части, образовав новое лоскутное объединение небольших ханств, разбросанных по просторам Евразии. Те, в свою очередь, боролись за власть над торговыми путями и ресурсами с некоторыми новоявленными христианскими

державами региона: с располагавшейся к северу от зоны степей Московией, которой удалось к концу XIV века сбросить татаро-монгольское иго, а также с Литвой, которая в 60-х годах XIV века также начала расширяться за счет Золотой Орды вплоть до низовьев Днестра.

Восточные кочевники, некогда представлявшие угрозу для Европы, вынуждавшие европейцев в отчаянии направлять за тридевять земель своих миссионеров наподобие монаха Иоанна, перестали быть каналом торговли, каким являлись в Средние века. Дела с Китаем застопорились, итальянские торговые центры по побережью Черного моря зачахли.

На фоне этих крупных геополитических изменений, во время которых отдельные территории в результате решающих битв или смены династий переходили от одних властителей к другим, протекала год за годом жизнь рыбаков, купцов, крестьян и кочевого народа. Воюющие армии вытаптывали поля. Саранча подъедала остатки урожая. Скот не давал приплода или ягнята рождались до срока. Прибытие кораблей под незнакомыми флагами извещало о неожиданных переменях в заморских странах.

Место возникновения Одессы явно было предназначено судьбой ее раннего и очевидного предшественника: небольшого открытого ветрам поселения, расположившегося на перекрестке путей воюющих империй.

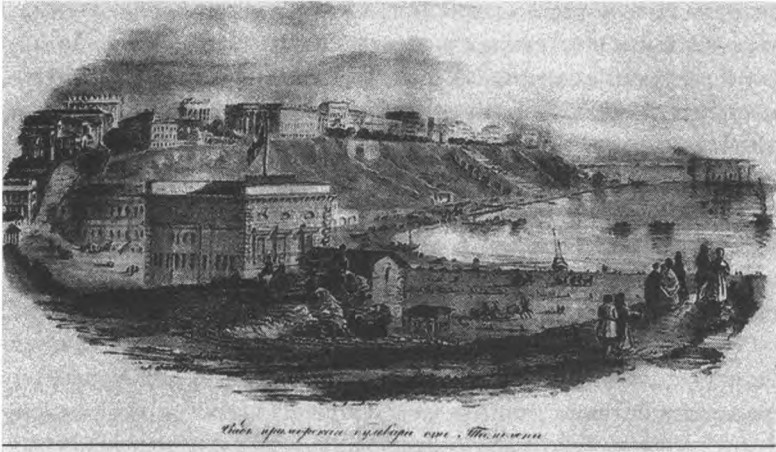
Прежде чем стать Одессой, Хаджибей представлял собой малоизвестное поселение, располагавшееся на высоком берегу и обращенное к морю. Происхождение его не вполне ясно. Из местных источников следует, что основателем поселения являлся предводитель татар Хаджи-Гирей I, именем которого оно и было названо. Ища поддержки в условиях внутренних распрей и нашествий кочевников, Гирей предположительно уступил некоторые из своих западных земель Великому князю Литовскому, военно-политическому объединению, чьи земли охватывали большую часть территории современных Литвы и Белоруссии, а также Западной Украины. Фор-

мально поселение Хаджибей входило в литовские владения, но жизнь там протекала практически в прежнем русле. Татарское население держало стада, отбивая набеги захватчиков пастбищ, и торговало продовольствием и хлебом с народами, жившими в глубине континента — от дальних поляков и литовцев до соседей-молдаван¹⁴.

Если к началу XV века, к моменту появления названия Хаджибей в письменных источниках, литовцы были хозяевами этих земель, то спустя столетие новые завоеватели заявили сюда с юга. После падения в 1453 году Византийской империи со столицей в Константинополе мусульмане создали алчную Османскую империю. Изначально являясь союзом нескольких тюркских племен, давным-давно переселившихся из Средней Азии, османы постепенно завоевали и покорили множество христианских поселений, греческих деревень, а также скотоводов-кочевников, обосновавшихся на окраинах Византии.

Во главе империи стоял султан, этот династический титул носили правители, чья родословная шла от Османа I, правившего турками в 90-х годах XIII века, от чьего имени и происходит название Османская (Оттоманская) империя. Турки-мусульмане создали настоящую империю — совокупность народов и земель, не жестко объединенных под властью единого политика-иерарха и управляемых с помощью тщательно отлаженного обложения налогами и податями, равно как и силой оружия.

К тому времени, когда войска османов вошли в Константинополь, Византийская империя и сама по себе разваливалась. Уже не одно столетие она представлялась соседям призраком Восточного Рима минувших столетий. Армии османов в летних походах по Юго-Восточной Европе не единожды обходили стороной имперскую столицу, обрушивая удар на правителей и князей балканских христиан от Сербии до Молдавии. Но к 20-м годам XVI века, когда ему покорился Константинополь, османский султан смог целиком подчинить основных вассалов региона, которые обещали ему верность взамен того, что тот признает их главенствующую власть в их же

Вид Николаевского (Приморского) бульвара от таможи, 1837 год

землях. Территории по берегам Черного моря стали теперь вассалами Османской империи, пусть султану зачастую и приходилось управлять ими не впрямую, а через местную знать. И Черное море, по которому османские суда через проливы Босфор и Дарданеллы имели теперь полный доступ к Средиземному морю, стало водным владением величайшей в мире исламской империи.

Жители селений, подобных Хаджибею, осознавали они это или нет, становились подданными Османской империи. Однако эта новость не всегда звучала убедительно для местных жителей. Нередко пираты Северного Причерноморья нападали на османские корабли, даже совершали набеги в сердце Османской империи, в Анатолию, и однажды угрожали самому Константинополю. Налетчики происходили из пограничного сообщества, населявшего береговые оконечности империи — из смешанной среды бывших польско-литовских крестьян или крестьян-москвитов, местных мусульман, а также пастухов-кочевников; некоторые объединялись в сообщества под общим названием “казаки” (скорее всего сло-

во “казак” имеет тюркское происхождение и означает “вольный человек”).

Группы казаков в середине XVI века стали ключевой силой на скрещении польско-литовской и османской сфер влияния, заявив о себе как корсары и взимая с любого сюзерена высокую плату за свои услуги. Значительную часть занятий казаков составляли разбой и пиратство; вместе с тем они были чисто приграничным разносторонним народом, поднаторевшим и в земледелии, и в скотоводстве, и в рыболовстве на низких поросших разнотравьем берегах дельты Днепра и иных рек.

Французский инженер Гийом де Боплан, свидетель казачьих вылазок в XVII веке, оставил яркое описание казаков и их жизни на море. В его изображении нет ставшей легендарной конницы, этот образ казаков возник позже. У де Боплана казаки в первую очередь талантливые и отважные мореходы, водители речных суденышек, умело приспособленных для хождения по морю.

В “Описании Украины” де Боплан пишет: “Число их в настоящее время простирается до ста двадцати тысяч человек, привычных к войне и способных по первому требованию, в одну неделю, собраться в поход на королевскую службу. Они часто, почти ежегодно, предпринимают опустошительные набеги и приносят большой вред туркам. Они много раз грабили Крым, населенный татарами, опустошали Анатолию, брали приступом Трапезунд и даже достигали устья Черного моря, в трех милях от Константинополя, где все предавши огню и мечу, возвращались затем домой с большой добычей и некоторым количеством рабов, обыкновенно малых детей, которых они оставляют у себя в качестве прислуги или же дарят вельможам своей страны...”¹⁵.

Как показывают эти казачьи вылазки, власть османов, по крайней мере в XVII веке (не считая периодов войн, когда войска, проходя через местные селения, могли жечь хлеба или забирать скот), не распространялась напрямую на северные рубежи Черного моря. И даже в случае войны османов ско-

вывало сложное переплетение оговоренных связей, сборов податей, вассальных зависимостей как в отношении князей-христиан, так и мусульман-татар Крыма. Договоренности чаще нарушались, чем соблюдались. Зыбкая власть Константинополя над северным побережьем держалась лишь до тех пор, пока другая держава, Россия, не выдвинулась к югу, представив собой угрозу шаткой гегемонии султана. Богатства Черноморского региона и прилегающих областей — включавшие зерно, овец, крупный скот и лес, — на протяжении многих веков являлись поводом к соперничеству империй. Но море сулило и еще две выгоды, особенно желанные для России: почти не замерзающие зимой порты и потенциальный выход к Средиземному морю.

В годы правления Петра Великого Россия неоднократно вела войны против Османской империи и ее вассалов. В целом южные экспедиции Петра с 1690-х по 1710-е годы не принесли значимых результатов. Из его последователей только Екатерине Великой удалось сочетанием стратегической смелости, технических новшеств и мудрой дипломатии создать ощутимую угрозу для Османской империи и крымских татар, потомков Золотой Орды, расселившихся на Крымском полуострове, и достичь определенного влияния на северных берегах Черного моря.

Серией военных кампаний 1768—1774 годов Екатерина вынудила армии османов отступить и утвердила свои территориальные притязания, что сделало Российскую империю новой черноморской державой. Императрица получила в распоряжение древние турецкие крепости Кинбурн, Еникале и Керчь в важнейших узловых местах Крыма, открывавших доступ к Днепру и Бугу, а также к мелкому, богатому рыбой Азовскому морю. По условиям мирного договора России с Константинополем крымские татары провозглашались независимыми от османского владычества, хотя им было разрешено признавать султана халифом, или земным духовным предводителем всех мусульман. Судам под российским фла-

гом было разрешено заходить в Черное море из Средиземного, что крайне благоприятно сказалось на развитии торговли российских территорий к северу от Черного моря.

По указу императрицы развернулось интенсивное кораблестроение для создания новейшего торгового и военноморского флотов. На территориях, оказавшихся под Российской короной, вырастали новые города, небольшие, но перспективные поселения, которые вскоре начали привлекать купцов и переселенцев из земель, прилегавших к империи, не имея с ней четких границ, и даже заморских жителей. Как писал в ту пору один из современников, «эти городки, как и многочисленные деревни, которые внезапно стали вырастать в местах, прежде населяемых лишь всякими разбойниками и ворами или вытаптываемых ордами кочевников, заполнялись русскими, татарами, отказавшимися от прежней кочевой жизни, а также многочисленными колонистами, главным образом греками и армянами, переселяющимися из приграничных провинций турецкой империи»¹⁶.

Поселения распространялись в глубь континента, вдоль южных пределов Днепра и Буга. Но в глухих местах вроде Хаджибея — приморских деревнях, казачьих селах и татарских станах — воинственные планы царей и султанов казались менее важными, чем наступление дождей, сезонная миграция рыбы или добыча питьевой воды и доступ к соли в пору зимних наведываний из степи в приморские луга. Ранние морозы или пышная свадьба старшей из дочек были куда существеннее, чем далекая коронация очередного правителя или падение имперской столицы под натиском захватчиков.

Ситуация начала меняться с конца 80-х годов XVIII века, когда новая война России с Османской империей переместила центр событий в ту часть Причерноморья, которую прежде обходили стороной мореплаватели и купцы: мелкие заливы с прибрежными лугами на северо-западе, а также открытое пыльным ветрам на вершине утеса селение Хаджибей.

Потемкин и наемники

“Уж я б скорей померла, чем, как Георг, подписывать отступную тринадцати провинциям” — так, по слухам, восприняла Екатерина решение своего современника, британского монарха Георга III. Россия разрослась до самого Черного моря, однако Екатерина видела истинные границы своей империи куда дальше к югу, заходящими изрядно на территорию Османской империи, возможно, простирающимися до самого Средиземного моря. Георг III, как и другие монархи XVIII столетия, например австрийский император Иосиф II и французский король Людовик XVI, владел территориями в Европе и за ее пределами. В своих стяжательских намерениях Екатерина не желала от них отставать. Она считала, что с Черноморского побережья России станут очевиднее дальнейшие задачи: смещение султана с константинопольского трона и замена его христианским (то есть православным) правителем. Возникновение новой Византии под протекторатом России означало бы в конечном счете конец исламского владычества у границ Европы.

В 1783 году Екатерина предприняла очередной шаг в южном направлении, завершившийся фактическим присоеди-

*Отец-основатель. Адмирал
Осип де Рибас (Хосе де Рибас),
1796 год; портрет
кисти Жана-Батиста
Лампи; Государственный
Эрмитаж, Санкт-Петербург*

нием Крыма и лишением его независимости, которая была гарантирована ему менее десятилетия тому назад. Последствия были ужасны. Десятки тысяч крымских татар ринулись в Османскую империю. Их единоверцы мусульмане вскоре воззвали к султану, чтобы тот вмешался и защитил обездоленных беженцев, наводнивших турецкие порты. Однако сколь бы ни было драматичным в глазах султана бегство голодающих, поражаемых тифом татар, это событие меркло в сравнении с ярким представлением, который устроил близкий друг и политический сподвижник Екатерины — князь Григорий Потемкин.

Высокий, с гривой каштановых волос, Потемкин был среди присутствующих на церемонии венчания Екатерины на царство, но впервые привлек внимание императрицы в начале 1760-х годов. В пору пребывания честолюбивой Екатерины женой невежественного и бездарного царя Петра III Потемкин служил в одном из императорских полков и был

отмечен за храбрость и удалство. Екатерина учинила переворот, чтобы свергнуть с престола мужа, и Потемкин примкнул к рядам сторонников новой государыни.

Когда полки построились, чтобы отправиться из Петербурга к Петергофскому дворцу, Потемкин дерзко направил лошадь прямо к Екатерине. Они обменялись любезностями, и императрицу позабавила норовистая лошадка Потемкина.

Потемкин не замедлил воспользоваться своей дерзостью и снискал себе положение камер-юнкера — на тот момент ради придворного статуса, а не ради самой должности. Теперь он имел возможность подстраивать встречи с Екатериной в укромных уголках Зимнего дворца. При каждом таком случае Потемкин падал ниц, клянясь в вечной любви и пылко целуя руку одной из самых могущественных монархинь Европы¹⁸.

Кое-какие слухи о любовных похождениях Екатерины весьма сомнительны, однако она определенно была из властительниц, любивших мужчин и охотно отдававшихся им.

По протекции Екатерины Потемкин получил высокий воинский чин в период первой за время ее правления Русско-турецкой войны. Он возвратился с полей сражений в звании генерал-поручика, греясь в лучах славы как покоритель цитаделей, герой, наголову разбивший турецкие полки, отвоевавший новые земли для императрицы, с которой вел переписку на протяжении всей войны.

Примерно с 1774 года, когда Российская империя обдумывала условия мирного договора с Османской империей, Потемкин сделался любовником Екатерины, что предоставило ему беспрепятственный доступ в спальню императрицы и мало-помалу к делам государства. Фавориты были и до него, и после. А характерное увечье — уродующее отсутствие глаза — вполне могло стать последствием стычки с одним из тех, кого Потемкин потеснил: например, со своенравным краснобаем Григорием Орловым, отцом внебрачного сына Екатерины. Однако Потемкин достиг того, что не удавалось ни одному из его соперников: соединил в отношениях с императрицей

плотские утехы и истинную любовь (скрепленную, по всей видимости, тайным браком) и стал незаменимым в управлении расширяющимся государством.

В 1770—1780-х годах Потемкин — главный разработчик планов головокругительного развития России на южных рубежах. Он оставался в этом качестве еще долго после того, как перестал быть главным возлюбленным Екатерины. Вдоль побережья Потемкин создал военно-морские базы, в том числе и порт Севастополь, который по сей день остается местом дислокации российского Черноморского флота. Немцам, албанцам, грекам и другим народностям предоставлялись особые льготы для создания сельскохозяйственных и торговых объединений в степных районах, приморских городках, а также таких речных портах, как Херсон и Николаев.

Территории, завоеванные Екатериной, были объединены в административную единицу под названием Новороссия — Новая Россия. Подобно Новой Испании, Новой Франции и Новой Англии, Новая Россия стала почвой для имперских нововведений. Колонистов приглашали заселять и возделывать девственные земли. Картографы и географы из Петербургской академии наук направлялись туда для описи природных богатств и экзотических народностей. Громадные земельные наделы, не имевшие четких границ, даровались вельможам в шелковых чулках и жабо. «Им туманно дали понять, что они отойдут к разным хозяевам, — замечал новый землевладелец относительно местных скотоводов-татар, — но... те не вполне поняли, что это значит»¹⁹.

В конце зимы — начале весны 1787 года, дабы продемонстрировать и разрекламировать преобразование дикой степи и приморских земель, Потемкин с имперским размахом организовал помпезное действо. Подобно Клеопатре, Екатерина Великая предприняла торжественный выезд из Санкт-Петербурга через евразийскую равнину к Днепру, откуда вместе со свитой отправилась извилистым водным путем по Украине к Черному морю.

14 карет и около 200 саней везли вельможных гостей через заснеженную степь. По прибытии в Киев флотилия из семи крупных вельботов и более 80 прочих судов с тремя сотнями матросов и стражи повлекла императорский кортеж по Днепру к месту назначения, старому дворцу татарского хана в крымском Бахчисарае.

Гости являли собой поистине цвет европейской знати — от всевозможных принцев и графов до польского короля и австрийского императора. Каюты были обиты китайским шелком и обставлены в восточном стиле. Всякий раз, когда кто-то из гостей выходил или возвращался, оркестр из 12 музыкантов играл сигнал отбытия или прихода.

По приезде в Бахчисарай гостей разместили в покоях, некогда занимаемых последним татарским ханом и его гаремом, что произвело сильное впечатление даже на искушенных путешественников.

Для пущего впечатления Потемкин организовал вдоль всего пути утех и сюрпризы. Посреди степи он разбил английские парки, насадив уже взрослые деревья. Громадные шатры, украшенные перевитыми жемчугом гирляндами, служили залами для пиршеств. Полки казаков и надежных татар маршировали перед Екатериной, демонстрируя верность монархине. Наездники-кавказцы в черкесках с серебряными газырями проносились мимо, показывая чудеса военной джигитовки. Деревья подсвечивались фонариками, а ночное небо озарялось фейерверками. Близ города Кременчуга на Днепре было воздвигнуто величественное подобие Везувия, извергавшее на мирные степи потоки огня и серы²⁰.

При всем мастерстве постановочный талант Потемкина не мог скрыть очевидность: на самом деле новые земли не походили на дивный рай, который должен был бы предстать взорам правителей европейских государств, послов и аристократов из свиты Екатерины. Эта часть Новороссии только что отошла от Османской империи под контроль России. Земледельцы и скотоводы, населявшие равнины, холмы

и побережье, были куда более впечатлены пышностью явившейся процессии, чем свободами и мудрым управлением, обещанными российским престолом. Князь Шарль-Жозеф де Линь, оказавшийся среди прочих европейских вельмож в путешествии, отмечал: “Императрицу, которая не может, как мы, передвигаться пешком, убедили, что города... отстроены, в то время как зачастую то были города без улиц, улицы без домов, а дома без крыш, дверей или окон”²¹. Потемкин не сооружал комфортабельных, идиллических сельских поселений в духе его современницы Марии-Антуанетты, он просто разрисовывал южную степь яркими красками. Потемкинские деревни — вот уничижительное определение применительно к эксцентрическим забавам, недостроенным городкам и инсценированным выражениям преданности, — ко всему, что предпринял Потемкин ради возлюбленной императрицы — *Матушки*, как, пользуясь общепринятым подобострастным обращением подданного, называл он Екатерину в интимных письмах.

После прогулки по Днепру, посещения Крыма и пребывания в Бахчисарайском дворце российский двор возвратился в Санкт-Петербург. Степь же осталась примерно такой, как прежде.

Во время монаршего плаванья по Днепру в устье показалась турецкая военная эскадра. В планы османов не входило препятствовать продвижению российских судов по реке, скорее они собирались выразить свой протест против пышных потемкинских демонстраций. “Это считаю я прелестным предвестием прелестной схватки, которую, надеюсь, мы вскорости получим удовольствие созерцать”, — с воодушевлением заметил князь де Линь²².

Интуиция его не подвела. В начале августа 1787 года правители Османской империи в ультимативной форме потребовали от России немедленно вернуть им Крым, признать Грузию — православное царство на Кавказе — протекторатом турецкого султана и предоставить право регулярно досматри-

вать российские суда, проходящие через Босфор. Екатерина сочла такие условия смехотворными. Ведь весь смысл устроенного Потемкиным грандиозного путешествия императрицы в том и состоял, чтобы она осмотрела Крым и прилегающие земли, которые считала отныне своей собственностью. Более того, право свободного вхождения судов под российским флагом в Черное море было гарантировано России мирным договором, подписанным почти полтора десятилетия назад.

Россия отклонила ультиматум турок, и османы объявили ей войну. Обе империи, стремясь опередить друг друга, готовили армии и флоты для атак в стратегически важных пунктах в устье Буга и Днестра, а также на берегах Днестра и в дельте Дуная. Крепости снова запасались боеприпасами и провиантом. Потемкин взял на себя командование пестрой сотысячной армией, состоявшей из дворян-офицеров, казаков, призванных на пожизненную воинскую службу крестьян, а также наспех набранной еврейской кавалерии²³.

Триумф Екатерины в прежней войне привлек под ее знамена во второй Крымской войне многочисленных солдат-наемников. Иные были из дворян, люди знатного происхождения, как, например, князь де Линь. Другие — ищущие славы простолюдины. Эта война предоставляла возможность не только послужить успешной христианской правительнице на Востоке, но и обогатиться за счет благ, которые сулило вновь открытое миру Причерноморье.

Оба этих стимула и привлекли известного наемника — Джона Пола Джонса, моряка, героя американской революции. Его служба на благо недавно завоевавших независимость Соединенных Штатов теперь была завершена, и Джонс отправился на Восток, чтобы возглавить российскую эскадру в сражениях с турецким флотом. Джонс снискал славу серией удачных атак на британские военные корабли; ныне он почитается как отец-основатель флота США (его останки покоятся в пышной усыпальнице в Аннаполисе, штат Мэриленд).

На Потемкина Джонс впечатления не произвел: “Сей человек не годен командовать; нерасторопен, не слишком усерден и, пожалуй что, даже турок побаивается, — писал Потемкин Екатерине. — В сем деле он несведущ, пренебрегает людьми и бестолков: языка русского не ведая, не может он отдавать и различать команды”²⁴.

Джонс проявил себя как блестящий капитан в Атлантике, однако, по существу, это был опыт пиратской тактики: умение возглавлять небольшую команду корабля, чтобы противостоять кораблю противника один на один. Командирские способности Джонса в более сложном бою — в особенности оказавшись в заносчивой, многоязыкой, полной интриг среде офицеров-европейцев, куда он попал, — были сомнительны. “Джонс весьма известен как корсар, но, боюсь, что быть во главе эскадры — все-таки не его дело”, — писал Карл Нассау-Зигенский, еще один иностранный офицер на службе у Екатерины²⁵. Джонс с раздражением реагировал на любое проявление высокомерия со стороны аристократической офицерской братии и большую часть пребывания в России тратил на споры о субординации и табели о рангах. “Наверное, никогда еще ни один командующий не начинал службу в таких тяжелых условиях, — сетовал Джонс. — Твердость и стойкость помогли мне противостоять обидным насмешкам, которыми старались извести меня мои недруги”²⁶.

Если Джонсу и удалось сохранить по себе добрую память за годы службы в России, то в значительной степени благодаря рассудительности, находчивости и такту служившего под его началом офицера из наемников по имени Хосе де Рибас. Во время войны с турками де Рибас оказался гораздо способнее легендарного американского капитана в умении поймать удачу на русско-турецкой границе и обеспечить себе затем место в истории Одессы в качестве неоспоримого отца-основателя города. Смешанное происхождение де Рибаса и неординарность его биографии стали символическими для города, возникновению которого он способствовал.

Хосе Паскуаль Доминго де Рибас-и-Бойонс — известный в России как Осип Михайлович Дерибас, сын испанского консула и ирландки-аристократки, родился в Неаполе в июне 1749 года. Живописнейший город-порт у подножия восходящего конусом Везувия, спускающийся к морю естественным амфитеатром, Неаполь в течение многих веков был камнем преткновения в политических распрях между Испанией, Францией и Австрией. В 1730-х годах город в конце концов стал центром независимого королевства, управляемого династией Бурбонов, и с этого момента освободился от козней прочих иностранных империй.

Вскоре Неаполь вступил в эру, которая ознаменовалась его расцветом. Бурбоны покровительствовали искусствам и восстанавливали средневековые и ренессансные здания в их изначальной роскоши. Но под этим блеском бурлило дно, с нищетой, коррупцией, грязнейшим развратом, истовым культом святых. И все это в кольце невежественного провинциального захолустья, которое священники-иезуиты презрительно именовали тамошней Вест-Индией²⁷. Неаполь был “наикрасивейшей страной во вселенной, населенной наиублюдочнейшими видами рода человеческого” — так саркастически выразился маркиз де Сад, посетивший этот город в пору, когда Дерибасу едва исполнилось 20 лет²⁸.

То ли желая вырваться из позлащенной нищеты Неаполя, то ли в поисках заморских приключений Дерибас оказался в рядах многочисленных честолюбцев конца XVIII века, устремивших взоры на восток, в сторону России как к стране новых безграничных возможностей. Как и Джону Полу Джонсу, ему представился случай отличиться на военной службе у легендарной императрицы, отражая нападки неверных в их всепоглощающем желании вторгнуться в пределы владений Екатерины.

Недолго прослужив в 1760-е годы в неаполитанской армии, Дерибас в 1772 году в чине младшего офицера принимал участие в сражениях против султана на стороне Екатерины.

После войны он остался на небольших ролях при дворе императрицы. Он был одним из многих молодых людей, стремившихся снискать благосклонность монархини, видевшей себя защитницей христианского мира от так называемого варварства османских правителей. *“Если б и у вас в Пьемонте или в Испании были такие же соседи, что доставляли б вам каждый год голод да чуму, — по слухам, говорила она о турках, — понравилось бы вам, кабы я взяла их под свое покровительство? Уж тогда вы бы верно посчитали меня варваркой”*²⁹.

Те, кого императрица охотно допускала к своему двору, разделяли ее взгляды, считая себя крестоносцами, сражающимися против культурной и религиозной отсталости — деспотизма полукочевников-мусульман, грозившего с юга. В Санкт-Петербурге эти выходцы из Европы оказались к тому же в одном из величайших центров культуры века Просвещения, где велись жаркие либерально-философские споры, где изящное остроумие говорило живым французским языком и далеко за полночь продолжались игры в вист.

Наемнику из Неаполя знакомы были трудности освобождения земель и передела южных границ. Все-таки Дерибас являлся свидетелем триумфов и неудач бесконечных реформ в своем родном городе в Италии, тоже и провинциальном, и южном. Вдобавок, благодаря некоторому военному опыту, Дерибас был уже знаком с битвами и штормами на Черном море, со знойными степями южной России и с так называемыми лиманами — заболоченными устьями рек Буга и Днепра. С объявлением новой войны в 1787 году Дерибасу было вменено в неприятную обязанность осуществлять связь между полевым штабом Потемкина и флотом под командованием злополучного Джонса. Однако уж лучше получить возможность участвовать в войне с первых залпов, а не подтягиваться к событиям в самом конце, как случилось с ним раньше.

Дерибас стал свидетелем важнейшего и драматичнейшего эпизода Русско-турецкой войны — сражения, в котором он оказался рядом с растерявшимся и нерешительным Джоном

Полом Джонсом. В середине лета 1788 года Дерибас был посланным офицером между Потемкиным и Джонсом во время Лиманского сражения, битвы в устье Днепра у бастионов двух крепостей: Очаков и Кинбурн. Очаков обороняли турки, Кинбурн — русские. Две цитадели противостояли друг другу по разным берегам узкого залива, соединяющего Днепр с Черным морем. Джонсу было поручено командовать флотилией гребных судов, оснащенных небольшими пушками. В его задачу входило, не сталкиваясь нос к носу с турецкими военными кораблями, завести их на мель, превратив в удобные мишени для тяжелой российской артиллерии и зажигательных бомб. «Душа содрогается от ужаса и возмущения при виде множества несчастных, погибающих в огне», — писал Джонс Дерибасу во время этого сражения³⁰.

Старшие офицеры роптали, уклоняясь от действий, но все же превосходящая огненная сила в сочетании с трудностью продвижения врага по воде привели русских к победе. Более того, эта битва способствовала взятию русскими в декабре крепости Очаков. В этой еще более жуткой мясорубке погибло такое количество турок, что русские просто выкладывали на льду лимана громадные кровавые пирамиды из трупов. Аналогичные победы над другими гарнизонами дальше к западу, тяжкие и беспощадные, повторялись на протяжении следующих двух лет. Турецкие позиции на Черноморском побережье после жестоких осад пали одна за другой. Блестящие морские операции подчеркивали мощь только что созданного российского флота из парусных судов, ощетинившихся пушками.

Несмотря на значительную роль в этих событиях, Джонс бесславно завершил российскую карьеру. После его многочисленных стычек с Нассау-Зигенским и другими офицерами-дворянами Потемкин отозвал Джонса с южного флота, возвратив в Санкт-Петербург. Война была еще в полном разгаре, когда Джонс был с позором изгнан из России по обвинению в изнасиловании и лишении девственности двенадцатилет-

ней девицы. Защита не спасла положение — факт, замалчиваемый американскими историками, — но лишь отвергла обвинение в изнасиловании. Джонс в своем обращении к обвинению признался, что “часто пошаливал” с девицей за небольшую плату, заявив: “Я с полной ответственностью уверяю вас, что девственности ее я не лишал”³¹. Через два года он скончался в нищете в Париже — сломленный офицер в потертом мундире, до последнего момента навязывавший иностранным дипломатам свои планы новых кампаний в дальних морях.

Дерибас же, напротив, показал себя исключительно талантливым, преданным и глубоко порядочным по отношению к подчиненным. Он стремился сгладить отношения между Джонсом и офицерами-европейцами, особенно с Нассау-Зигенским, а также с Потемкиным. Проблемы с неподчинением и пьянством он разрешал чаще посредством строгого внушения виновнику, не учиняя непосредственного наказания. Его действия были отмечены и вознаграждены. Потемкин перевел Дерибаса из военно-морского флота в сухопутные войска под начало графа Ивана Гудовича, одного из наиболее заслуженных и талантливых генералов южного театра военных действий.

При Гудовиче Дерибас стал командующим Николаевским гренадерским батальоном, элитным воинским подразделением, названным в честь Святителя Николая, одного из святых покровителей России. Батальон состоял из 800 человек, включая солдат трех казачьих полков.

Летом 1789 года русские войска сосредоточились на северо-западном побережье для новой серии атак на турецкие позиции.

Примерно 40 османских кораблей, в том числе два военных трехмачтовика — *шебеки*, парусники на весельном ходу, — стояли на якоре у побережья близ Хаджибея. Они служили подкреплением небольшому гарнизону, расположившемуся в селении. Многие годы турки укрепляли здесь свои фортифи-

кации, возвели каменную цитадель, сделали несколько пристроек. Хаджибей разрастался, обеспечивая провиант войскам, поскольку татары-кочевники по-прежнему зимовали со своими стадами на дальних пастбищах. И все же эти небольшие домики вряд ли заслуживали помпезное название, которое турки дали своему форпосту: Ени Дунья (Новый мир).

В том августе российские войска под командованием Гудовича и Дерибаса незаметно подступили к гарнизону. Казалось, их приближения не заметили. Но поскольку широкий, открытый залив перед укреплением Ени Дунья обеспечивал остаткам османского флота безопасную стоянку, а на расстоянии пушечного выстрела от берега турки сосредоточили значительную огневую силу, русские командиры, естественно, тщательно обдумывали каждый шаг. “Я решу, как выдвинуть (русскую флотилию) и как подойти к Хаджибею с суши, чтоб можно было его захватить и тем обеспечить поддержку нашим кораблям, — писал Потемкин императрице с поля сражений. — Задача эта требует... большого умения и отваги. Надеюсь на Господа Бога и с Божьей помощью постараюсь взять противника в кольцо”. Суровые испытания тяжело сказались на его здоровье: “Геморрой мой, однако, не дает голове моей покоя”, — писал он в довершение военного донесения³².

И вот, распорядившись о проведении тщательной разведки, в сентябре 1789 года Потемкин не без изумления узнает, что гренадеры Дерибаса, подступив к стенам Ени Дунья, заняли ее, объявив собственностью Екатерины. По существу, это было единственное за ту войну взятие крепости без боя. Вся операция длилась не более получаса. Турецкий гарнизон — несколько десятков застигнутых врасплох солдат во главе со старшим офицером — тотчас сдался. Корабли не произвели ни единого выстрела с моря.

Через несколько дней 26 крупных военных османских кораблей появились у побережья и произвели несколько залпов в сторону берега. Однако после серии залпов корабли отплыли восвояси. Казалось, турецкие капитаны довольствовались

тем, что обрели некоторую пищу для легенд о своей героической защите крохотной крепости против превосходящих сил противника³³.

Между тем русские принялись исследовать трофей, завоеванный исключительно по счастливой случайности. Докладывать особо было не о чем. Хаджибей состоял из нескольких барачков и пяти-шести домишек. Один из них, чуть крупнее остальных, служил резиденцией командующего гарнизоном Ахмеда-паши. Цитадель Ени Дунья окружали стены с башнями и бойницами, однако при ней не было рва или иной преграды, чтобы защитить эти стены от нападения³⁴.

Для роста карьеры старт незначителен, да и сам Дерибас никогда не утверждал, что битва при Хаджибее была чем-то грандиозным, а не просто удачей вкупе со слабым сопротивлением османских воинов на суше и на море. Он был готов послужить и в более доблестном качестве. В следующем году Дерибас принял активное участие в захвате нескольких османских форпостов на Днепре и на Дунае, и основную заслугу в этих битвах даже тщеславный Потемкин с готовностью с ним разделил. “Я не могу нахвалиться генерал-майором Рибасом, — писал он императрице из города Бендеры*. — При его отличной храбрости наполнен он несказанным рвением”, — подобный эпитет часто встречается в аттестации Потемкиным офицера-неаполитанца³⁵.

Дерибас был вскоре возвращен на морскую службу и получил под командование веселую флотилию. Он участвовал в разработке плана штурма турецкой крепости Измаил, пожалуй, важнейшего в той войне сражения, приведшего к победе, которая обеспечила переход дельты Дуная к России. Так дослужился Дерибас до высокого адмиральского звания (обойдя своего бывшего предшественника, опозоренного контр-адмирала Джонса) и возглавил командование всем черноморским флотом.

* Письмо от 4 сентября 1790 г.

Лорд Байрон, описавший русско-турецкий конфликт в эпической поэме “Дон Жуан”, так отразил роль Дерибаса в войне:

Еще один, последний бастион
Отстреливался стойко; там держался
Паша, своим отрядом окружен,
И с русскими отважно расправлялся.
Раз двадцать отступить заставил он
Штурмующих, пока не догадался
Спросить о ходе битвы и узнал,
Что под ударом русских город пал...
...Тогда послал он бея к де Рибасу
По поводу условий...*

Даже после кровопролитных, овеванных славой штурмов крепостей от Очакова до Измаила, крохотный Хаджибей не выходил у Дерибаса из головы.

К концу войны селение формально вошло в состав Российской империи, его уступили турки по мирному договору 1792 года. Многие века местечко пребывало в неизвестности, но в конце XVIII века оно обрело такое значение, о каком и помыслить не могли многие поколения греков, итальянцев, татар и турок.

Хаджибей и крепость Ени Дунья располагались близ дельт нескольких крупных рек: Дуная, Днестра, Днепра и Буга. Расквартированный здесь кавалерийский или драгунский полк способен был, вероятно, держать под контролем вход в самые широкие, наиболее судоходные реки восточной Европы. Глубже на континенте кочевников теснили оседлые земледельцы. Через селение осуществлялся естественный доступ к стадам и отарам, пасущимся по берегам южных рек, плодам крестьянских садов и огородов в дальних землях Подолии и Галиции и даже к отдаленным торговым ярмаркам Польши

* Байрон. Дон-Жуан, песнь 8, ст. 120—121. Перевод Т. Гнедич.

и Прибалтики. При надлежащем планировании и строительстве широкий залив смог бы превратиться в весьма полезную гавань. В сравнительно мягком здешнем климате корабли, встающие на якорь, смогут не опасаться зимних льдов, чем, по сути, ни один другой российский порт похвастать не мог. Доки уже были построены восточнее, в городах Керчь и Севастополь, но ни один из этих портов не обеспечивал непосредственного выхода в открытое море, а также связей с уже проложенными на континенте торговыми путями. И это вполне мог предложить Хаджибей.

Вскоре по окончании военных действий Дерибас предстал перед Екатериной с неким планом. Старое поселение с гарнизоном может превратиться в жемчужину вновь приобретенных южных земель. При надлежащих средствах и при неустомимом его, Дерибаса, усердии здесь, на краю моря, может возникнуть, как путеводный маяк, важнейший город. Имперское величие Екатерины, наглядно запечатленное в новых дворцах Санкт-Петербурга и в европейских манерах ее придворных, сможет воссиять и над южными землями.

Эта идея захватила Екатерину. 27 мая 1794 года она выдала Дерибасу рескрипт, признававший “выгодное положение Гаджибея при Черном море и сопряженные с оным многая пользы”. Императрица повелела обустроить на этом месте торговый и судостроительный центр и назначила де Рибаса “главным начальником” этого проекта. “Как торговля наша в тех местах процветает, так и город сей наполнится жителями в скором времени”, — припечатала Екатерина³⁶.

Итак, солдат удачи из Неаполя получил предписание строить с нуля собственный город — самобытный, современный, рационально спланированный, — который явился бы полной противоположностью его родному Неаполю, а также желанной принадлежностью одной из величайших империй мира. Новый город предстояло построить вокруг разбитой крепости, которую турки по случайному совпадению называли Новый мир. Не исключено, что именно Дерибас предложил

название Одессос, заимствовав его у древнегреческой колонии, которая существовала некогда глубже на континенте.

Возможно, Дерибас испытывал особое пристрастие к античности. Всего за год до того, как Дерибас появился на свет, неизвестный дотоле город Помпеи, погребенный при извержении Везувия в 79 году н.э., был обнаружен в результате раскопок около его родного Неаполя, вызвав широкий интерес к античной истории и сделав Неаполь одним из главных центров неозеллинизма в искусстве, литературе и философии. Как бы то ни было, название Одессос вписывалось в возникающую в России тенденцию возрождения античных традиций вдоль побережья Черного моря. Другие города, обнаруженные или расширяемые Потемкиным, именовались русифицированными, одна другой причудливей, версиями греческих названий. Старые татарские поселения были переименованы в Севастополь (Августейший город) и Херсон (Золотой город). Крым превратился в Тавриду – русское прочтение слова *Taurus*, термина, безусловно знакомого Еврипиду и Геродоту.

Спустя год после назначения главным начальником городского проекта, Дерибас уже подвигал российских дипломатов расхваливать новейшие преобразования в старом Хаджибее. Были возведены наружные укрепления для защиты строительства от турецких набегов. Вместо татарских сараев выросло более сотни каменных домов и административных построек³⁷.

Если верить легенде, которая столь же правомерна, сколь и неправдоподобна, императрица внесла единственное изменение в изначальные планы Дерибаса. Все новые города в степи и на побережье Черного моря носили имена мужского рода. Одессос, название города, учрежденного приказом самой влиятельной и по-новому мыслящей женщины в российской истории, следовало изменить на Одесса – феминизированную версию слова, навеки связанного с именем Одиссея, хитроумного воина и морехода.

К январю 1795 года, когда в Санкт-Петербурге собрались наконец издать географический справочник официальных названий земель, отошедших три года назад к России от Османской империи, в нем можно было обнаружить, что деревня, “татарами Хаджибей именованная”, отныне получала название Одесса³⁸.

Путеводный маяк

Самая известная оживленная улица Одессы — Дерibasовская. С красивыми, широкими, в зелени стройных деревьев, тротуарами, с эстрадой для оркестра и фонтаном, бьющим под музыку. Это главное в городе место для прогулок прохладными вечерами и нежных свиданий влюбленных, такой же ритуальный промена́д вечернего лета, какой встретишь повсюду от Мадрида до Стамбула. Дерibasовская находится в самом центре исторической Одессы, по обеим ее сторонам здания XIX века с живописными лепными фасадами. В жаркие месяцы кафе выдвигаются на тротуары, и вот уже посреди толпы детишек с тающим мороженым и загорелого украинско-русского населения, возвращающегося с пляжа, внезапно обнаруживается выставленный напоказ бильярдный стол, у которого предприимчивый одессит за небольшую плату демонстрирует хитрые трюки.

Эта улица названа в честь Дерибаса, чье имя преобразовано в русское прилагательное. Он по сей день считается истинным основателем города. Как и предвидел Дерибас, Одессе суждено было стать путеводным маяком цивилизации и коммерции на окраине разрастающейся Российской империи. Де-

Дерибасовская улица. Открытка XIX века

рибас сумел добиться содействия Екатерины на расширение бывшего османского форта, чтобы приступить к сооружению мола и сделать вход в гавань безопасным для судов. Однако императрица внезапно скончалась в 1796 году, лишив одесский проект покровительства и защиты.

Вскоре после смерти Екатерины Дерибас оказался вовлеченным в сеть политических интриг. Новый правитель, сын Екатерины Павел I, принялся яростно искоренять созданное его матерью. В годы своего правления она намеренно старалась держать сына в узде, опасаясь пустых амбиций наследника, которому к моменту болезни императрицы перевалило за сорок. С презрением взирал Павел на окружавшую мать камарилью придворных, советников и любовников.

Любимые начинания императрицы заглохли. Былые подвижники получили отставку или назначения, ограничивавшие их прежнюю власть. Один из современников утверждал, что опале подверглись 18 тысяч человек; они были удалены царем с государственной службы, а еще 12 тысяч добровольно

подали в отставку. Это свидетельствует не только о масштабе перемен в период царствования Павла, но и о раздутом штате государственных служащих, созданном матерью Павла совместно с Потемкиным (скончавшимся пятью годами раньше императрицы)³⁹.

Одесский проект был отложен. Обещанное выделение казенных средств на амбициозные планы строительства города и портовых сооружений так и не состоялось. Мечта Дерибаса о создании Восточного Неаполя — порта, который стал бы еще величественнее и успешнее, чем его родной город, — таяла.

Дерибаса удручало безразличие императора, но не в его силах было изменить что-либо во встававшей перед Одессой перспективе: стать не более чем российским аналогом маленького турецкого поселения-крепости, с легкостью завоеванной Дерибасом всего 10 лет назад. Даже он в результате возраставших при правлении Павла препятствий, чинимых строительству Одессы, казалось, утратил интерес к собственной затее.

К счастью для Одессы, разочарование Дерибаса в отношении нового царя разделяли весьма многие. Павел I нажил изрядное число недругов среди российского дворянства. Короткое царствование закончилось тем, что Павел пал жертвой дворцового переворота, приведшего к царевубийству. Существует предположение, будто Дерибас в 1801 году играл некую роль в заговоре с целью положить конец правлению Павла и покончить с ним самим. Но даже если Дерибас и был причастен к драме смещения императора, стать свидетелем ее завершения ему было не суждено. Дерибас скончался за несколько месяцев до низвержения Павла.

Новый император Александр I вознамерился вернуться к политике его бабушки и наладить связи с Европой, направляя империю по пути преобразований и занимаясь развитием южных окраин. У Александра имелись все основания для переосмысления места Новороссии в развитии империи. Переполох в мире, произведенный Великой французской

революцией, высветил значимость естественных ресурсов, которые завоеваниями Екатерины были приобретены для ее империи; основное богатство представляли хлебные нивы и пастбища на восточных окраинах Европы. Транспортный путь через Европу был долог, недешев и — с учетом того, что в тот период по всему континенту шли сражения, — опасен.

Возвышение Наполеона, сулившего Европе вслед за революционными преобразованиями гегемонию Франции, лишь усугубляло проблему. Чтобы заставить голодать недругов в других частях континента, Наполеон наложил запрет на экспорт зерна из Венгрии, что вызвало потребность подвоза пшеницы и ячменя из иных мест. В то же время открылись иные способы извлечения прибыли за счет излишков российского продовольствия. Поддавшись давлению со стороны Европы, турки позволили иностранным судам беспрепятственно заходить в Черное море через проливы Дарданеллы и Босфор. Судам под российским флагом еще в начале 1770-х годов была гарантирована такая привилегия. В 1784 году свободный проход распространился на Австрию, в 1802-м — на Францию, а вскоре после того — на Британию, Неаполь, Рагузу*, Нидерланды, прочие торгующие державы.

Все эти обстоятельства в совокупности сделали идею Дерибаса о необыкновенной будущности Одессы куда более насущной, чем мог вообразить наемник из Неаполя. Теперь Черное море, как писал американец Роберт Стивенс, посетивший эти места, “сделалось общим достоянием народов Европы, а Одесса — центром притяжения всеобщего внимания... Сами обстоятельства, парализовавшие повсюду торговлю, сказались в обратном смысле в отношении Одессы”⁴⁰. Для продвижения сооружения порта и реализации изначальных планов Дерибаса по строительству города были изысканы новые средства.

* Город в Сицилии, некогда столица Сицилийского королевства.

При оживлении внимания к южным землям — и к ключевой роли России как торгового партнера и союзника против надвигающейся угрозы Наполеона — интерес европейцев к новому порту стремительно возрос. В годы мирных отношений между Россией и Францией суда беспрепятственно проходили через главные европейские порты. В условиях войны Россия нашла пути поставки товаров первейшего спроса. Беды Европы обернулись прибылью для Одессы, и на город посыпались деньги со всего континента: голландские дукаты, венецианские цехины, испанские дублоны, турецкие пиастры, венские талеры⁴¹.

Торговые корабли выгружали крепленые вина из Испании и Франции, шелк из Флоренции и Генуи, оливковое масло и сушеные фрукты из Леванта, орехи и ценную древесину из Анатолии. В обратный путь трюмы загружались мешками с зерном и тюками сыромятной кожи⁴². Вновь сооруженные молы укрывали корабли от сокрушительных ветров, а вновь построенные причалы поскрипывали под грузом бочек и тюков.

Как морская, так и сухопутная торговля сделали Одессу средоточием разрастающейся международной торговой сети, что в большей степени связывало город с его европейскими партнерами, чем с имперскими метрополиями — Санкт-Петербургом и Москвой. Плачевное состояние российских дорог означало, что наземный путь от Москвы до Одессы мог продлиться при плохой погоде до 40 суток, а путешественнику из Лондона в Одессу (через Гамбург, Берлин или Краков) можно было добраться за 21 день⁴³.

Как и вся область Новороссии, бойкой столицей которой сделалась Одесса, город из отдаленной колониальной провинции вырастал в торговый центр. Мечтой Дерибаса было скорее построить город. А Александр I предопределил начало расцвета Новороссии, возродив мысль о значимости Одессы для юга империи. Но взлетом Одесса обязана прежде всего одному беглому французскому аристократу.

В последние бурные десятилетия XVIII века Россия стала прибежищем гонимых аристократов-европейцев, бывалых авантюристов, а также бедствующих философов, музыкантов и художников, искавших покровительства в империи, которая только что осознала себя частью Европы. Арман Эммануэль Софи Септимани дю Плесси, герцог де Ришелье был одним из них. Ришелье родился в сентябре 1766 года и принадлежал к династии крупнейших и знатнейших французских аристократов, являясь потомком многовековой династии служителей престола. Он был прапраправнучатым племянником Армана Жана дю Плесси, кардинала Ришелье — известного и могущественнейшего первого министра при Людовике XIII.

Прекрасно образованный, с изысканными манерами, худощавый, чуть сутулый, темноволосый, с карими, приковывающими к себе глазами, молодой герцог, по слухам, был удивительно похож на кардинала. Само по себе имя Ришелье обеспечивало ему путь к французскому двору. В свое время молодой герцог снискал репутацию человека порядочного и честного, учитывая, что оба эти качества были редкостью для кишашего интригами позолоченного века Франции.

Рано женившись, Ришелье хранил верность жене на протяжении многих лет последующих странствий и государственной службы.

Ему не было и 20 лет, когда он унаследовал от своего деда титул первого камергера короля Франции, важной должности при дворе. Вскоре Ришелье сделался доверенным лицом Марии-Антуанетты и даже уговаривал августейшее семейство не возвращаться в Париж, едва слухи о революции достигли Версаля. Приближенность такого рода едва не стоила ему жизни. Когда Бастилию осадили толпы парижан, а французских аристократов отправили на эшафот, Ришелье бежал на восток, в Россию. Там он влился в водоворот европейской знати, окружавший Екатерину с Потемкиным. Он участвовал на небольших ролях во второй Русско-турецкой войне рядом

с Потемкиным, Дерибасом и Джоном Полом Джонсом. Был легко ранен во время штурма Измаила, снискав в связи с этим воинский орден и благодарность императрицы.

Хорошо знакомый с дворцовыми интригами Версаля, Ришелье благополучно перенес смутную пору, последовавшую за кончиной венценосной патронессы, и краткое правление желчного Павла. Когда в 1801 году императором стал Александр I, Ришелье получил все шансы обрести ведущую роль при новой власти.

Учитывая возросшую роль Франции как торгового партнера Новороссии, затем оказавшегося врагом Российской империи, назначение человека с французскими корнями на значительный пост на юге России имело резон. В 1803 году Александр назначает 37-летнего Ришелье на должность градоначальника Одессы, целиком возложив на него военные, коммерческие и общегородские полномочия.

Вскоре Ришелье отправился на юг, чтобы вступить в должность на клочке земли, которая, как он, несколько сгущая краски, писал в мемуарах, продолжала оставаться “пустыней, населенной ордами татар и казаков, пренебрегавших законами цивилизации и сеявшими вокруг страх своими набегами и своей жестокостью”⁴⁴.

По приезду Ришелье увидел перед собой зрелище, мало напоминавшее город, несмотря на активную торговлю, — скорее абрис будущего города, разметку, почти ничем не заполненную, контуры улиц и фундаменты домов посреди белой пыльной равнины.

Одним из основных достоинств Дерибаса было последовательное отстаивание продуманного городского плана. По европейским и даже по американским стандартам Одесса — город молодой. Город, который теперь воспринимается типичным представителем Старого Света, был основан через три года после появления Вашингтона. Центральные части обоих городов отражают представления XVIII века о градостроительстве: рациональный план в виде сетки из сим-

Вид на Преображенский собор. Литография XIX века

метрично проложенных улиц, пересекаемых просторными бульварами с вкраплением миниатюрных парков. Строгие прямые улицы тянутся в бесконечную даль. Парки — это места отдыха и проявления заботы о горожанине, со статуями и памятниками во славу приверженцев долга, чести и патриотизма. Более поздние посетители Одессы, как и Марк Твен, испытывали захватывающее чувство, стоя посреди широкой улицы, когда по одну сторону открывалась голая степь, а по другую — бескрайнее море. Точно так же и гости Вашингтона могут на открывающемся с главных авеню пространстве охватить взглядом Капитолий, Линкольновский мемориал и прочие достопримечательности города.

Ришелье счел изначальную разметку города вполне приемлемой. Дерibas совместно с голландским инженером Францем де Воланом разрабатывал проект сетевой застройки города таким образом, чтобы он по возможности вписался в изрезанный балками ландшафт, посреди которого расположился Хаджибей. Десятка два административных зданий из местного известняка встали позади сотен деревянных лавок, зернохранилищ и глинобитных домишек⁴⁵.

Наводнившая вскоре город толпа резко контрастировала со стремлением проектировщиков к порядку и четкости. Крестьяне, заполнив широкие улицы, сбывали там свою продукцию или рыскали в порту в поисках подсобной работы. Матросы развлекались в городе, пока корабль стоял в порту. Рост населения (оно после назначения Ришелье увеличилось с семи до восьми тысяч) пагубно сказывался на состоянии общественного порядка⁴⁶. В результате Ришелье предпринял кампанию по реорганизации городского управления, по совершенствованию санитарии и созданию ряда общественных учреждений, чтобы довести до блеска местечко, которое при всей рациональной планировке мало чем отличалось от колониального захолустья. “Совершенство, вдохновение, законченность — вот дух нынешнего порядка”, — отмечал некий француз, свидетель тех событий⁴⁷.

Уже в первые годы градоначальства Ришелье построил театр и публичные школы, в том числе гимназию для купеческих детей, что было новшеством в империи, где образование по-прежнему считалось привилегией высших сословий. Он учредил библиотеку, а также типографию, где печатались книги на нескольких языках (вся печатная продукция предварительно просматривалась государственной цензурой, управление которой располагалось в одном из первых построенных в городе административных зданий). Вдоль улиц и в парках Ришелье распорядился высадить деревья, чтобы создать оазис посреди обращенной к необъятному иссиня-черному морю выжженной степи. Он устраивал вывозочку подчиненным, забывавшим поливать саженцы⁴⁸.

Американский коммерсант Роберт Стивенс захлебывался от восторга, описывая наблюдаемые им в первые годы правления Ришелье перемены, представляя, как поразили бы такие преобразования прежних жителей Хаджибея. Декларируя свой успех в торговле с Одессой, Стивенс писал: “И ныне если б кого-то из первобытных обитателей этого края, из тех самых татар-кочевников внезапно перенести в центр этого

города, то, узрев перед собой расцвет общественного и частного блага, все изящество, всю роскошь окружающего, он едва поверил бы, что перед глазами его не волшебное творение⁴⁹. В сравнительно короткий срок жители Одессы поднялись в своем положении до уровня жителей других крупных городов. “Теперь иметь одноконный экипаж — свидетельство крайней стесненности в средствах, крайний резерв жестокой экономии, — писал маркиз Габриэль де Кастельно*. — Иначе говоря, пешком не ходит никто”⁵⁰.

При всех заботах Ришелье об общественном благоустройстве, не учитывать специфичность местоположения Одессы было невозможно. Становясь растущим перевалочным пунктом, город, как ни один другой в империи, был открыт для иностранцев. Корабли, встававшие на якорь в ближней гавани, часто везли в трюмах скрытый груз, таящийся в глубинах тюков с текстилем или корзинах с сушеными фруктами. Угроза инфекционных болезней и почти столетняя борьба с ними были еще одним отличительным свойством пограничного положения Одессы.

В жарком августе 1812 года жителей Одессы стала с невиданной скоростью косить болезнь. Танцовщица местного театра, заболев, скончалась на вторые сутки. Через три дня умерла еще одна. Вскоре заболела третья. Через несколько дней умерли двое слуг и один актер. У всех наблюдались одинаковые симптомы: легкое головокружение, головная боль, затем тошнота и рвота, потом упадок сил, нестерпимая жажда, набухшие, болезненные карбункулы под мышками и в промежности. Смерть наступала примерно на шестые сутки.

* Габриэль, барон де Кастельно д’Орос (1757–1826) — французский аристократ, автор одного из первых фундаментальных трудов по истории Новороссии. Приглашен в Россию Павлом I в 1797 г. (где был известен как маркиз де Кастельно, хотя был лишь бароном). Друг Ришелье, за которым последовал в Одессу. Собственно, Ришелье и поручил де Кастельно собрать документы и сведения для написания истории края. Трехтомный “Опыт древней и современной истории Новороссии” вышел в свет в Париже в 1820 г. На русском языке издан в 1827 г.

Широкое распространение холеры и чумы было привычным явлением для стран Причерноморья, особенно в тех местах, где ландшафт, климат, оживленная торговля и всевозможные послабления создавали благоприятную почву для всяческой заразы. Чума, или Черная смерть, — чрезвычайно заразная инфекционная болезнь, скосившая четверть, если не больше, населения Европы в 40-х годах XIV века, — возможно, переметнулась на запад, скрытая в трюмах торговых кораблей, прибывавших из старых итальянских портов в Крым. Когда Екатерина Великая присоединила этот регион к своей империи, возвращавшиеся с войны русские солдаты и матросы, зачастую ни о чем не подозревая, переносили болезнь из пораженного заразой юга в города и деревни Центральной России. В городах Новороссии, особенно в тех, куда прибывали суда из пораженных чумой портов Османской империи, болезнь грозила с легкостью перекинуться из гаваней в центр города.

По этой причине одним из важных предписаний, выданных императором Александром I Ришелье при назначении его одесским градоначальником, было “подыскать подходящее место для помещения карантинной службы (изолятора) и ускорить его постройку”⁵¹. Собственно карантинная служба существовала в Одессе практически с основания города. Груз судов досматривался и дезинфицировался сернистым газом или иными химическими средствами. Пассажирам надлежало провести по крайней мере две недели в изоляторе, расположенном в старой турецкой крепости. Считалось, что такого срока достаточно для выявления симптомов болезни.

В ту пору служащие карантина имели смутное представление о конкретном возбудителе бубонной чумы — бактерии *Yersinia pestis*, а также о ее главных распространителях — блохах, — однако они понимали, откуда наиболее вероятно ожидать заразу. Бациллы переносились блохами, с блох — на крыс, с крысами — на судно, а те, когда судно заходило в гавань, устремлялись в зернохранилища и на замусоренные улицы.

Переносчиками инфекции могли быть и люди. В большом городе, уже прославившемся взяточниками-таможенниками, кое-кто из зараженных, но внешне здоровых пассажиров всегда имел возможность — чаще всего за ничтожную мзду — избежать карантинных мер и незаметно подняться вверх, на гору, в центр города.

В самом начале августа стал распространяться слух об актрисе местного театра, получившей от неизвестного поклонника обернутый клочком ваты перстень. Хлопок — идеальное укрытие для блох, он должен был, естественно, первым долгом подвергнуться досмотру и дезинфекции, но накануне прибывший на корабле поклонник актрисы сумел пронести перстень в вате через портовые службы. Именно по этой причине главные симптомы — болезненные карбункулы, или бубоны, давшие название бубонной чуме, — впервые были замечены среди актеров и актрис, совместно выступавших на единственной в городе театральной сцене*.

Только что вернувшийся из поездки по Крыму Ришелье должен был отправиться в командной должности на войну с Наполеоном, однако благоразумно решил остаться в городе. Ришелье приказал начать расследовать ситуацию. Вскоре городские чиновники доложили следующее. В последние несколько месяцев произошел взрыв подозрительной смертности, однако сначала умирали в основном крестьяне и челядь, а их судьбами особо не интересовались. Однако когда среди пораженных оказались лица мужского и женского пола из числа персон известных — участники спектакля в театре, построенном самим Ришелье, масштаб бедствия стал очевиден. К этому времени чума основательно поразила население Одессы.

Далеко на севере Великая армия Наполеона угрожала захватить Москву, но Ришелье медлил отправляться на войну, считая сражение с местным невидимым врагом более неот-

* В это время в Одессе гастролировала итальянская оперная труппа.

ложным делом, чем схватка с соотечественниками-французами. Он созвал медицинский совет, чтобы выслушать соображения врачей. Мнения о причинах и степени серьезности заболевания разделились. Некоторые доктора утверждали, что это вовсе не чума. Среди матросов не заболел ни один, да и не было сведений, что болезнь охватила Константинополь, — обычно это служило сигналом для тщательнейшего досмотра судов, прибывающих из османской столицы.

Но лишь предположение, что в городе возникла чума, побудило Ришелье к решительным действиям. 26 августа он приказал закрыть все помещения, где возможно большое скопление людей: церкви, биржу, суды, таможню и театр. Рынкам работать разрешалось, но были приняты крутые меры по пресечению праздншательства. Запахло уксусом на ныне малолудных базарах, так как торговцы мочили купюры в уксусе, чтобы уничтожить заразу, которая могла грозить болезнью.

Как и при всякой эпидемии, информация стала главным оружием защиты. Ришелье распорядился поделить город на несколько районов, назначив в каждый уполномоченного, чтобы те ежедневно представляли доклады об осмотре жилищ и о распространении инфекции на подведомственной территории. Зона карантина расширилась в глубь побережья — до самого Буга и Днестра, охватывая также ведущие на север дороги и пути перегонки скота. Длительность карантина определялась местными чиновниками: 24 дня для частных лиц без багажа и 12 недель для лиц с товаром или с продуктами, внушавшими подозрение.

Несмотря на предосторожности, число смертей росло. Районные инспекторы докладывали, что в день умирает до двух десятков человек. Возникли вспышки инфекции в окрестных селениях, где вопреки запрету на контакт с зараженными матери прижимали к груди зараженных детей, а мужья не отходили от умиравших жен. Доктора, метавшиеся от дома к дому, оказывая временную помощь умиравшим, сами становились жертвами эпидемии.

Ришелье принял смелое решение, которое, возможно, и спасло Одессу. Он приказал перекрыть границы города и установил общий карантин во всех прилегающих районах. Это был смелый, даже отчаянный жест. В сущности, Ришелье не располагал воинскими силами для укрепления карантинных мер. Большинство солдат было призвано на войну. Все-таки Ришелье удалось сколотить полк из 500 казаков, но перед ними была поставлена почти неосуществимая задача надзирать над городом, население которого за семь лет губернаторства Ришелье выросло до 32 тысяч человек.

Новые меры были приведены в действие 12 ноября. Окна и улицы надлежало держать закрытыми. Лишь муниципальным служащим разрешалось выходить из дома, но даже им полагалось иметь при себе удостоверение личности. Для обеспечения закрытого города продовольствием особые уполномоченные доставляли дважды в день пищу в каждый район. Мясо хранили в холодной воде, а хлеб перед употреблением дезинфицировали. Каждый дом осматривали дважды в день, людей с признаками болезни препровождали в специальную поднадзорную зону, пребывание в которой для одних завершалось смертью, а для других, что случалось гораздо реже, выздоровлением⁵².

По улицам громыхали деревянные повозки, развозя народ на осмотр. Красный флаг означал, что повозка везет живого, черный — что жертва мертва. На перевозку мертвых и умирающих мобилизовали каторжников. Одетые в черное просмоленное платье для защиты от заразы, они брели по пустынным улицам, таща повозки с трупами.

“Я был свидетелем тех печальных сцен, — писал французский путешественник граф Огюст де Лагард*, — и с горечью наблюдал отчаяние людей, готовых все отдать, лишь бы избежать гибели”⁵³.

* Огюст-Луи-Шарль Лагард-Шамбона, граф (1783–1853) — французский литератор и путешественник; автор книги “Путешествие из Москвы в Вену через Киев, Одессу, Константинополь, Бухарест и Германштадт” (1824).

Другой свидетель описывал зловещую тишину, в которую погрузился порт, и перемены в повседневных отношениях между людьми, очевидно, вызванные болезнью: “Люди почти боялись дышать, из страха, что зараза может витать в воздухе, — жгли костры, окуривали наружные двери пахучими травами... Двое верховых караульных, приставленных к каждой улице, проезжали медленно, каждый в свою сторону; перебрасывались сообщениями, не приближаясь друг к другу; письма при получении дезинфицировались и подавались на палке с прорезью на конце, потом еще раз дезинфицировались и тогда вскрывались и прочитывались; все прежние проявления приятельства были забыты, никто не осмеливался наводить справки о родных и близких из боязни узнать, что те умерли от чумы”⁵⁴.

В городе, некогда шумном и полном жизни, теперь будто все остановилось. Костры для обеззараживания воздуха заполнили улицы едким дымом. На окраинах города свежевырытые массовые могильники вздымались чужеродными холмами среди ровной степи. Когда ямы забивались доверху, штабеля мертвых тел свозили на костер. Даже самого Ришелье, который в течение эпидемии бесстрашно ходил по городу, видели однажды с лопатой в руках: он рыл могилы, если копальщики уставали или опасались за свои жизни.

Когда кривая смертности резко пошла вверх, Ришелье все-таки отдал приказ очистить от построек территорию порта — сам плацдарм инфекции и средоточие основных ее жертв. Дым взвился над причалами, построенными при содействии Дерибаса, а также над многочисленными складами, рассеянными по набережной.

Несмотря на предписание об отмене общественных сборищ, некоторые горожане пытались в обход казачьих патрулей выйти на улицу и взглянуть на драматическую картину краха своего города.

Кораблям с моря был виден вдалеке столб дыма, мрачное свидетельство самосожжения города; этот путеводный маяк предупреждал: следует держаться подальше.

Прошло более двух месяцев с начала карантина, и 7 января 1813 года горожанам было наконец разрешено потихоньку выходить из дома, хотя таможенные и карантинные кордоны по городу оставались на местах, и они никогда не были полностью сняты. Опустевшие, вызывающие подозрение дома сожгли. Жесткие меры Ришелье по противодействию паническому страху и беспорядкам совершили почти чудо, вынудив чуму саму себя изжить. С августа 1812 по январь 1813 года число зараженных достигло 3331, из них лишь 675 человек справились с болезнью; смерть унесла более 10% городского населения⁵⁵.

Город, считавший себя завидным примером для окружающего мира, юный город, выросший из жалкого окраинного форта в младшую метрополию, был вынужден воздвигать заслоны против невидимых опасностей, плывущих к нему по морю.

Одесса прошла через первый эпизод некоей внутренней борьбы, которая будет продолжаться вплоть до XX века: конфликта между собственным представлением о себе как о городе открытом и роскошном и ощущением изоляции и страха.

При этом не обошлось без неожиданно светлого последствия. Печаль, эта естественная спутница тысяч смертей, усугубляемая долгой суровой зимой, уступила место иному, более радостному чувству. Городские власти отметили осенью 1813 года заметный рост рождаемости.

Среди разных нововведений Ришелье, произведенных в связи с эпидемией чумы, одним, имевшим, пожалуй, главное значение для будущего Одессы, явилось равноправие, в обстановке которого осуществлялись даже самые суровые запреты по перемещению и скоплению народа. На евреев, что было удивительно для того времени, распространялись те же карантинные меры, что и на их соседей-христиан (правда, зараженные евреи получали помощь в отдельном смотровом помещении и отдельной больнице)⁵⁶.

Раньше при эпидемиях чумы от Прованса до Каталонии и от Швейцарии до Рейнских земель при первых же признаках

болезни евреи неизменно становились козлами отпущения. Традиционно их обвиняли во множестве несуществующих грехов, начиная с так называемой нечистоплотности до грандиозных заговоров, предпринимаемых ради ослабления христианства. Начиная с XIV века непрекращающиеся нападки на евреев в Западной Европе: поджоги, избиения, пытки и выселение — стали основным для них толчком мигрировать на восток, к границе Центральной Европы с Россией, от Балтики и до Причерноморья, в места, которые со временем превратятся в средоточие европейского еврейства. В условиях одесской эпидемии, однако, Ришелье сумел прозорливо избежать привычной и фатальной комбинации чумы с погромами, и Одесса явила собой первый пример предоставления убежища растущей разноплеменной общности.

Помимо сотен моряков, регулярно заходивших в Одессу, город стал привлекать многообразные скопления личностей, ищущих удачу в пограничных землях между морем и степью. Некоторые ранние неофициальные переписи регистрируют наличие групп греческих и албанских солдат, итальянских, еврейских, греческих и болгарских купцов, беглых русских крепостных, а также казачьих сообществ. Одесса обретает репутацию в общем-то российского, но совершенно отличного от остальной России города. Он был построен на море, которое всего лишь за несколько десятилетий стало, по словам Роберта Стивенса, “общим домом для европейских наций”, — и Одесса находилась теперь в самом центре “крупных коммерческих операций”, запущенных в ход с возникновением здесь торговли⁵⁷. Как отмечал граф де Лагард, “по красивым, усаженным деревьями и пересеченным пешеходными дорожками площадям шагают и турок, и грек, и русский, и англичанин, и еврей, и армянин, и француз, и молдаван, и поляк, и итальянец, и немец; большинство носят свое привычное платье и говорят на разных языках”⁵⁸.

Будучи владельцами главных торговых домов, имея крепкие родственные и деловые связи со Средиземноморьем, ита-

льянцы доминировали в жизни города, повторяя свою прежнюю роль, когда генуэзские и венецианские торговые центры окружали кольцом Черное море. Итальянский стал в Одессе языком межнационального общения, разносясь из доков и наполняя благозвучием всю коммерческую сферу. Уличные знаки, — и это еще одно нововведение градоначальника Ришелье — писали на итальянском и русском языках; подобная практика существовала долго и после него⁵⁹. Одесский оперный театр на 800 мест, построенный Ришелье за три года до эпидемии чумы по проекту архитектора Жана-Франсуа Тома де Томона, создателя прекрасных зданий в Санкт-Петербурге, принимал гастролирующую итальянскую труппу с ее привычным репертуаром оперной классики. Труппа ввела бытовавший в XVIII веке способ перевода: русский актер излагал на родном языке либретто в помощь зрителям, не говорившим по-итальянски⁶⁰. Даже вездесущие городские извозчики и мелкие торговцы, чумаки, по рассказам, хором вторили арии *La donna è mobile* — разве что присовокупляя свои вирши о славном городе Одессе на краю степных дорог⁶¹:

Отправляюсь я в Одессу,
Жить там очень хорошо:
Не таскать мешки с зерном на окраинах,
Не гнуть спину за трудом на хозяина,
Не платить непомерных податей,
Не ходить за сохой по полю,
Здесь мы сами себе хозяева...

Но вот в холодный понедельник в конце сентября 1814 года Ришелье оставил свою должность. За его каретой, покидавшей пределы города, следовали запрудившие улицы повозки доброжелателей. По сведениям того времени Ришелье покидал Одессу с небольшим кожаным саквояжем да парой смен белья. В отличие от должностных лиц в других частях империи Ришелье был известен скромностью и порядочностью, а также тем, что не использовал положение градоначальника

в целях личной наживы. Он не только построил город, но и прошел вместе с ним через первое суровое испытание.

Едва миновав на своем пути карантинный шлагбаум, душой Ришелье уже был на родине, во Франции. Прошлой весной армии европейской Большой коалиции вступили на улицы Парижа. Император Наполеон был повержен. На престол возвратилась династия Бурбонов в лице Людовика XVIII. Неудержимая тяга к реформации влекла Ришелье на Запад. Родовое имя и международные связи не преминули поспособствовать ему в новой карьере на благо Франции. Он был свидетелем ссылки Наполеона на остров Эльбу, его временного возврата к власти и его окончательного поражения под Ватерлоо. Когда тяжелая пора для Франции завершилась, Ришелье был назначен премьер-министром страны, в которой отсутствовал большую часть зрелой жизни. Он скончался в 1822 году, не дожив до 60 лет. Франция и Россия достигли взаимоотношений, которыми не могли похвастать прежние десятилетия: они стали жить в мире как между собой, так и со многими соседними государствами.

Далеко от Франции на востоке, в Одессе, Ришелье осуществил мечту, прежде зародившуюся у Дерибаса. Он связал эпоху Екатерины с эпохой Александра, эру открытий и просвещения с эрой модернизации. “Одесса... будет и без меня процветать”, — писал Ришелье одному из друзей за несколько месяцев до кончины⁶².

Французские корабли продолжали наведываться в растущий порт, приходящий в себя после ползучей смерти и спасительного огня 1812—1813 годов, а вновь построенные здания и новый приезжий люд превратили Одессу в жизнерадостный, цветущий, а для одного многострадального супруга, его жены и ссыльного поэта — в высшей степени романтический уголок Российской империи.

Губернатор и поэт

Погожим солнечным воскресным утром в конце мая 1828 года огромная толпа заполнила Николаевский бульвар, чтобы приветствовать возвращение в Одессу герцога де Ришелье. Сам герцог скончался шесть лет назад, но теперь одесситы вышли на улицы, чтобы стать свидетелями открытия памятника в его честь — первого публичного монумента в центре города высоко над гаванью в конце улицы с рядами деревьев по сторонам.

Непосредственный преемник Ришелье — Луи Александр Андроль, граф де Ланжерон, — усовершенствовал первоначальный проект приморского бульвара, предложенный Ришелье, насадив деревья и проложив тротуары для горожан, регулярно в конце недели выходивших на бульвар подышать морским воздухом.

В толпе собравшихся был и Ланжерон, однако ввиду плохого здоровья ему пришлось несколько лет назад подать в отставку. Как и Ришелье, Ланжерон бежал от Французской революции и нашел прибежище при дворе Екатерины Великой, умело воспользовавшись новым положением в последующем долгом служении приютившей его стране. В качестве глав-

Памятник герцогу Ришелье. Современная фотография

ного управителя Одессы и Новороссии он продолжил дело Ришелье, основным его достижением стало закрепление за городом статуса свободного порта. Это превратило Одессу в гигантскую свободную от налогов зону, сделав ее весьма привлекательной для международной торговли.

Перед Ланжероном и прочими первыми лицами города стоял монумент, задрапированный холщовым покрывалом. Четырьмя концами покрывала крепились к невысокой металлической решетке у основания гранитного постамента, каждый угол венчался отдельным флагом: Великобритании, Франции, Австрии и России. Солдаты батальона императорского Уфимского полка в ярких мундирах торжественно выстроились перед завешенной статуей. По другую сторону от памятника стояли рядами солидные профессора и учащиеся Ришельевского лицея, самого престижного в городе учебного заведения. В толпе зрителей находились и иностранные консулы в парадных мундирах. Тысячи рядовых одесситов тянули шеи, пытаясь хоть одним глазком увидеть, что происходит впереди.

Около 11 утра со стороны кафедрального собора к памятнику двинулась процессия. Во главе служителей церкви, вздымая пыль подолом массивного, расшитого облачения, выступал митрополит. Процессия подошла к месту церемонии, чиновник зачитал указ государя, соизволявший городу Одессе воздвигнуть монумент в память Ришелье. Затем митрополит, взойдя на возвышение, зычным голосом на церковно-славянском воздал благословение городу и его жителям.

Едва он умолк, покров с памятника упал, и перед взорами во всем бронзовом блеске предстала статуя Дюка в римской тоге и с лавровым венком на голове; простертая вперед правая рука своим жестом будто выставляла город на обозрение.

Толпа встретила памятник радостными криками. Военные отдали честь. Оркестр грянул праздничный марш. Корабли в бухте по этому случаю салютовали из пушек.

Затем начались выступления: речь на французском произнес Шарль Сикар, один из старожилов города, на итальянском и русском — двое почтенных профессоров лица. Затем под звуки праздничного духового оркестра торжественным маршем проследовали солдаты Уфимского полка.

В тот вечер все, кто проходил мимо памятника, любовались проступающим из темноты подобием герцога в освещении фонарей⁶³.

Тогда в мае среди собравшихся было немало высокопоставленных персон. А распорядителем церемонии, на голову возвышавшимся среди присутствующих, был только что назначенный голубоглазый и круглолицый генерал-губернатор Новороссии. Этому представителю нового после де Рибаса и Ришелье поколения, носившему уже не бриджи и треуголку, а панталоны и фрак, предстояло управлять городом, который вступил на путь преобразования в главную южную метрополию России. Этот человек первым после Потемкина из ключевых фигур Одессы носил русское имя.

Михаил Семенович Воронцов родился в 1782 году в Санкт-Петербурге в семье богатых, но относительно недавних ари-

стократов. Когда ему было два года, отец забрал его с собой в Лондон, куда был назначен российским посланником, аккредитованным при Сент-Джеймском дворе. Так зародились узы юного Михаила Воронцова с Британией, которые оставались прочными до конца его жизни. Это явилось поводом для многочисленных подшучиваний над его англофильством и сдержанной манерой поведения.

Лев Толстой в повести “Хаджи-Мурат” описывает Михаила Семеновича во многом таким, каким видели графа Воронцова (с 1845 года — *светлейший князь*) современники: “Честолюбивый, мягкий и ласковый в обращении с низшими и тонкий придворный в отношениях с высшими”, человек с “лисыим” лицом, обладавший “тонким и приятным умом”^{*}.

Отец Михаила Воронцова, Семен Михайлович, порой не уступал Потемкину по влиятельности при дворе, но затем в годы краткого и бурного правления сына Екатерины Павла оказался одним из многих вельмож, вынужденных отправиться в отставку. Знакомство не понаслышке с превратностями тирании в сочетании с воспитанными с детских лет английскими либеральными ценностями и одновременно с пагубными помещичьими замашками во многом обусловило характер младшего Воронцова.

Окончив Кембридж, Воронцов возвратился в Россию на коронацию Александра I; тогда и началась его собственная долгая и прославленная карьера на государственном поприще.

Однако в начале пути ему пришлось пройти боевое крещение. Как отпрыск высокого по положению семейства Воронцов был назначен на службу в Преображенский полк, одно из наиболее прославленных и знаменитых российских воинских подразделений, образованное еще при Петре I. Заслужив в конце осени 1801 года шпагу офицера, молодой честолюбивый лейтенант получил назначение на Кавказ, в гористый

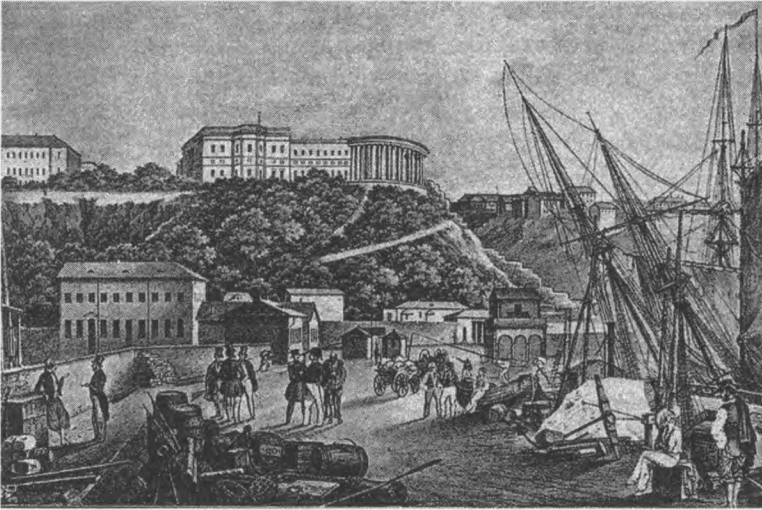
* Толстой Л. Хаджи-Мурат. Собр. соч. в 14 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. Т. 14. С. 50–51.

край на южной окраине империи. Там множество независимых царств, кланов и племенных групп составляли буферную зону между Россией и ее противниками: Османской империей и Персией. Император только что заключил соглашение с православным царством Картли-Кахети (ныне Восточная Грузия), присоединявшее это царство к Российской империи. Воронцов был прикомандирован к кавказским войскам и отправился в Тифлис, столицу Картли-Кахети, где скоро попал в весьма непростые обстоятельства.

Семейство правителей Картли-Кахети, хотя и убежденное в необходимости российской защиты от соседей-мусульман, все же не слишком стремилось к полному присоединению к России. Прочим владыкам и князьям соседних земель также претили территориальные притязания России, замаскированные под стремление защитить оказавшихся в сложном положении христиан. Путем сочетания умелой дипломатии, назойливых уговоров, а порой и применения грубой силы российскому главнокомандующему в этом регионе Павлу Цицианову удалось склонить непокорных кавказцев уступить.

Роль Воронцова была несколько скромнее. Он осуществлял ряд дипломатических миссий под началом главнокомандующего и иногда участвовал в стычках с непокорными горцами. Однако краткая служба на Кавказе преподавала Воронцову урок, который позже пригодился ему в Одессе: теперь Российская империя, подобно Британской, сделалась в политическом, культурном и религиозном смыслах гораздо крупнее и многообразнее, чем скорее всего представлялось жителям далекого Санкт-Петербурга. Чтобы управлять такой территорией, требовались навыки, куда более изощренные и разносторонние, чем для штурма крепости в летнюю кампанию.

Воронцов принадлежал к поколению российских офицеров и политиков, которые, полностью отрешившись от ценностей и тактики XVIII столетия, пусть не слишком уверенно, но продвигались в XIX век. Участие в кавказских событиях сра-

Дворец графа Воронцова и Практическая гавань. Гравюра XIX века

зу же создало ему хорошую репутацию в глазах военного начальства. В последующие 13 лет, с 1805 по 1818 год, Воронцов оказывался на фронтах практически всех крупных военных действий, проводимых Россией: когда Наполеон выступил против союзника императора, короля Пруссии, в новой войне с Османской империей и, наконец, при защите отечества от наполеоновского вторжения в 1812 году.

В этом военном конфликте Воронцов, тогда уже генерал-майор, стал одной из центральных фигур. Он участвовал в решающей битве при Бородине, где был тяжело ранен в ногу, в кровавом сражении при Краоне, где командовал войсками в битве против самого Наполеона. Когда французских завоевателей вынудили отступить из России, войска Воронцова преследовали их по пятам. В марте 1814 года он шагал во главе своей дивизии по Елисейским полям. В следующем году император назначил его командующим российскими оккупационными войсками в Париже.

Впервые за его карьеру Воронцову (в 30 с небольшим лет) было доверено не командовать воинскими частями на поле битвы, а управлять чужеземным гражданским населением и одновременно материально зависящими от населения оккупационными войсками. В следующие три года Воронцов произвел целый ряд нововведений: учредил почтовую службу в своих войсках, организовал общеобразовательную и просветительную программы для гражданских и прочих лиц, а также реформировал дисциплинарную систему, прежде применявшую жестокие телесные наказания для провинившихся младших чинов.

Подобно тому, как Ришелье способствовал реформации правительства Франции после краха Наполеона, Воронцов способствовал совершенствованию там контингента российских оккупационных войск. Когда в конце 1818 года оккупация была снята, Воронцов повел свою армию в долгий путь домой.

Вскоре он вернулся в Париж, где мог с облегчением вздохнуть уже не в качестве командующего войсками. Именно в Париже на торжественном приеме в центре города, приходящего в себя после войны и иностранной оккупации, он встретил Елизавету Браницкую.

Лиз, как обычно звали ее в свете, принадлежала по материнской линии к династии польских магнатов. Благодаря расчетливым бракам с русскими вельможами, семейство сделалось богатым, весьма респектабельным, имело превосходные связи с западноевропейским обществом. Елизавета была внучатой племянницей Потемкина, а сам светлейший князь скончался от пневмонии на руках ее матери, графини Александры Браницкой.

Лиз была из тех женщин, кого в наши дни называли бы скорее привлекательной, чем красавицей: с точеными, даже изысканными чертами лица, грациозная, элегантная, синеглазая, с волосами цвета воронова крыла, уложенными на лбу кольцами завитков. Она имела в некотором роде репутацию

дамы кокетливой, хотя была не юна. Ее обаяние и особые, быть может, чуть дерзкие, манеры снискали ей внимание света и притягивали к ней мужчин, что продолжалось далеко по вхождении ее во вполне зрелый возраст.

Лиз уже исполнилось 26 лет — пора критическая, а подходящей партии все не было. Вернее, ни один претендент до сих пор не удовлетворял непомерным запросам ее матушки, к тому моменту стареющей и снедаемой алчностью вдовы.

Увидев Елизавету, Воронцов был сражен наповал, и Лиз ответила на его чувства. Старая графиня была также пленена генералом, человеком зрелым и солидным, с прославленным именем и внушительным шлейфом титулованной и богатой российской и британской родни.

В мае 1819 года состоялось пышное бракосочетание Лиз с Воронцовым.

Это событие совпало с поворотным моментом в судьбе графа.

Превосходно чувствуя себя в парижских салонах и в гостиных Лондона, он доблестно служил государю и на полях сражений. Где основать домашний очаг и что предпринять в качестве очередного шага в отлаженной карьере?

Последующие несколько лет, даже сделавшись человеком семейным, Воронцов разъезжал по России, иногда вместе с Лиз. В становлении Новороссии он сразу же усмотрел перспективу роста городов, торговли и сельского хозяйства. По приглашению своего друга, графа де Ланжерона, он посетил Одессу. Город расцветал на глазах, и управление им требовало энергии и воодушевления, свойств, которых Ланжерон за собой не признавал. «Стараюсь, только бы не навредить, — писал он Воронцову. — Постоянно лыщу себя мыслью, что если больше не будет войны, в один прекрасный день вы замените меня на моем посту»⁶⁴.

Деликатно маневрируя в придворных кругах и в лабиринтах российских гражданских канцелярий, Воронцов изыскивал для себя возможность стать преемником уставшего от дел

Ланжерона. Дабы упрочить благосостояние, он воспользовался некоторой частью внушительного приданого Лиз, чтобы обзавестись имениями на юге: в Крыму, близ Одессы, а также Таганрога, порта на Азовском море.

В конце весны 1823 года Воронцов был назначен генерал-губернатором Новороссии: этот титул был учрежден для нового администратора. Вскоре семейство Воронцовых обосновалось на Черноморском побережье.

К началу 20-х годов XIX века Новороссию усеяли городки и речные порты. Через степь были проложены новые дороги. Немецкие, болгарские и сербские колонисты превратили пустоши в цветущие степи. Вся это было делом рук нового поколения талантливых управляющих, посланных на юг, чтобы усмирить приграничье и облагородить дикое поле, как называли эти просторы в России.

При всех нововведениях эта область оставалась местом ссылки. Приграничные городки и порты Новороссии, наводненные немцами, только что заявившимися из сел крестьянами, осевшими здесь вчерашними кочевниками-скотоводами, а также моряками из Средиземноморья и Леванта, находились далеко от чистых улиц и городской суеты имперских столиц. И вполне подходили именно для отправки туда политических бунтарей или высокомерных литераторов, которые, хотя и не представляли прямой угрозы для царской власти, могли своей разнузданностью и юношеской нетерпимостью бросать вызов правящему классу Санкт-Петербурга или Москвы. Как, например, Александр Пушкин.

Скандально известный романтик, пылкий и язвительный поэт, со щегольски непокорными курчавыми волосами и пышными струящимися по щекам бакенбардами, Пушкин был потомком Абрама Ганнибала, африканца, выпестованного при дворе Петра Великого и впоследствии монаршей волей удостоенного имениями и землями.

Официально ссылка Пушкина на юг выглядела как его перевод с должности в Министерстве иностранных дел на го-

сударственную должность в помощь при надзоре за колонизацией южных территорий.

Не достигнув и 20 лет, Пушкин заявил о себе как значительный поэт и публицист, став первооткрывателем литературного жанра в русской словесности, литератором, в котором лирическая образность соседствовала с политическим радикализмом, романтическая меланхолия прикрывала призыв к реформированию автократии царского престола. Едва Пушкин вырос в ярчайшего трибуна среди группы молодых литераторов и художников, вращавшихся в светских салонах Санкт-Петербурга, так тотчас же попал в поле зрения правительственных цензоров, которые в 1820 году и ратовали за его высылку из столицы.

Следующие три года Пушкин провел на южных равнинах близ Кавказских гор, а также в приграничной Бессарабии, в краю живописных гор, безбрежных полей подсолнуха и цыганских кочевий. Эти места обогатили его воображение, утвердив отношение к самому себе как к неистовому изгнаннику; он представлял себя Овидием, который на склоне лет мог лишь слать с Черноморского побережья скорбные послания.

...Проклятый город Кишинев!
Тебя бранить язык устанет...^{*}—

писал Пушкин своему другу Филиппу Вигелю осенью 1823 года из Одессы в Кишинев.

К 1823 году просьбы Пушкина перевести его в Одессу были удовлетворены, в значительной мере благодаря личному вмешательству Воронцова, сочувствовавшего поэту. Пушкин получил назначение в канцелярию генерал-губернатора Новороссии.

^{*} Александр Пушкин — Филиппу Вигелю, 22 октября — 4 ноября 1823 г. Из Одессы в Кишинев. См.: Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Т. 9. С. 71.

В тот период репутация Пушкина была неоднозначной. Он пользовался известностью даровитого литератора при том, что имел обыкновение преступать границы дозволенного, преподнося стихотворные экспромты на званых вечерах или светских раутах. Несмотря на изгнание, Пушкина продолжали публиковать в литературных журналах, а южные скитания придавали экзотический аромат его творениям, в которых проступало влияние восточных сюжетов, а также ощущался привкус исламофилии, присущей лорду Байрону.

Печально-лиричная поэма Пушкина “Бахчисарайский фонтан” содержит размышления о бренности человеческой жизни и верховной власти при созерцании поэтом изысканного каменного фонтана в старом дворце татарского хана в Крыму — том самом дворце, где несколько десятилетий назад останавливались Екатерина с Потемкиным. Поэма Пушкина “Кавказский пленник”, рожденная его живым воображением при виде встающих вдали величественных Кавказских гор, стала ярким литературным выражением представления империи о ее неизведанном юге как о крае экзотических красот, романтических героев, непокорных жителей дальних окраин.

Пушкин в знойном июле 1823 года прибыл наконец в Одессу как литературная и публичная знаменитость, что превратило этот поворот в его изгнании в знаменательное событие. Он не испытывал недостатка ни в приглашениях на званые обеды, ни в друзьях по застолью. О нем прознали в значительном большинстве и городские проститутки, главным образом имевшие дело с греческими и итальянскими матросами, а не с поэтами. Последние три года пропутешествовав по широко раскинувшемуся приграничью империи и не отказывая себе при этом в роскоши, Пушкин вынужден был теперь хлюпать по грязи и по лужам, направляясь в чей-то салон или на поздний ужин. “Теперь я опять в Одессе и все еще не могу привы-

кнуть к европейскому образу жизни, — писал он брату Льву в августе*.

Город сильно изменился за годы после де Рибаса и Ришелье. Население быстро увеличивалось, готовясь достичь к середине века численности в 116000 человек. На месте старой турецкой крепости в конце Николаевского бульвара строился роскошный каменный дворец нового генерал-губернатора, который будет завершен к 1830 году. Двери, ставни и отделка каминов для парадных залов первого этажа прибыли из Михайловского дворца в Санкт-Петербурге, резиденции (и места убийства) Павла I. Бильярдный зал, величественная гостиная, огромный салон и библиотека были обставлены элегантной английской мебелью.

Отдельно располагалась Турецкая зала с высоченным потолком и позолоченной лепниной, где пол устилали персидские ковры, а по стенам были расставлены обитые шелком диваны. В библиотеке хранилось лучшее во всей империи частное собрание книг, картин и научных приборов⁶⁵.

Повсюду в городе вокруг круглой центральной площади, по сторонам которой вскоре поднимутся этнографический музей, публичная библиотека и административные здания, вырастали белостенные дома с черепичными или железными крышами. Центр с легкой руки генуэзских и иных иностранных предпринимателей заполнили гостиницы. Трактиры и небольшие закусочные обслуживали прибывающий в город люд. С апреля по октябрь, в разгар торгового сезона, когда в порту высаживались привлекаемые свободой торговли и новыми возможностями рабочие, возчики, русские и польские помещики, а также заморские купцы, население города могло возрасти тысяч на десять⁶⁶. Если исключить пеструю экзотику временно наведывающихся в город толп, то, как отмечал некий англичанин, посетивший Одессу во время губернатор-

* Александр Пушкин — Льву Пушкину. 25 августа 1823 г. Из Одессы в Петербург. См. там же, с. 67.

ства Воронцова, “можно сказать, что Одесса — это Петербург в миниатюре”⁶⁷.

Пушкину не было и 25 лет, когда он приехал в Одессу, где вскоре предпринял свои, иногда увенчивавшиеся победами, атаки на местных аристократок, замужних и незамужних, молодых и не очень. Была среди них 27-летняя Каролина Собаньская, хотя и числившаяся в замужестве за преуспевающим одесским дельцом, но открыто сожительствовавшая с начальником военных гарнизонов юга России (одновременно она была тайной осведомительницей властей по выявлению политических радикалов). Еще была некто Амалия Ризнич, обладательница классического римского профиля, на момент встречи с Пушкиным находившаяся в положении.

Пушкин в своей переписке отличался ветреностью и не скупился на краски в описании любовных и интимных связей, излагая приятелям подробности в мельчайших деталях.

...Тебе служить я буду рад
Своей беседою шальною... —

пишет он, между прочим, Филиппу Вигелю (известному гомосексуальными привязанностями):

...Но, Вигель, — пощади мой зад!*

Но самое красноречивое описание любовных связей Пушкина в Одесский период обнаруживается в неожиданном источнике: его собственных беглых зарисовках в рукописях. На полях первого варианта его шедевра “Евгений Онегин”, работу над которым он начал в Бессарабии и продолжил, служа у Воронцова, стихотворный текст обрамляют женские и мужские портреты — зарисовки друзей, знакомых, прохожих, и одно за другим следуют изображения предметов его жгучей страсти. В ангельском хоре вдовушек и инженю, темноволосых иностранок и миловидных русских женщин, проступает

* Александр Пушкин — Филиппу Вигелю. См. там же, с. 72.

Городская Дума и памятник Пушкину. Фотография начала XX века

тема той, что старше его семью годами, той, чье изображение украшает рукопись чаще иных. Это Лиз, жена Воронцова.

Неясно, когда именно встретились Лиз и Пушкин, но, учитывая узкий круг одесского светского общества и то, что жена генерал-губернатора была дама в высшей степени светская, можно предположить, что познакомились они вскоре после прибытия поэта в Одессу. По приезде Пушкин снимал номера в *Hôtel du Nord*, располагавшемся на Итальянской улице, но вскоре переселился в другую гостиницу поближе к морю, на углу Дерибасовской и Ришельевской, где мог, наслаждаясь свежим воздухом, поправить здоровье после пребывания в Бессарабии. (Страстное желание вдыхать живительный морской воздух явилось одной из причин прошения поэта перевести его на побережье.) Из новой гостиницы Пушкин регулярно отправлялся на званные сборища, заполнявшие долгий летний сезон встреч.

Лиз обожала нетривиальные собрания, устраиваемые ею торжества, балы и званные ужины славились по всей России. “Я... с трудом мог оставить Одессу, — сетовал некий русский путешественник, — так как не хотелось мне лишиться их (графа и графини Воронцовых) общества, какого не найду в чужих краях”*. В годы пребывания Пушкина в Одессе грандиозный дворец Воронцова еще не был построен, но званные вечера, которые впоследствии Лиз устраивала в нем, дают представление о том, какого рода могли быть забавы, организованные ею и в более скромных залах.

Представим: гость входит в большую залу резиденции около девяти вечера. Играет оркестр, и гости в масках, в причудливых костюмах — кто в тунике, кто в кучерских шароварах, кто в кружевном переднике швейцарской крестьянки — кружатся в танце на паркетном полу. Внезапно прямо к

* Всеволожский Н. Путешествие через Южную Россию. В 2-х т. М.: Типография Августа Семена, 1839. Т. 1. С. 94. Николай Всеволожский (1772–1857) — полковник в отставке, литератор, путешественник, содержатель типографии.

танцующим выезжает гигантская сахарная голова, изнутри стремительно выпрыгивает какой-то старикан и пускается в пляс. Среди танцующих в расшитом гусарском мундире графиня Воронцова. Она встречает все новых гостей — жителей загородных поместий или частных домов с улиц, расходящихся в стороны от Николаевского бульвара. Среди гостей — кузен Воронцова генерал Лев Нарышкин с женой Ольгой (она из семейства Потоцких, крупных русско-польских магнатов); француз барон Рено, хозяин гостиницы, где жил Пушкин, Щербинины* и Бларамберги**, Пуцины и Раевские⁶⁸.

Внезапный коммерческий успех и возросшая известность — вот-вот должен был выйти в свет “Бахчисарайский фонтан”, и издатели наперебой стремились заполучить права на новые издания “Кавказского пленника” — сильнее возбуждал в Пушкине присущий ему апломб. Вероятно, с графиней он познакомился осенью или в начале зимы 1823 года на новогоднем балу или же на одном из устраиваемых генерал-губернатором дважды в неделю увеселительных приемов — во время игры в фанты или в вист. Пушкин влюбился в Лиз столь же стремительно, как несколькими годами ранее Воронцов.

Судя по всему, ему ответили взаимностью. Лиз была известной любительницей флирта, который даже в таком провинциальном городе, как Одесса, достиг уровня высокого искусства. Остроумие и поэтические экспромты Пушкина разительно контрастировали с деловитой сдержанностью Воронцова. Следует заметить, что и генерал-губернатор, сле-

* Михаил Щербинин (1793–1841) — участник Отечественной войны 1812 г., член посольства генерала А.Н. Ермолова в Иране в 1817 г. Позднее — участник кружка “Зеленая лампа”, друг Пушкина, которому поэт посвящал стихи. Распространял вольнолюбивые стихи поэта.

** Иван Бларамберг (1772– 1831) — приехал в Россию в 1797 г., с 1804 г. — на службе в России; археолог, один из первых исследователей древностей на побережье Черного моря, основатель Одесского и Керченского музеев древностей. В Одессе, в частности, служил также чиновником особых поручений при губернаторе графе Воронцове. Пушкин был неравнодушен к дочерям Бларамберга Елене и Зинаиде.

дую негласным обычаем высшего российского дворянства, имел любовницу — Ольгу Нарышкину, почти десятью годами моложе Лиз. Ольга была замужем за известным генералом, но свет предпочитал закрывать глаза на этот адюльтер⁶⁹.

Суровой зимой 1823/24 года, когда соленый лед сковал прибрежную полосу Черного моря и степные ветры с воем проносились вдоль немощеных улиц, между поэтом и графиней возникла любовная связь, которая вскоре взорвалась скандалом в одесском обществе*. Вероятно, начало связи можно отнести к первым числам февраля, когда Воронцов отъехал в Кишинев; свидание Пушкин отметил на полях рукописи “Евгения Онегина” как *soupe chez C.E.W.* (“ужинал с графиней Элизой Воронцовой”), приведя ее инициалы на французском.

С наступлением весны и возвращением в Одессу генерал-губернатора влюбленные стали встречаться на вилле барона Рено. На краю своего поместья, среди прибрежных скал Рено устроил пляж. Это тайное место, удаленное от города, но не слишком, чтобы двое влюбленных могли без труда встречаться там в теплые месяцы, вдохновило Пушкина на одно из самых эротичных его стихотворений:

Приют любви, он вечно полн
 Прохлады сумрачной и влажной,
 Там никогда стесненных волн
 Не умолкает гул протяжный**.

По всей видимости, этот роман не был у Лиз первым. Подобно многим супружеским парам того времени, у нее с мужем имелось соглашение, допускавшее для обоих некую свободу в любовных связях. Беда была в том, что Пушкин упорно продолжал насмехаться над тем, чего в обществе из приличия вообще не принято было касаться. Как подмечал один из биографов Пушкина, поэт не мог устоять перед частым

* Факт любовной связи между Пушкиным и Елизаветой Воронцовой оспаривается рядом солидных исследователей.

** Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 1. С. 606.

искушением поиздеваться над тем, кому он перешел дорогу⁷⁰. Оружием издевки поэт избрал эпиграмму. “Полумилорд, полупека” — таково лаконичное резюме Пушкина в адрес Воронцова. За этим следует — “полугерой, полуневежда”.

Эти ядовитые строки, циркулировавшие широко и в разных версиях, явно и публично отражали отношение Пушкина к Воронцову. Демарш необдуманный и опасный. Воронцов был не просто мужем его возлюбленной — он по праву заслужил уважение в обществе, невзирая на нынешнее положение рога носца. Воронцов помимо прочего был начальником Пушкина. Ведь, по сути, именно зачисление в канцелярию генерал-губернатора сделало возможным переезд поэта в Одессу. Увольнение без рекомендаций для очередного места службы означало бы для Пушкина необходимость оставаться в вечной ссылке, скитаться по равнинам России без надежды на помощь и приют, не будучи допущенным в Санкт-Петербург. Но и Воронцов оказался в затруднительном положении. Поскольку удаление Пушкина из столицы исходило от самого государя, то только с его высочайшего повеления можно было переместить Пушкина куда-либо из-под начала Воронцова.

“Избавьте меня от Пушкина, — писал Воронцов министру иностранных дел графу Карлу Нессельроде весной 1824 года. — Это, может быть, превосходный малый и хороший поэт, но мне бы не хотелось иметь его дольше ни в Одессе, ни в Кишиневе”⁷¹.

Внезапно волей необычных и пренеприятнейших обстоятельств, течением которых Одесса сделалась печально известной, на город обрушилось новое бедствие, неожиданно предоставив Воронцову путь к избавлению, а именно — нашествие саранчи. Губерния подверглась массивной атаке вредителей, уничтожавших посевы, оголявших деревья и истреблявших фураж, предназначенный для скота и лошадей. Миллионы стрекочущих насекомых покрыли небо черным облаком, как густой дым стелясь над полями и садами.

Едва нагрязнула саранча, как оказалось, что горожанам известно немного способов борьбы с нею. Основным средством было производить сильный шум, чтобы отпугивать насекомых. Некая англичанка, жена торговца, жившая в поместье, ежегодно устраивала шествие против паразитов. Впереди шагала ее муж, звоня в большой колокол, за ним садовник, колотя палкой по жестяному ведру, следом лакей, гремя лопатой об лопату, потом служанки, звякая кастрюлями и чайниками; замыкали шествие дети, ударявшие вилками по чайным подносам⁷². Даже в самом городе, по свидетельству очевидца, пассажира прибывшего в Одессу судна, “жестокая битва развернулась между жителями и безжалостными истребителями растительности. Все, способное издавать шум, от пистолета до ступки, от литавр до жестяной кастрюльки громом гремело в руках перепуганных горожан ради того, чтобы защитить их невеликие владения”⁷³.

Как и Ришелье в разгар эпидемии чумы десятилетие назад, Воронцов считал: чем подробнее сведения об относительных размерах ежегодного вывода саранчи, тем легче разработать нужную тактику обуздания грозящего нашествия. В мае генерал-губернатор выдал Пушкину официальное предписание проинспектировать несколько сельских уездов для определения масштабов кладки яиц и оценки эффективности их уничтожения, прежде чем из них летом выведутся новые особи, а также для представления отчета в письменной форме*.

* “Предписание № 7976 от 22 мая 1824 года: “Состоящему в штате моей коллегии иностранных дел г. коллежскому секретарю Пушкину. Поручаю Вам отправиться в уезды Херсонский, Елисаветградский и Александрийский и, по прибытии в города Херсон, Елисаветград и Александрию, явиться в тамошние уездные присутствия и потребовать от них сведений: в каких местах саранча возродилась, в каком количестве, какие учинены распоряжения к истреблению оной и какие средства к тому употребляются. После сего имеете осмотреть важнейшие места, где саранча наиболее возродилась, и обозреть, с каким успехом действуют к истреблению оной средства и достаточны ли распоряжения, учиненные для этого уездными присутствиями. О всем, что по сему Вами найдено будет, рекомендую донести мне”.

Пушкин был шокирован. Никогда раньше за все годы его государственной службы не приходилось ему составлять какую-либо канцелярскую бумагу. Отправка в глушь, чтобы считать яйца саранчи, была явно рассчитанным демаршем. Пушкин ответил протестующим письмом. Он — известный литератор, говорилось в письме; как государственный чиновник он, по собственному признанию, слаб и скорее всего не справится с поручением. У него аневризма, которая может прорваться в любой момент. Но Воронцова доводы поэта не убедили. Вскоре Пушкин отправился исполнять миссию по противодействию пигмеям-оккупантам⁷⁴.

Ход Воронцова возымел желаемый эффект. Проведя несколько недель в глубинке, Пушкин направил прошение об отставке с государственной службы. Прощение далось ему не легко, но это был единственно приличный выход из создавшегося положения. Пушкин публично унизил человека, обладавшего значительной властью. Одесское общество порицало поэта не за то, что он преступил границы любовных притязаний, а за то, что вел себя при этом не по-джентльменски.

К середине лета участь Пушкина была решена. Воронцов получил положительный ответ на свое прошение высшим властям об удалении Пушкина из Одессы.

Однако и сам адюльтер, и личное отношение Воронцова к Пушкину, вероятно, сыграли не главную роль в решении генерал-губернатора добиваться перевода поэта из Одессы. Учитывая свойственное одесскому высшему обществу сластолюбие, бурные, в открытую обсуждаемые адюльтеры, случившееся чем-то необычным не являлось. Более существенный проступок Пушкина — столь же типичный для города Одессы, сколь и распущенность для здешнего провинциального дворянства — состоял в распространении бунтарских настроений.

Примерно за два года до прибытия в Одессу Пушкин упоминал в письме другу о некоторых “происшествиях, которые будут иметь следствия, важные не только для нашего края, но

и для всей Европы”*. В 1814 году в Одессе возникла тайная организация греческих патриотов под названием “Филики этерия”, или “Общество друзей”. Ее целью было сплотить греческую диаспору на юго-востоке Европы и поднять восстание, чтобы вернуть древние христианские земли, от Константинополя до границ Греции, захваченные османскими мусульманами. Одесса оказалась идеальным местом для вынашивания революционных планов.

Одесса была городом, в который доступ политических радикалов оказался относительно несложен, поскольку она находилась вдали от основных центров имперского значения. Здесь в обществе открыто царила атмосфера свободолюбия. Курящая публика, моды на грани приличия, публичные разговоры на содержательные темы от международных взаимоотношений до размера налогов, что даже в Санкт-Петербурге и Москве происходило не так уж часто. В Одессе же это стало неотъемлемым достоянием улиц. Десятки секретных обществ — и квазирелигиозных, как свободные масоны, и с неопределенными политическими взглядами по образцу итальянских карбонариев, и просто тайных из пристрастия к таинственности — вербовали радикально настроенных интеллектуалов, служащих и сыновей благородных семейств.

Оставаясь свободным портом, Одесса привлекала с каждым годом все больше и больше судов. Новые политические идеи вливались в многочисленные ресторанчики и различные питейные заведения, так потоки зерна заполняли недавно отстроенное близ порта зернохранилище.

“Один знакомый господин называет Одессу концом света, — писал английский путешественник, посетивший город в начале 1820-х годов, — она воистину нечто особенное, что-то отдельное, наполовину восточный город”⁷⁵.

* Александр Пушкин — Василию Давыдову, первая половина марта 1821 г., Кишинев (?). Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 9. С. 23.

Само расположение (крайняя удаленность от российских имперских столиц и обращенность в сторону шатающейся Османской империи) позволило городу превратиться в некий очаг политических интриг. Итальянцы, стремившиеся скинуть Бурбонов с престола или установить конституционную монархию, греки с румынами, мечтавшие положить конец мусульманскому господству, а также русские, упорно желавшие реформировать царскую автократию, — все находили пристанище в Одессе.

В целом “Филики этерия” было обществом плохо организованным, воинственным и не слишком сплоченным, но его скрытые интриги, связанные с геополитическими переменами, уже охватили всю Европу. На крайнем юге греческие патриоты восстали против турецких правителей и провозгласили независимость. Вскоре и другие попавшие в зависимость от Турции земли — например, соседствующие с Одессой на западе румынские княжества Молдавия и Валахия — выдвинули притязания на освобождение.

В феврале 1821 года разноплеменная армия под предводительством Александра Ипсиланти, грека, состоявшего на военной службе в России, и одного из лидеров “Филики этерии” перешла реку Прут, отделявшую Бессарабию от находящегося в вассальной зависимости от турок Молдавского княжества, с намерением развернуть крупномасштабное восстание селян христианского вероисповедания. Это событие Пушкин и назвал происшествием, важным для России и Европы. Современники сравнивали его с переходом Цезаря через Рубикон, считая началом действий, которые, как многие надеялись, смогли бы перерасти в повсеместное восстание балканских и средиземноморских христиан против исламской империи. Романтики со всей Европы влились в это греческое движение, подобно тому, как их отцы устремлялись на восток, вступая в армию и флот Екатерины. Лорд Байрон, в чьих поэмах черпал вдохновение Пушкин, в 1824 году погиб, участвуя в войне за независимость Греции.

Греческое восстание явилось началом десятилетней борьбы за будущее Юго-Восточной Европы. Греческие партизаны и нерегулярные войска — эти *клефты* и *арматалы* в ярких кафтанах горцев, потрясая ятаганами и непомерно длинными мушкетами, устраивали небольшие набеги и схватки с турецкими войсками в 20-е годы XIX века.

Консервативно настроенные европейские державы, сначала морщась при любом намеке на революцию, мало-помалу вознамерились погасить греческий кризис попытками дипломатических переговоров с турецким султаном. Россия неофициально поддержала повстанцев в 1827 году, разгромив турецко-египетскую флотилию в Средиземном море в битве при Наварине. Год спустя Россия вступила в короткую войну с султаном (1828—1829), чтобы обеспечить свободное прохождение по Черному морю своих судов, подвергавшихся опасности во время ответных ударов, предпринимаемых турками для подавления повстанцев на Балканах.

Одесса стала колыбелью греческой революции, симпатии к ней в городе были сильны. Российские власти озадачивало то обстоятельство, что революция, как саранча или чума, не разбирает, где обосновываться, а где нет. Зарождавшееся в среде греческих военных и интеллектуалов движение, направленное против турок-мусульман, легко могло перекинуться и на саму Россию. Бунты против царя не были новостью. Знаменитый Семеновский полк в Санкт-Петербурге взбунтовался осенью 1820 года против жестоких дисциплинарных наказаний. Бунт вскоре был подавлен, что, однако, подтвердило тот факт, что и Россия не осталась в стороне от революционных настроений, бродивших по Европе. Такие тайные общества, как “Филики этерия”, явились основной силой, распространявшей идеи свободы и политических реформ.

Пушкина давно подозревали в заигрывании с радикальными настроениями, а недолгое пребывание у южных границ лишь усилило антипатию поэта по отношению к наиболее во-

пиющим проявлениям царской политики. Воронцов сумел использовать подозрительное отношение властей к Пушкину в собственных целях. В письменных жалобах представителям высшей власти он намекал на радикальные, возможно, даже республиканские взгляды Пушкина, что явствовало как из доходивших провинциальных сплетен, так и из стихов поэта, прославлявших свободу.

К лету 1824 года Санкт-Петербург окончательно убедился в том, что оставлять практически безнадзорного Пушкина в жаркой атмосфере Одессы опасно. Пушкина надлежало освободить от государственной службы, но необходимо было и впредь держать под присмотром. Иначе, как писал Нессельроде Воронцову, "...используя свое независимое положение, он, несомненно, будет все шире и шире распространять опасные идеи, коих придерживается, и принудит власти применить к нему самые суровые меры"⁷⁶.

Пушкина было решено выслать в Псковскую губернию, в его фамильное имение Михайловское, где у него вряд ли возникнет возможность ввязаться в какую-нибудь историю и где за ним удобнее присматривать из столицы. 29 июля 1824 года поэт отправился в долгий путь на север, навсегда расставшись с Лиз и с Одессой.

Через девять месяцев Лиз произвела на свет дочь Софью. По Одессе поползла молва, будто ребенок от Пушкина, и этот слух Пушкин не слишком старался пресечь. Как бы то ни было, их роман скоро будет увековечен не просто в виде зарисовок на полях рукописи "Евгения Онегина", но в художественно-поэтическом смысле, в самом сюжете этого произведения. Как и Лиз, на первых порах потерявшая голову от любви, так и одна из центральных героинь, Татьяна Ларина, в конечном счете предпочтет опрометчивому чувству верность мужу. Дуновение Одессы присутствует на страницах этого произведения поэта, который со временем станет национальным поэтом России и главным создателем современного русского литературного языка.

Воронцов способствовал удалению Пушкина из Одессы, исходя и из личных, и из политических мотивов. Однако растущая приверженность города к радикальным идеям не могла не бросить тень и на Воронцова. В первые годы правления император Александр I проявил себя как реформатор-либерал. Однако революционные вихри, которые, казалось, грозят порядку в Европе после Наполеона, делали царя все более подозрительным к тому, что творится вокруг.

В декабре 1825 года во время поездки по Новороссии император внезапно скончался в Таганроге, не оставив наследника. Поползли разные слухи. Не совершилось ли цареубийство? Умер ли государь на самом деле? Напряжение в обществе росло, а судьба императорского престола оставалась неясной. Когда тело императора было перевезено в Санкт-Петербург, младший брат Александра Николай после некоторого молчания объявил о решении взойти на престол, очевидным образом обойдя Константина, старшего и ближе стоящего к трону брата.

Недоверие к подобной преемственности, а также общее ощущение, что Николай намеренно пренебрег правами брата, вызвало восстание. В ту студеную зиму в Санкт-Петербурге группа военных офицеров и сочувствовавшие им войска отказались принимать присягу Николаю. 14 декабря мятежные полки в количестве 3000 человек выстроились в каре на Сенатской площади против превосходящих их численностью сторонников Николая. Несколько пушечных залпов смешали ряды протестантов, оставив на площади множество убитых и раненых.

Последовал поток арестов и отставок. Пятеро зачинщиков — наиболее активные либералы и основатели движения, известного в истории как Декабристское, — были повешены.

В Одессе восстание декабристов имело широкий резонанс. Одним из центров либеральной активности являлся тогда Тульчин, военный городок к северу от Одессы, где молодые дворяне, офицеры полка и литераторы обсуждали идеи

свободы, социальных реформ, даже поговаривали о том, чтобы положить конец монархии. Под настороженный взгляд нового императора Николая I, естественно, попала Одесса с ее генерал-губернатором, чьи либеральные настроения и прогрессивные идеи, взращенные в английских гостиных и дискуссионных клубах Кембриджа, казались опасно близки революционным устремлениям декабристов.

Воронцову стоило невероятных усилий продемонстрировать личную преданность новому монарху, а также убедить его в верноподданности и всей Новороссии. “Следует заметить, — писал граф Воронцов в мемуарах, — что в городе Одессе, о котором прежде много всякого зла наговорено было, нет ни единого жителя, ни единого лица должностного, кто участвовал бы в этом заговоре, тем паче был арестован в связи с ним”⁷⁷.

Воронцов отправился в Санкт-Петербург, чтобы лично воздать почести новому императору, и оказался столь убедителен в заверениях в верности, что вскоре был назначен верховным прокурором в судебном процессе над декабристскими бунтарями. И карьера Воронцова, и город, которым он управлял, теперь были вне подозрений. Но все же дух бунтарства полностью развеян не был. Он будет витать над Одессой еще целых 100 лет.

Воронцов получил возможность продемонстрировать верноподданность города летом 1828 года, когда император с семьей посетили Одессу. Лиз с ее прославленным искусством хозяйки дома устроила изысканный прием в парке по случаю именин императрицы.

Парк располагался на краю Одессы близ загородного поместья, в котором венценосное семейство проживало во время поездки на юг. Дорогу, ведущую к парку, венчала триумфальная арка из веток и камышей. Поближе к морю была установлена небольшая театральная сцена под навесом из турецких тканей, натянутых на копыя. Оркестр Уланского полка обеспечивал музыкальное сопровождение, а у арки девицы из

“Пушкинское убежище” в Одессе. Фотография XIX века

дворянских семейств и юные жены в белых летних платьях встали группками соответственно цвету их шляпок и лент.

При приближении императрицы маленькая Софи Воронцова (не исключено, сопровождаемая шушуканьем, что-де ее истинный отец Пушкин) преподнесла гостье венок из цветов.

Грянула музыка. Гости вскоре потянулись к морю, там на берегу стояли три витязя в латах. На море в лодке мадемуазель Морикони, примадонна Одесской оперы, медленно подплывала к берегу, распевая арию из оперы Россини “Танкред”. Вот на берегу в сплетении ветвей, а также на реях стоявших на рейде кораблей зажглись китайские фонарики, и тотчас зазвучали вальсы и кадрили, прерываемые паузами, сулящими передышку с прохладительными напитками и мороженым⁷⁸.

Николай был настолько очарован городом, что спустя некоторое время заметил, что считает Одессу достойной быть вторым по значению после Санкт-Петербурга городом⁷⁹.

Фривольная пышность, сопровождавшая императорский визит, ознаменовала новую эру: Одесса перестала быть про-

стым приграничным городом и, наоборот, сделалась знаменитым южным двойником северных российских метрополий. Под предводительством Воронцова Одесса начала приобретать атрибуты большого города. В 1827 году стала издаваться выходившая почти ежедневно на русском языке газета “Одесский вестник”, вслед за которой появилась выходящая раз в две недели на французском языке *Journal d’Odessa*. В 1830 году открылась публичная библиотека. С 1828 года начались пробные рейсы пароходства, которые со временем значительно расширятся и свяжут Одессу со всеми крупными портами Черного моря, а также за его пределами. К началу 40-х годов в городе было более сотни гимназий, в которых преподавали 400 учителей и насчитывалось почти 5000 учащихся, юношей и девушек, — и это не считая частных учебных учреждений, основанных греческими, немецкими, еврейскими и армянскими общинами⁸⁰.

С судна, вставшего на якорь в Карантинной гавани, открывался вид на благоустроенный город на высоком берегу: бульвар, биржу, классические колонны Воронцовского дворца, театр, зеленые с золотом купола соборов. “Теперь перед нами был воистину европейский город, наполненный достатком, энергией и радостью”, — писал французский инженер Ксавье Оммер де Гелль* в конце 1830-х годов⁸¹. Массивный Спасо-Преображенский собор, главная церковь города, был увенчан шпилем в 1837 году. А через четыре года Воронцов председательствовал на торжественном открытии самой известной одесской достопримечательности: грандиозной лестницы, ведущей с высоты города вниз к порту. Проект спуска в 200 ступеней с десятью площадками был разработан в 1825 году архитектором Франческо Боффо, а построен в 1837—1841 годах. Лестница воплощена в вывезенном из

* КСАВЬЕ ОММЕР ДЕ ГЕЛЛЬ (1812—1848) — известный французский геолог, путешествовал по югу России с научными целями в 1839—1841 гг. Его жена Адель Оммер де Гелль — автор книги “Путешествие по Прикаспийским степям и югу России” (Париж, 1860).

Триеста песчанике, который обошелся в 800 000 рублей. Сначала лестницу единодушно ругали, называли *escalier monstre* (лестницей-монстром), недальновидным и слабым проектом, предрекали, что через пару лет она рухнет. Однако лестница, увенчанная статуей Ришелье на Николаевском бульваре, почти сразу же стала главным символом города.

Словно уходящая ступенями прямо в небо, серовато-белая лестница отражала солнце. Эффект был просчитан: внизу ступеньки значительно шире, чем наверху, это создает впечатление, будто статуя Ришелье гораздо массивнее, чем на самом деле, — несуществующий колосс на вершине рукотворного возвышения. Стоя наверху и глядя вниз на лестницу, видишь только широкие площадки; снизу же площадок не видно, только мощный взлет ступеней. Даже теперь, когда осталось 192 ступени (часть была засыпана при расширении порта), а вся лестница отделана местным гранитом, а не прежним хрупким известняком, детище Воронцова притягивает Одессу к самому морю, одновременно поражая приезжих грандиозностью города на холме.

Даже спустя десятилетия после того, как Воронцов, покинув пределы Новороссии, отправился на беспокойный Кавказ в качестве наместника, его вклад в развитие города не был забыт. Воронцов скончался от удара, проездом оказавшись в Одессе в ноябре 1856 года. Он только что пережил последнее потрясение, которое драматически сказалось на нем. Обе его родины, Россия и Британия, завершили мучительную и безрезультатную битву друг с другом в Крымской войне, конфликте, в котором родные Воронцову люди сражались по обеим сторонам фронта. Подошла к концу пора, когда титаны-основатели Одессы свободно могли перемещаться между разными мирами. Город находился на территории империи, которую со временем охватит страсть к искупительным идеям православия, национализму и деспотизму.

Перед погребением Воронцова местный архиепископ произнес слово о процветании и об усилении значимости

ЧАСТЬ 1. ГОРОД-ГРЕЗА

Одессы в годы губернаторства Воронцова. “Возвращенная, как дитя, она поднялась над прочими городами, — звучал его голос, воспаряя к сводам Спасо-Преображенского собора, — и стала воистину южной столицей России”^{*}.

^{*} Слово при погребении генерал-фельдмаршала светлейшего князя Михаила Семеновича Воронцова было произнесено синодальным членом, высокопреосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим, в Одесском кафедральном Преображенском соборе 10 ноября 1856 г.

“У Одессы нет национальности”

В начале 40-х годов XIX века по предложению Министерства государственных имуществ, одобренному императором, почти все еврейское население подлежало выселению в резервацию. Взмолванный судьбой евреев, Воронцов, преодолев сопротивление жены и многих чиновников, обратился к императору Николаю I с представлением.

В этом историческом документе, в частности, говорилось: “Ваше Императорское Величество! Зная, сколь Вы, Государь, изволите интересоваться мнением управляющих отдельными частями империи относительно дел государственных, осмелюсь и считаю долгом определить в намерениях правительства изменить судьбу еврейского народа. Без излишества опишу нынешнее положение евреев в Новороссийских губерниях, где их пребывание не возбраняется. Указанные евреи вытеснены из Западной Европы и во внутренние губернии России не допущены. Большая часть их относится к малодостаточным обывателям, принуждена добывать хлеб насущный мелочной торговлей, трудом на казенных землях и ремесленными услугами обывателям.

Бродская синагога

Зная, сколь Ваше Императорское Величество благоволи-
те мне, недостойному высокой милости, припадаю к стопам
Вашим, Государь, о смягчении судьбы несчастного народа”.

Lebn vi Got in Odes! — так звучало традиционное восклица-
ние на языке идиш. “Жить, как Бог, в Одессе!” могло быть до-
брым пожеланием и ругательством или же способом уязвить
напыщенных и зазнавшихся одесситов. Одесса притягивала
к себе евреев из других частей Европы и России как город,
социальная среда которого была относительно либеральной,
климат благоприятным, перспективы для торговли много-
обещающими. В отличие от многих европейских городов,
здесь никогда не было района, именуемого еврейским квар-
талом. Классовое положение и благосостояние, а не религия
или национальность были определяющими факторами здеш-
ней жизни. Гетто в Одессе возникло только во время Второй
мировой войны, и создали его оккупанты.

Еврей-торговцы — традиционные шесть семейств — уже
обосновались в Хаджибее к моменту завоевания его Россией,

составляя примерно сотни две человек из всего населения. Во время первой неофициальной переписи в 1790-е годы несколько сотен евреев были зарегистрированы как купеческое сословие. Через несколько лет появились основные институты еврейской жизни, а именно: синагога, похоронное общество и Кехиллах, или орган, управляющий делами общины⁸². За XIX столетие, со времен Ришелье до конца 1860-х годов, еврейское население выросло с менее чем четырех до семнадцати тысяч, составив примерно четверть от общего населения Одессы. По мере роста городского населения в целом оно все в большей степени становилось еврейским⁸³.

Сухопутные торговые пути, связывавшие Центральную Европу с Черным морем, пролагали векторы связей, освоенных евреями со Средневековья. Эта развитая торговая сеть проходила через города, ставшие сухопутными партнерами Одесского порта. Такие города, как Броды — главный торговый центр на севере, в Галиции, — имели связи с морем благодаря перегонщикам скота, чумакам и купцам, которые из месяца в месяц проделывали путь по горам, по долам от центра Европы к Черноморскому побережью.

Всего за столетие одесская еврейская община превратилась в движущий центр экономической жизни города. К началу 1900-х годов примерно две трети кустарных и промышленных производств, около 70% торговых компаний и почти 90% торговли зерном было сосредоточено в руках еврейских предпринимателей⁸⁴.

Одесса привлекала иммигрантов всех мастей и вероисповеданий, но то, что она сделалась привлекательной для евреев, имело особые причины. Статус свободного порта открывал доки и гавани для кораблей со всего Черноморья и всего Средиземноморья. Это, в свою очередь, сделало город пунктом пересечения материковых маршрутов еврейских общин Центральной Европы. Крупные центры еврейской жизни обосновались в городах и селах континентальной Европы от Варшавы и Вильно до западно-украинских *штетлов*

(местечек). На территории Российской империи существовали известные ограничения для поселения и занятий евреев. С конца XVIII столетия проживание для евреев в целом ограничивалось так называемой чертой оседлости: в ее пределах евреям досталась обширная полоса территории у западных границ империи, включавшая значительную часть земель нынешних Литвы, Белоруссии, Восточной Польши, Молдавии и Западной Украины. Переселение евреев в другие части империи, как правило, запрещалось. Даже в пределах черты оседлости источники заработка для евреев ограничивались законом, допуская лишь отдельные виды деятельности, такие как содержание питейных заведений, производство спиртного и мелочная торговля. В ее пределах евреи являлись меньшинством населения, составляя к 1890 году чуть более 12%. Однако существенная концентрация в некоторых селах и городах делала евреев самой заметной в масштабе империи этнической и религиозной общиной, а зачастую и любимой мишенью для нападок.

Итальянцы и греки считали Одессу северным партнером портовых городов на Адриатике и в Эгейском море, и в целом вплоть до середины XIX века продолжали оставаться в значительной мере хозяевами экспортной торговли. Однако в одесской торговле евреи превратились в важного посредника, наладив связи с крестьянами, иммигрантами-фермерами и скотоводами пограничных земель и становясь таким образом важным связующим звеном между ними и интересами крупного экспорта в портовом городе. Благодаря их природной энергии и общественным связям Одесса превратилась в то, чего от нее первые основатели от Потемкина до Воронцова никак не могли ожидать: в крупнейший порт говорившей на идиш народности. Будучи приграничным городом, нуждавшимся в людях и притоке средств, Одесса стала одним из главных центров черты оседлости, современным и динамичным. Там евреям в пределах общей ограничивающей их права системы открывалась возможность приобретения материаль-

ных благ, а также обеспечивалась некоторая степень свободы. В Одессе деловые связи евреев воспринимались как залог процветания города (в других же частях Российской империи евреев считали конкурентами предпринимателей-христиан, что и стало одной из причин узаконенных ограничений коммерческой активности евреев).

Чтобы заниматься предпринимательством в Одессе, коммерсанты должны были зарегистрироваться в одной из трех торговых гильдий. Каждая гильдия имела особые привилегии, а членство в каждой определялось суммой членских взносов. В середине XIX века члены первой гильдии должны были выплачивать ежегодный взнос в размере 980 рублей серебром и таким образом получали право вести любые виды коммерции за границей и в России, а также право проводить до трех оптовых операций. Члены второй гильдии платили меньший взнос — 400 рублей серебром, но их ежегодный торговый оборот ограничивался 90 000 рублями. Члены третьей гильдии платили еще меньше, примерно 100 рублей серебром, и были еще более ограничены в торговле в России и за ее пределами. Иностранным купцам (редкое исключение составляли те, кто уже давно обосновался в Одессе) предлагалось вступить в первую гильдию, в то время как российские подданные могли выбирать любую из трех в зависимости от имевшихся средств и характера коммерческой деятельности.

Значительное число евреев было представлено в каждой из трех гильдий. Согласно одному из отчетов конца 1850-х годов, в первой гильдии Одессы насчитывалось 25 коммерсантов, пятеро из которых евреи, во второй гильдии — 52 коммерсанта, 15 из которых евреи. В третьей гильдии почти половину членов — 367 из 782 — составляли евреи⁸⁵.

Объезжая села и хутора, объединяясь с братьями по религии и родственниками в других городах и селениях черты оседлости, евреи быстро сделались видными участниками внутрироссийской торговли товарами, ввозимыми в Одессу и вывозимыми из нее, обращая имеющуюся крайне дискри-

минационную и зачастую деспотичную законодательную систему в средство коммерческого успеха.

Бурная деловая атмосфера в городе, наполненная небывалой свободой коммерции и предпринимательским духом, воздействовала и на иные сферы общественной жизни. Свобода торговли предусматривала свободу занятий всевозможными видами коммерции (если только человек мог позволить себе приобрести членство в одной из гильдий), а это открывало доступ к общественной деятельности, что жителям других частей Российской империи было неведомо. Свобода нравов высшего общества, столь привлекательная для Пушкина и его современников, отразилась и на других сторонах общественной жизни Одессы — от многолюдного порта до торговой биржи, где совершались сделки и сколачивались состояния. Даже общественные развлечения, театральные и оперные спектакли проходили в местах, где представители различных классов и этнических групп перемешивались более естественным образом, чем где бы то ни было в империи.

Что бы там ни было, к своему еврейству Одесса относилась двойственно. Юный город на старой турецкой границе не располагал ни великими раввинами, ни учеными-схоластами, ни проповедниками-мистиками, какие имелись в других больших и малых городах. Не было здесь ни основателя хасидизма Ба'аль Шем Това, ни известнейшего знатока иудейских канонов Виленского Гаона. Обычай *штетла* и *закрытых дворов* (духовных домов) хасидских цадиков (мудрецов), благодаря которым безвестные восточноевропейские селения превратились в центры знаний и паломничества, не были ведомы Одессе.

Большинство восточноевропейского еврейства воспринимало этот город в лучшем случае как провинциального парвеню, в худшем — как притон жуликов и вероотступников. “Все здесь поставлено с ног на голову. Словно они пытаются выставить этот мир на посмешище”, — говорит нищий-бродяга Фишке Хромой, персонаж Менделе Мойхер-Сфорима, основоположника литературы на языке идиш. — Не по мне

она, ваша Одесса”. Центр традиционного иудаизма находился гораздо севернее, у польско-литовской границы. Молодость и расстояния удерживали Одессу на периферии еврейской мысли и культуры.

Все же несмотря на *гойскую* (не-еврейскую) репутацию города среди многих евреев, для нееврейского населения еврейство Одессы — как часть мультикультурной действительности — было очевидным и ярко выраженным. “Я видел здесь людей всех наций, — писал русский путешественник в 1830-е годы, — греков, итальянцев, немцев, французов, жидов (их здесь много), армян и толпу украинцев, отдыхающих между волами и фурами на площадях”*. В одном французском путеводителе того времени сказано кратко: “Народ воспринимает евреев как членов коллективного заговора и избегает их, как чуму”⁸⁶.

Но было в Одессе нечто, не замечаемое многими из ее жителей: особое сообщество прогрессивно, оптимистически мыслящих и коммерчески удачливых евреев. И это стало значимым вкладом города в судьбу евреев черты оседлости да и всей империи.

Можно и не заметить этого здания на крутом спуске улицы Жукова в самом центре Одессы. Оно стоит в тени высящегося рядом в гордом великолепии Концертного зала филармонии. Дом этот — как карлик в сравнении с высоченными платанами, которые, сплетаясь кронами, выстроились вдоль Пушкинской улицы, начинающейся за углом. Однако укрытое за чугунной оградой голубовато-серое здание на шатком фундаменте, с осыпающейся на фасаде штукатуркой, было некогда главным символом одной из особенностей еврейской жизни в Одессе. До того, как оно стало рабочим клубом имени Розы Люксембург, а затем складом и архивом в годы Второй мировой войны, это была главная синагога сообщества, именуемого *маскилим*.

* Всеволожский Н. Путешествие через Нижнюю Россию, Крым и Одессу. Т. 1. С. 92.

В конце 1820-х годов примерно четыре тысячи одесских евреев составляли чуть меньше 13% всего населения⁸⁷. За последующее десятилетие размеры и характер еврейской общины претерпели значительные изменения. Иммигранты-евреи потекли в Одессу из малых и больших городов черты оседлости. Огромные возможности для торговли в свободном порту, а также отсутствие правительственных ограничений на поселение превратили Одессу в желанное место для честолюбивых еврейских коммерсантов и купцов. С новыми людьми город наполнился новой энергией и новыми денежными средствами, но люди эти привнесли и новые идеи: религиозные убеждения, взгляды и культурные традиции Хаскалы, или еврейского Просвещения.

Хаскала как движение — продукт жизни и деятельности Мозеса Мендельсона, известного немецко-еврейского мыслителя XVIII века. В основе учения Мендельсона лежит мысль о том, что традиционные черты еврейской жизни — от почитания раввина до социальной изоляции — должны быть переосмыслены в направлении таких ценностей, как разум, свобода и прогресс. Мендельсон и его последователи не отвергали характерных свойств еврейской культуры; они скорее стремились модернизировать и развивать лишь те, которые помогли бы евреям стать полноценными гражданами в просвещенном государстве. Сторонники Хаскалы предлагали изменить одежду, язык, отношения с не-евреями, а также расширить границы профессиональной деятельности, благодаря чему евреи смогли бы успешно проявить себя, например, в сельском хозяйстве.

По сути, Хаскала была скорее реформистским, чем радикальным движением, и многие из его основных постулатов нашли отражение в облике городов Центральной и Западной Европы. Появились синагоги, по виду напоминавшие христианские храмы, литургические хоровые песнопения, использовавшие гармонические каноны европейской классической музыки, издательства, предпочитавшие печатать свою про-

дукцию на немецком, польском или русском, а не на языке идиш. В черте оседлости идеи Мендельсона проросли после его смерти в 1786 году, однако теория и практика Хаскалы породили раскол в этих еврейских общинах.

Размежевание евреев происходило не только в среде различных ответвлений сообщества *маскилим* (под этим термином объединялись правоверные, но прогрессивно мыслящие адепты Хаскалы), но и среди их привычных противников ортодоксов, евреев-хасидов, а также среди не согласных с Хаскалой сторонников более радикальной ассимиляции с русской культурой.

В Одессу *маскилим* начал проникать из разных частей черты оседлости в первые два десятилетия XIX века, однако с новой волной переселенцев в этот морской порт пожаловали и многие семейства из-за границы, особенно евреи из города Броды и других частей Галиции. Как и Одесса, Броды был городом, свободным от многих коммерческих пошлин; этот статус был ему пожалован, когда после раздела Польши в 1772 году Броды оказались во владении Австрии. Город стал играть значительную роль в торговле Центральной Европы с Российской империей как динамичный континентальный порт, ведущий торговлю между австрийской, прусской и российской частями разделенной Польши. После возникновения Одессы Броды обрели естественного партнера на морском побережье. Со временем переселенцы благодаря деловым связям, окрепшим между двумя этими городами, устремились в Одессу, воспользовавшись бурным ростом экспорта и импорта.

Греки и итальянцы, как сложилось с основания города, составляли основную часть одесского торгового сословия, однако к 30-м годам XIX века бродские евреи заняли центральное место в качестве посредников, главным образом в торговле сельскохозяйственными продуктами. Местные производители в глубинке были им хорошо знакомы. У них были налажены отношения с перегонщиками скота и чумаками.

Они обладали мощной сетью приятелей, родни и знакомых по всей Центральной и Восточной Европе, а те, в свою очередь, выступали в качестве кредиторов и оптовых покупателей мешков, тюков и бочек с товаром, поступавшим в порт из Средиземноморья.

Один из видных одесских писателей и мыслителей Хаскалы Иоахим Тарнополь так описывает высокий авторитет иммигрантов из Бродов: “Как правило, уроженцы города Броды обладали беспримерным рвением и энергией: они буквально из кожи вон лезли, чтобы достойным образом обеспечить себя и свои семьи... Их связи с некоторыми крупными финансистами в Европе, а также их честность и пунктуальность в выполнении своих обязательств, позволили им полностью завладеть банковскими операциями, и тем самым они принесли... неограниченную пользу торговому сообществу”⁸⁸.

Евреи города Броды и прилегающего к нему района были известны не только деловой хваткой. Они были также основными пропагандистами Хаскалы. В короткий период они преуспели с задачей создания общественных учреждений в Одессе, которые повторили и превзошли аналогичные, уже известные в Галиции. При поддержке городских властей они учредили частное училище, где наряду с изучением Библии преподавались русский язык, математика, география и счетоводство. Подобный стиль обучения резко критиковался периферийными евреями-традиционалистами. Затем бродские евреи учредили фонды под строительство небольшой синагоги, где службы проводились в соответствии с просвещенным стилем, возобладавшим в Центральной Европе. Места, оборудованные для сидения, предотвращали толкучку и давку. Прихожанам не разрешалось разговаривать во время службы, изменился прежний стиль поведения в синагоге, поскольку *маскилим* считали его устаревшим и лишенным порядка. На смену прежней музыке пришли новейшие хоральные произведения композитора Нисана Блюменталья, известного кантора, который прослужил в этом качестве вплоть до своей кон-

чины в возрасте 98 лет в 1903 году. К 1860-м годам прихожане собрали достаточное количество средств, чтобы воздвигнуть очередное, более величественное, устремленное ввысь здание в мавританском стиле, которое стало одной из главных достопримечательностей города. Ныне это и есть то самое полуразвалившееся строение на углу улиц Жукова и Пушкинской⁸⁹.

По субботам под звуки четырехчастных гармонических хоралов Блюменталья, раскатисто звучащих в стенах синагоги, бродские *маскилим*, наверное, тешили себя осознанием причастности к влиятельным кругам города. Как и все прочие евреи, они сталкивались с массой юридических ограничений и социальных предрассудков; исключением не был даже такой относительно либеральный чиновник, как Воронцов. Но в пределах еврейской общины города *маскилим* имели возможность заниматься ее проблемами, возглавляя главные комиссии и общественные институты, управлявшие жизнью еврейской общины буквально от обрезания до похорон. *Маскилим* придали городу поистине прогрессивное ускорение, а реформы, зачатые ими, были подхвачены по всей империи. Одесская еврейская школа явилась моделью для более широких, финансируемых государством экспериментов в области еврейского образования. Музыкальные произведения Блюменталья плыли из синагоги в синагогу (многие поются по всему миру и по сей день), а его школа хорового пения вырастила не одно поколение певцов и композиторов. Непокколебимая уверенность в себе и коммерсантов, и музыкантов, и религиозных деятелей сделала растущую еврейскую общину города предметом уважения и почитания, хотя еврей-традиционалисты продолжали ее порицать.

С годами движение *маскилим* продолжало развиваться. Ассимиляция с русским языком и культурой пришла на смену ориентации первого поколения галицийских евреев, стремившихся черпать вдохновение и опыт у немецких реформистов.

Так Одесса вступила на путь превращения в крупный центр модернизации иудаизма в пределах Российской империи.

“Адское пламя полыхает вокруг Одессы” — такое высказывание бытовало у сельских жителей, говоривших на идиш; иногда утверждали, что эти всполохи были видны за семь верст от города, порой — что даже за десять верст и дальше. Но это дальнее сияние скорее было озарением, чем знаком тревоги. Одесса превратилась в такое место, где жизнь евреев с большим основанием можно было бы описать как ассимиляцию, а не вынужденное отторжение.

По воскресным вечерам Николаевский бульвар был заполнен наслаждавшимися морским воздухом еврейскими семьями, мужчинами в скюртуках, дамами, одетыми по последней европейской моде, которые затем обосновывались в кафе у Ришельевской гостиницы⁹⁰. В Опере еврей-меценаты сидели рядом с не-евреями или толпились на стоячих местах у сцены. Город, расположенный внутри черты оседлости — территории, созданной, чтобы ограничить общение евреев с не-евреями, — превращался в плавильный котел, в котором ортодоксы и реформаторы, евреи и христиане разделяли общее социальное пространство. “Именно иноземцам, включая в эту категорию и городских евреев, — лаконично резюмировалось в одном коммерческом докладе, — наш город обязан своим нынешним процветанием”⁹¹.

Одесса явилась вызовом в целом Новороссии *штетлу* — это был город, где евреи скорее социально интегрировались, нежели отчуждались, скорее становились просвещенными, чем оставались ортодоксами, и в целом оптимистически рассматривали возможность убедить Российское государство в своей общественной полезности. Новыми указами евреям позволялось более активное участие в государственной службе. Появились новые возможности для образования еврейской молодежи. Время от времени российские чиновники ограничивали даже ношение хасидских лапсердаков и про-

чих атрибутов ортодоксальной одежды, и это обычно приветствовалось *маскилим*. Как утверждал Иоахим Тарнополь в подробном описании жизни одесских евреев в 1850-е годы, “яркое зарево цивилизации... развеяло тень предрассудков, распространяя свет”⁹².

Между тем в последующее двадцатилетие, когда евреи вышли из положения людей второго сорта, укрепившись в центре экономической жизни Одессы, и открытость, и новые возможности, и интегрирование, которые изначально превозносились сообществом *маскилим*, подверглись суровому испытанию.

При попытках иноземных путешественников проехать по евразийской степи выбор, встававший перед ними, был невелик: нанять кибитку и трястись по дорожным ухабам или остановиться на засиженном мухами постоялом дворе, где нет ничего, кроме заплесневелого хлеба и дряного вина, а вместо постели — набитый соломой тюфяк, покрытый рваным одеялом.

Потому так поразились путешественники, когда обнаружили перед собой крохотный уголок Германии, переместившийся в открытые ветрам степи. Маленькие деревянные домики стояли стройными рядами вокруг скромной каменной церквушки. На дверных косяках красовался непримотливый, но изящный цветочный узор. Окна, выходящие на улицу, украшали ящики с яркими цветами. Путешественника встречали приветливым чуть настороженным *Guten Tag*, и если тот спрашивал, как лучше проехать до ближайшего селения или города, то наверняка название произносилось на немецком, а не на русском языке. “По мере нашего продвижения на юг я была приятно удивлена при виде новейшего ведения сельского хозяйства, — писала жена некоего русского офицера вскоре после основания города Одессы, — а также обнаружив, что моя великая империя, которая, как я полагала, из-за необъятности своей, должно быть, скудно населена, покрыта многолюдными деревнями и полями колосющейся пшеницы”⁹³.

Немцы, особенно члены конфессии нелюдимых христиан-меннонитов*, были приглашены Екатериной Великой для обустройства ферм в Новороссии вскоре после отторжения этой территории от Османской империи. Немцы привнесли земледельческие традиции, которые отсутствовали в приграничье, населенном в основном кочевниками и казаками. Взамен они получили землю, освобождение от военной службы и готовые рынки сбыта в растущих на Черном море российских портах.

Одесса была основана иностранцами, находящимися на российской службе, и их наследие прирастало поколение за поколением. Ширились профессиональные ниши. Если вы преуспевающий коммерсант, то ваш цирюльник скорее всего армянин, ваш садовник — болгарин, штукатур — поляк, кучер — русский, а горничная — украинка⁹⁴. “У Одессы нет национальности”, — недовольно замечал некий приезжий⁹⁵. Одни описывали ее посредством аналогий — Русская Флоренция, Русский Неаполь, Русский Париж, Русский Чикаго, даже Русский Цинциннати⁹⁶. Другие брались долго перечислять экзотических типов, каких можно было встретить на бульварах, в доках или на базаре: армянин в каракулевой папахе, грек в синих штанах, албанец в традиционной короткой юбке и высокой фетровой шапке, турок в феске, татарин в розовом халате или в необъятной накидке, длиннородый православный священник в лиловой рясе при посохе с золотым набалдашником, ученик Ришельевского лицея в строгой форме, русская женщина или украинка в вышитом чепце, крестьянин

* Меннониты — протестантская деноминация, основанная К. Гребелем (1489–1526) в 1525 г. в Цюрихе в ходе швейцарской (цвинглианской) Реформации и официально признанная в Голландии в 1533 г. Получила название по имени голландского религиозного лидера Менно Симонса (1492–1559), присоединившегося к движению в 1536 г. Церковь меннонитов строилась на принципах братства, а жизнь христианина они понимали как прямое следование Христу и его учению; они отрицали любые войны и применение насилия; утверждали принципы любви и непротivления и стремились к практической святости в жизни.

в широких, заправленных в сапоги шароварах, морские офицеры и гражданские служащие — в расшитых мундирах, с аксельбантами и фестонами⁹⁷.

Прибывший летом 1851 года в Одессу после сорокачасового путешествия на пароходе из Константинополя писатель и путешественник Эдмунд Спенсер увидел скорее полувосточный, нежели ожидаемый им российский город: "Строго говоря, Одессу никак нельзя считать русским городом, учитывая ее население, которое в основном состоит из немцев, итальянцев, греков, евреев, армян, немногочисленных французов и англичан; и так как это свободный порт, торговцы со всех концов света разгуливают по улицам во всевозможных европейских и азиатских одеждах, что весьма разнообразит оживленную толпу гуляющих"⁹⁸.

Но многие наблюдатели упускали из вида разномастное единство города: тот факт, что, несмотря на чрезвычайное разнообразие в обычаях, религиозных верованиях, в одежде и роде занятий, ощущение себя одесситом становилось в людях все явственнее. В самом деле, быть местным по рождению или стать им — значило быть чем-то отдельным, и каждый понимал это по-своему. Просвещенный еврей был не таким, как ортодоксальный еврей; фермер-немец степных евразийских просторов был не похож на сельского жителя с пойменных лугов Северной Европы; свободный крестьянин-землевладелец работал на собственной земле, вместо того чтобы гнуть спину на помещика-аристократа; новый грек или итальянец обосновался на тех же берегах, куда наведывались античные мореплаватели с Эгейского моря и средневековые генуэзские купцы. Со временем степень весомости каждой из этих групп менялась. Но некая золотая нить скрепляла лоскутное население воедино: это и дало результат, который, как никакой другой, вызвал в середине века бум в экономике Одессы. С 1830-х и до конца 1860-х годов торговля зерном превратила город в самый деятельный и оживленный порт в Российской империи, преобразив жизнь населявших его общин.

“Когда есть спрос на зерно, дела идут отлично”. Так звучала простая истина, высказанная графом де Ришелье, и, наверное, это и было девизом Одессы большую часть XIX века⁹⁹. До самого конца 1860-х годов Одесса являлась главной житницей для западного мира; она кормила голодную Европу, а со временем насыщала и весь мировой рынок. Консулы иностранных держав посылали срочные депеши в европейские столицы о колебаниях цен на пшеницу и ячмень. Министры иностранных дел ставили решения дипломатических споров в зависимость от поставок продовольствия. Лишь с обнаружением нефти на Ближнем Востоке, на российском Кавказе и у каспийского порта Баку главный продукт одесского экспорта уступил первенство конкуренту — этому российскому городу.

Коммерческий успех Одессы базировался на том, что она располагалась в месте схождения равнины и моря, когда продукты с равнины можно было легко переправлять на рынки водным путем. Чередой счастливых совпадений городу удалось преумножить этот дар природы. Талантливые руководители, в частности Воронцов, отстаивали право на статус свободного порта, и это явилось значительным стимулом для иностранных и местных предпринимателей. Реконструкция порта позволила более крупным судам заходить в гавань и беспрепятственно становиться на якорь. Спад эпидемии чумы, охватившей Черноморское побережье, значительно сократил время карантина для судов, товаров и пассажиров. Когда между императором и султаном был подписан в 1829 году Адрианопольский мир, положивший конец почти десятилетним дипломатическим препирательствам, торговым проволочкам и реальной войне, Россия добилась исторически важных уступок от Османской империи, покончив с постоянными задержками и досмотром турками российских торговых кораблей. С конца 1820-х до начала 1850-х годов последовал период относительного мира, обеспечившего России беспрепятственное прохождение кораблей через проливы Босфор и Дарданеллы.

Вид на рейд Одесского порта. Фотография XIX века

Последствия для экономики были внушительными. Экспорт зерна из всех российских черноморских портов в 1813 году в среднем составлял примерно 2 000 000 хлебных четвертей*, но к 1860-м годам эта цифра поднялась до более чем 16 000 000 хлебных четвертей.

Более половины этого экспорта исходило из Одессы¹⁰⁰. Между 1830-ми и 1850-ми годами объем ежегодного экспортного зерна в итальянские порты увеличился более чем вдвое, а Франция в конце этого периода импортировала зерна из Одессы в десять раз больше по сравнению с его началом¹⁰¹. С конца 1840-х годов снижение запретов на импорт в Англии, а также вступление на рынок твердых сортов российской пшеницы открыли для Одессы новые рынки сбыта далеко за

* Хлебная четверть — единица измерения (мера объема зерна) в России до перехода на метрическую систему; 1 хлебная четверть равна 210 литрам зерна.

пределами Средиземноморья. К середине века значительно более сотни судов ежегодно покидало одесский порт¹⁰². С середины 1840-х по начало 1850-х годов число британских кораблей в Черном море увеличилось семикратно, а за Британией закрепилась треть или даже более судовых маршрутов, ведущих в порт¹⁰³. Пшеница, ячмень, рожь и другие виды зерна заполняли трюмы магистральных морских судов, шедших под флагами большинства крупных европейских держав.

Королевой среди всех этих грузов была пшеница. 90% экспортируемой Россией пшеницы вывозилось из имперских портов Черного моря, и во многом сам вид, звуки и запахи Одессы определялись ее товарами и ее торговлей¹⁰⁴. Необозримые стада скота обеспечивали для сельских жителей компост и удобрение, скот же тянул тысячи деревянных подвод, везущих убранный урожай с полей в зернохранилища. Чумаки ехали проторенными путями, минуя рытвины посреди степи, стекаясь из дальних пределов Бессарабии, Подолии и иных частей запада империи. Приехав в город, они обычно выгружали поклажу в одном из сотен зернохранилищ: одни представляли собой каменные амбары, другие — более привлекательные строения с пилястрами и фронтонами, выроставшие на дальнем конце балок, пересекающих город¹⁰⁵.

Иные чумаки возвращались домой с тканями, вином или прочим привозным товаром, сгружаемым с торговых судов в порту. Другие же предпочитали использовать все, что под рукой. Сухой навоз можно было собрать и продать в качестве топлива бедным семьям, волов можно было забить на скотобойне и получить мясо и кожсырье.

Сладковато пахнувший дым тлеющего, насыщенного травами компоста смешивался в воздухе с вонью из чанов с расплавленным салом, с едким душком из сыромятен и фабрик, изготавливавших брикеты переработанного жира и кипы невыделанных шкур для Турции, Италии и Франции.

Поскольку каждой осенью сотни тысяч голов скота пропускались через город, пыль и грязь стали составляющими одес-

ской жизни. Удушающие изжелта-белые клубы, вздымаясь из-под копыт, вились в воздухе, подгоняемые налетавшими ветрами, присыпая горожан пыльной пудрой. Дождь превращал толстый слой накопившейся известковой грязи в трясину. Кучера были вынуждены прибегать к чисто одесскому методу преодоления возникающих временами грязевых болот. По свидетельству одного из приезжих, если англичанин в этой ситуации брал левее, а француз правее, то одесские кучера попросту орали встречному: "Двигай влево!" или "Двигай вправо!", в зависимости от расположения препятствия¹⁰⁶.

Открытая выложенная кирпичом дренажная канава глубиной в полметра тянулась вдоль основных магистралей города, прямо под предназначенными для перехода мостками и досками. Но текущие там реки (сточные воды и мусор из домов и гостиниц, перемешанные с пометом животных и уличной грязью) могли завести в тупик и выдавших виды пешеходов¹⁰⁷. Благоухание цветущих акаций и олеандров вступало в спор с миазмами стоков. Обычно только с переменной ветра, задувавшего из степей в сторону моря, удавалось избавить город от вони.

Да и характерные одесские звуки тоже исходили от торговли зерном. Ругань погонщика, понукавшего упрямого вола, сливалась с пронзительным мычанием скота, доносившимся из доков и скотобоев, а также с резким треском ломавшихся на дрова старых грузовых телег. За каждым волом тянулся рой мух; те же мухи с жужжанием вились вокруг делового люда на бирже или с налета ударялись в витрины магазинов на Пушкинской и Ришельевской улицах. Когда в город являлись чумаки, отчего население с апреля по октябрь значительно увеличивалось, площади заполняли торговцы с телег и шарманщики, выкриками и скрипучей музыкой вливавшиеся в общий карнавал звуков. Византийскими песнопениями из православных церквей и европейскими хорами из Бродской синагоги оглашались даже тихие улочки; звуки струились вокруг величественных зданий, построенных на

деньги от торговли зерном. В центре города, рядом с театром и Ришельевской гостиницей, хозяева кофейен зазывали выпить кофе или квасу, стараясь перекричать грохот играль-ных костей, цоканье домино и звон стаканов. При этом, по словам наблюдателя конца 1830-х годов, “среди всего этого гвалта все же явственно слышатся слова: “рубли” и “зерно”, “зерно” и “рубли”, и то и дело — “кожи”, “шерсть”, “пенька”, “сало”¹⁰⁸.

Богатство, хлынувшее в город в середине XIX века, вызвало подъем строительства новых зданий и реформы в городском управлении. Первым строителям для обустройства города требовались монаршее и вельможное покровительство, но теперь на первый план выдвинулись общественная инициатива и сбор средств для решения проблем санитарии, грязи и мусора. Непрочный известняк, из которого были построены многие центральные здания, растрескивался от ветра и соленого морского воздуха, придавая даже недавно построенным домам ветхий изрытый оспинами вид, к тому же усугубляя проблему носящейся по городу песчаной пыли. Ежегодно дома заново облицовывали, штукатурили, а улицы мало-помалу мостили или покрывали щебнем, выкладывая слоем битый камень.

В ответ на запросы более состоятельной и образованной публики возникли новые культурные объекты. К середине века Одесса располагала тремя типографиями, литографической мастерской, шестью книжными магазинами, несколькими частными клубами, театрами, научными обществами, а также публичными и частными учебными заведениями, включая прославленный Ришельевский лицей, который впоследствии послужил основой для создания гимназии и Новороссийского университета. Оперный и драматический театры стали основными центрами досуга города для *fanatico per la musica* (любителей музыки), как выразился некий путешественник¹⁰⁹. Там давали спектакли заезжие гастролеры, а также местные городские репертуарные труппы. Один из патриотов Одессы,

историк Константин Смольянинов*, писал в 1851 году, что город мог похвастать 32 храмами, 17 из которых не православные; 2 монастырями — мужским и женским, 4 синагогами, 34 еврейскими молельными домами, 65 частными садами, 4463 частными домами, 1619 магазинами, 564 зернохранилищами, 47 фабриками, 3 бульварами, а также 49 улицами (24 из которых мощеные)¹¹⁰.

Однако основы успеха Одессы в середине XIX века были довольно шаткими. Приводимый Смольяниновым перечень показывает, что количество магазинов, зернохранилищ и общественных зданий значительно превосходило число фабрик. Помимо кирпича, канатов и некоторых продуктов (например, макарон), город производил крайне мало продукции. Он был деловым центром — динамичным, коммерческим, финансовым, но только не промышленным. При том, что богатство Одессы прирастало в основном за счет тяжелого труда крепостных сельских жителей, тягостного плода российской экономики, основанной на рабской силе, стимул производителей для вкладывания средств в усовершенствование сельскохозяйственной техники был невелик. А поскольку крестьяне были главным образом привязаны к земле, в городе не было готовой подручной и по-настоящему мобильной рабочей силы, даже если бы одесситы решились рискнуть строить фабрики¹¹¹. Будучи зависимой от привоза зерна из сел и импортных товаров, поступавших в порт, судьба Одессы находилась в плену капризов природы и причуд иностранных производителей. Саранча, град, засуха губили урожай. Опустошительное засушливое лето, пришедшее на середину губернаторства Михаила Воронцова в начале 1830-х годов, повлекло за собой голод по всей Новороссии, когда тысячи голодающих спасались лишь подаянками из государственных запасов¹¹².

* Константин Смольянинов (1818—1872) — автор одного из основополагающих исследований по истории города Одессы ("История Одессы. Исторический очерк", 1853).

Даже в самом городе питьевая вода всегда была в большом дефиците. Одесса находится далеко от реки или иного естественного водного источника. С ранних лет существования город нуждался в громадных цистернах и резервуарах, где можно было бы хранить питьевую воду для скота; до самой степи тянулась от городских окраин вереница корыт с водой¹¹³. Питьевая вода людям доставалась нелегко, и потому стоила недешево. Основным ее источником был ручей в нескольких километрах от Одессы, круто спускавшийся вниз с высокого морского берега. На вершине было построено некое сооружение, охранявшееся отрядом казаков. Вода, бьющая из-под близлежащих известковых скал, собиралась в бочки и затем перевозилась в город. В 1820 году цены на воду составляли полтора рубля за 100 литров, и каждой семье предстояло платить до 20 рублей за недельное потребление воды — солидная сумма даже для обеспеченного семейства¹¹⁴. Акведук соорудили позже, и только с 1873 года вода для нужд города по трубам стала поступать из Днестра¹¹⁵. А прежде в Одессе, как пошутил Пушкин, вино было дешевле воды.

Город учился справляться с трудностями: обледенение гавани в конце года нарушало навигацию; иссушающее лето или внезапный град с ветром косили скот, побивали хлеба, крушили ячменные колосья; эпидемии тифа, холеры или даже чумы выключали город из жизни и глушили коммерческую деятельность. Порой внезапные перемены настроений монархов или вкусов покупателей из заморских стран заставляли цены стремительно падать, а биржу гудеть пересудами. Именно так и произошло весной 1854 года, когда до города докатились слухи, что Россия нежданно-негаданно вступила в войну с самым лучшим партнером Одессы — Великобританией.

Одесса оказалась в состоянии войны, но война не всегда оборачивалась для города бедой. Конфликт России с Наполеоном вызвал расцвет города как альтернативного канала для поступления в империю продукции из Европы, а также как источника сырья для континента, скованного блокирова-

нием Францией торговли. Волнения в Греции и на Балканах в 1820-х годах вызвали новую волну греческой иммиграции в Одессу, что предоставило городу племя динамичных предпринимателей.

Однако в 1850-е годы Одесса оказалась в самом центре конфликта. Впервые на нее были нацелены не британские торговцы с их товарами, а британские пушки.

Крымская война, при всей бессмысленности, имела некий резон. Непосредственной причиной явился спор между императором России и турецким султаном вокруг владения священными Иерусалимскими землями, а именно: какой из империй владеть храмом Гроба Господня — исламской Османской империи, на чьей территории находился храм, или России, православной христианской державе, претендовавшей на особые религиозные узы с храмом. Но в более широком смысле имела в виду борьба за влияние в отношении пограничных земель: Кавказа, Южных Балкан, территорий по берегам Дуная и на Черноморском побережье.

В первой половине XIX века Россия добилась еще большего контроля над древними царствами и княжествами, которые прежде отделяли одну империю от другой. Некоторые (например, Грузинское царство и прикаспийские мусульманские ханства) были полностью включены в состав Российской империи; другие (например, объединенное княжество Молдавии и Валахии к северу от Дуная) периодически оккупировались Российской империей, даже при том, что все еще оставались в составе Турции.

Россия начала активно вмешиваться в дела Османской империи. Она поддержала восстание греков, подготовленное “Филики этерией”. Западных держав это тревожило все сильнее и сильнее. Британия и Франция сами время от времени поддерживали гуманные порывы защитить христиан на Ближнем Востоке от мусульманского деспотизма. Но манера России провоцировать агрессию со стороны мусульман теперь казалась частью стратегического плана — не исключено,

Потопление английского фрегата "Тигр" 30 апреля 1854 года

что ради возрождения замыслов Екатерины вековой давности закрепить контроль над проливами Босфор и Дарданеллы.

Когда дипломатические ходы в отношении статуса священных земель успехом не увенчались, в июле 1853 года Россия направила войска через реку Прут в Молдавию и Валахию и оккупировала оба княжества, являвшиеся официально протекторатами Турции. Из опасения, что Россия вскоре может пересечь Дунай и спровоцировать всеобщее восстание православных христиан на Балканах и, возможно, станет угрожать захватом столице турок, Константинополю, султан распорядился начать военные действия против российской армии вдоль Дуная и на кавказском фронте. Турецкому флоту было приказано выйти в Черное море, чтобы воспрепятствовать проходу российских торговых и военных кораблей и затем задержаться на зиму подальше от подвергающейся опасности столицы, в порту Синоп посреди южного Черноморского побережья.

Турецкие корабли стояли на безопасном расстоянии от Константинополя, но при этом как никогда близко от средоточия российской военно-морской огневой мощи — Севасто-

поля, крымского порта и военного арсенала, до которого от Синопа было рукой подать. 30 ноября 1853 года на рассвете российские корабли под предводительством прославленного адмирала Павла Нахимова вышли из Севастополя и атаковали турецкий флот. В последний раз в истории Европы деревянные парусные суда участвовали в крупном военно-морском сражении, но конец эры парусного флота оказался позорным для турок. Захваченные врасплох, скованные якорем перед приближающимися судами и прикрываемые лишь батареями с суши, турецкие корабли явились легкой мишенью для русских. Не прошло и часа, как турецкий флот был разгромлен. В последующие дни на поверхности моря можно было насчитать до трех тысяч турецких трупов; между тем российское командование сообщало, что понесло боевые потери числом всего в 37 человек¹¹⁶.

Западной Европой овладел страх от того, что отныне нестойкое равновесие сил на Черном море нарушено. Россия бесспорно не ограничится этой победой над турками и доведет ее до логического завершения, продолжая вгрызаться в границы Османской империи, пока царь не сможет получить главный приз — Константинополь, а вместе с ним полный контроль над единственным морским каналом между Средиземным и Черным морями. Османская империя, слабая и маломощная, давно являлась соблазном для российского вторжения. Но для европейских держав, уставших от российских амбиций, Османская империя была стратегической необходимостью. С падением турецкого султана почти ничто не сможет предотвратить политическое и военное доминирование России на Балканах и в Восточном Средиземноморье.

После фиаско при Синопе Британия и Франция объединились с султаном, и в марте следующего года, когда препятствия в виде зимних штормов и обледенелости российских портов уже не мешали возобновлению боевых действий, объявили войну России. Британские, французские и турецкие экспедиционные войска избрали Черное море для реванша

за российский прорыв при Синопе. В сентябре союзники высадились на выступающем треугольнике в море Крымском полуострове. В течение следующего года войска союзников, предпринимая серии атак (в частности, знаменитую атаку легкой кавалерии, легендарную по храбрости и безрассудности), осаждали российскую военную базу в Севастополе, а также другие стратегические пункты и порты вдоль Крымского побережья. Зимняя морось, жаркое лето и свирепствовавшие болезни унесли бесчисленное количество жертв.

Одесса оказалась на пути союзных кораблей, направлявшихся из Севастополя или встававших на якорь вдоль западного побережья Черного моря. А так как Одесса имела давнишние торговые связи с Британией, частью российской стратегии было не только попытаться защитить город от атак союзников, но и отменить гражданские торговые перевозки, вынуждая британских закупщиков лишаться доходов из того порта, куда так охотно прежде заходили их корабли.

Поскольку западные союзники были готовы вступить в конфликт, Николай I наложил запрет на вывоз зерна из российских портов на Черном и Азовском морях на каких бы то ни было плавучих средствах. Это была попытка сохранить стратегические запасы продовольствия, а также подорвать британскую и французскую торговлю. В тот период миллионы четвертей зерна оказались в хранилищах Одессы, где и стали легкой добычей мышей и крыс. Торговцы не имели возможности устанавливать цены на продукты потребления, поскольку торговля по понятной причине застопорилась. «Число сделок снизилось до крайности, чего здесь прежде никогда не бывало», — отмечал посол Соединенных Штатов Джон Рэлли¹¹⁷.

Вскоре на горизонте замаячила еще более грозная проблема: британский и французский экспедиционный флот. В начале апреля 30 союзнических военных кораблей бросили якорь на одесском рейде. 9 апреля 1854 года примерно в четыре часа пополудни флот послал на берег небольшую

шлюпку, чтобы в ультимативной форме потребовать сдачи всех британских, французских и российских торговых судов. Местный командующий оставил ультиматум без ответа. На следующее утро флот открыл огонь по артиллерийским батареям, располагавшимся по краю гавани. Согласно донесениям, ущерб был невелик, однако город, прежде распахнутый миру, получил первое боевое крещение. Союзный флот затем направился в Крым, и от далекой пушечной канонады и минных взрывов содрогались стекла в окнах одесских домов и гостиниц¹¹⁸. Два военных судна остались, блокируя Одесский порт и досматривая случайно проходившие мимо нейтральные суда, не везут ли они боеприпасы.

Едва у жителей города появилась возможность взять реванш, они не преминули воспользоваться ею. 30 апреля 1854 года британский фрегат "Тигр" в густом тумане врезался в берег. Когда на следующее утро туман рассеялся и застывшее у берега судно открылось взорам, одесские батареи ударили по нему с вершины утеса. Большею части команды из 260 человек удалось спастись с разбитого судна, вскоре приспустившего флаг как свидетельство сдачи. Шквальный огонь пушек в тот вечер вызвал взрыв, судно взлетело на воздух, испустив эффектный фонтан брызг соленой воды. Офицеры и часть матросов были взяты в плен, а пушки, уцелевшие после взрыва, стали ценным трофеем (впрочем, некоторые неожиданно взорвались, когда русские военные попытались победно отсалютовать ими)¹¹⁹.

На горизонте появлялись корабли, идущие мимо Одессы в Крым. Поля стояли нераспаханные. Зернохранилища опустели.

Через три года все закончилось. В первую неделю апреля 1856 года в Одессу по телеграфу пришло известие, что Россия и союзники подписали в Париже мирный договор, положив конец жестокой войне, в результате которой российский флот был потоплен в гавани Севастополя, а Британия, Франция и Османская империя стратегически мало чего достигли.

Новость долетела и до союзных кораблей, стоявших на рейде у входа в Одесскую гавань. Капитаны один за другим направились к берегу шлюпки, чтобы испросить разрешения салютовать российскому флагу. Толпы народа заполнили порт, когда корабли с российскими флагами на мачтах подходили к причалу. Они салютовали из пушек, и им вторили залпы батарей с берега, над которым был поднят теперь в качестве ответного жеста вежливости британский флаг. Вскоре после этого блокада была снята, и корабли возвратились домой после длительной вахты в качестве незванного караула¹²⁰.

“Признаюсь, я прежде был в числе тех, кто полагал, что Одессу надо уничтожить, — писал британский военный ветеран, посетив город в 1871 году, — но теперь, оказавшись в этом городе, я думаю совсем иначе”¹²¹.

Цивилизованное разрешение конфликта заслонило собой значительные перемены, которые вскоре произошли в Одессе. Статус свободного города, нарушенный в годы войны, так и не был ему возвращен. Британцы и французы в результате запрета на экспорт российского зерна стали искать новые источники продовольствия. Вскоре Канзас и Небраска начали напрямую конкурировать с Россией за львиную долю европейской торговли зерном. Грандиозный проект, открывший южный выход из Средиземноморья — Суэцкий канал, — был завершен в 1869 году, сместив торговые пути настолько, что значение Черного моря оказалось подорванным. Сухопутные пути из Центральной и Южной Европы в Персию и Центральную Азию, имевшие раньше заходы в турецкие порты на Черном море, ныне уступили место более удобному маршруту через Суэц.

Торговля зерном не утратила значения. Средний ежегодный объем продажи зерна даже перед Первой мировой войной, наверное, снова удвоился¹²². Однако уже другие русские порты на Черном и Каспийском морях — Новороссийск, Батуми, Баку, Севастополь, — отстроенные и обновленные за десятилетие после военной разрухи, теперь, выйдя из тени

Одессы, завоевывали репутацию центров торговли, промышленности и военной мощи. До 1914 года Одесса все еще считалась крупнейшим торговым центром юга России, хотя ее товарооборот составлял менее 20% товарооборота на Черном море¹²³. Такие города, как Николаев и Ростов, будучи старше Одессы, но долгие годы пребывавшие в тени западной соседки, наверстывали упущенное¹²⁴.

Российское пароходство, основанное вскоре после окончания войны, использовало паровую технику для морских путешествий и торговли, а также для связи между различными портами. К 1860 году 35 российских пароходов производили регулярные рейсы по морю и главным рекам, от Дуная до Днепра¹²⁵. Однако железные дороги теперь переориентировали торговлю с юга, перевозя товары составами через всю империю на север к оживленным портам Балтийского моря.

Не было уже в живых графа Воронцова, а его преемники, хоть и встречались среди них люди способные, все же не сумели стать достойными продолжателями его мудрого руководства и сохранить для города привилегированное положение, добытое поколением градоначальников-основателей. В конце концов канцелярия генерал-губернатора Новороссии была упразднена и заменена казенным управлением, в большей степени занятым укреплением своей власти и искоренением политически неблагонадежных лиц, чем развитием богатых природных возможностей Одессы.

Да и общество тоже как будто изменилось, и в сторону, чуждую одесситам, всегда считавшим свой город образцом приморского гостеприимства и оплотом оптимистического свободомыслия. В 1861 году в России в общем потоке либеральных реформ, произведенных императором Александром II, взойшедшим на престол в разгар Крымской войны, было отменено крепостное право. Однако крестьянские бунты, прокатившиеся по стране, нанесли урон урожаю, а приток крестьян в города обрушился тяжелым бременем на и без того изнемогавшую от проблем местную администрацию.

Возросло число самоубийств, причем с 1870 по 1890 год почти на четверть. В Одессе в соотношении с количеством жителей обнаружилось больше самоубийц, чем в Санкт-Петербурге или в Лондоне. Здесь чаще, чем в других больших городах России, применялось огнестрельное оружие. Немалое число смертей приходилось на весенние и летние месяцы, когда городские парки утопали в цветах, а теплые ветры ласково оведали берег и когда можно было, в зависимости от урожая или прихотей покупателей из Марселя или Ливорно, не только заполучить, но и потерять целое состояние¹²⁶.

Насилие и жестокость всегда были свойственны одесской жизни, но теперь участником их сделалось само государство. В августе 1878 года газеты сообщили о первой в истории города смертной казни политического преступника за принадлежность к партии социал-революционеров и организации нелегальной подпольной группы. Осужденный был расстрелян специальной командой. В последние десятилетия века одесские судьи вынесли больше приговоров казни через повешение, чем в любом другом городе страны¹²⁷. Прежде жители обменивались такими шуточками в адрес полиции: если вы завязли по щиколотку в уличной грязи, то наверняка уткнулись во что-то твердое: верно, тут до вас увяз конный полицейский вместе с лошастью. Теперь юмор сделался гораздо мрачнее. Тайная имперская полиция стала считать многонациональный город-космополит благодатной почвой для появления агитаторов, саботажников и террористов — правда, отчасти так оно и было. Одесса естественным образом стала местом скопления радикалов всевозможного свойства, а нестрогие таможенные законы и коррумпированные нравы портовых чиновников позволяли даже не слишком опытным конспираторам провозить контрабандным путем подстрекательские книги и брошюры, а также оружие.

После окончания Крымской войны, едва открылись морские пути и возобновилась торговля, все-таки было можно сколотить приличный капитал. Многие здания, поднима-

шиеся вдоль улиц и бульваров в центре города и прятавшие лепные фасады за кронами каштанов, стали свидетельством растущего благосостояния города. Новое округлое, в итальянском стиле, здание Оперного театра распахнуло двери в 1887 году на месте более скромного, построенного в годы Ришелье и уничтоженного пожаром. (Здание Оперного театра – ныне старейшее в городе.)

Кризисные явления середины века не могли не обернуться переломом для города. Эпоха свободной коммерции сменялась более мрачной и тревожной эпохой. Одесса уже не могла безмятежно существовать на окраине империи, оставаясь прежней, и делать деньги, в то время как за пределами Николаевского бульвара менялась жизнь государств и народов. Одесситы оказались перед фактом: мир не ограничивается ценами на зерно, курсом серебряного рубля на бирже и оперной премьерой.

ЧАСТЬ II

ОПЛОТ ЖЕСТОКОСТИ

ОБЪЯВЛЕНИЕ № 2

Команданта гор. Одессы и Порта,

27-го апреля 1919 г., город Одесса.

Предлагаю гражданам города Одессы в случаях нападения на квартиры бандитов немедленно звонить по телефонам №№ 8-11, 67-31 и 6-21, куда немедленно мною будут направлены имеющиеся в моем распоряжении вооруженные силы для ликвидации грабежей, также обращаться в случаях обысков и арестов ночью для установления правильности таковых.

Командант гор. Одессы и Порты **Домбровский.**

Махинации и тени

Свои первые уроки вероломства и изворотливости Лев Бронштейн получил именно в Одессе, в первую очередь в училище Св. Павла на Успенской улице. Это было реальное училище, основными предметами в котором считались математика, естествознание и современные языки, а не история и классические языки, которые преподавались в более традиционном и престижном учебном заведении — гимназии. В 1888 году Бронштейн был послан родителями, зажиточными земледельцами из Херсонской губернии, к дальнему родственнику, преуспевающему издателю-еврею Моисею Шпенцеру в Одессу, чтобы Лев учился там, воспользовавшись возможностями большого города.

Училище Св. Павла организовали лютеране, но учителями были люди различных вероисповеданий и национальностей, преподавание велось на русском языке, а надзор за поведением непоседливых учеников был строг. “Процент чудаков среди людей очень значителен, но особенно велик он среди учителей”, — вспоминал Бронштейн в мемуарах¹²⁸. Его сурово наказывали за непослушание, и несколько раз Лев был на грани отчисления, однако умудрился окончить училище лучшим учеником класса.

Ришельевская улица. Фотография начала XX века

Из опыта этих лет Лев вынес два урока. Один заключался в том, что в Одессе, как и во всей огромной империи, частью которой она являлась, при чрезмерном количестве начальников не было порядка; город был “торговым, многонациональным, крикливо цветистым и шумным”, и еще “пожалуй, самым полицейским городом в полицейской России”¹²⁹. Вторым уроком стало то, что в таком городе мало на кого можно положиться.

Администрация училища считала Бронштейна вожакот отпетых хулиганов, принимавших участие в срыве занятий. Правда, в этом он был уличен лишь тогда, когда на него донес один из одноклассников. “Группировки, которые сложились вокруг этого эпизода, — писал Бронштейн, — ябедники и завистники на одном полюсе; открытые, отважные мальчишки — на другом и нейтральная, зыбкая, неустойчивая масса посредине — эти три группировки далеко не полностью рассосались и в течение последующих лет”¹³⁰.

Бронштейн покинул Одессу в 1896 году и после этого редко туда навещался. Но политический глянец, который он с юных лет навел на свои жизненные воззрения, способствовал впоследствии выдвижению Льва Бронштейна на роль профессионального революционера. Вскоре после отбытия из Одессы он совместил жизненные уроки реального училища Св. Павла с политическими доктринами марксизма. Затем он был арестован царским правительством как политический пропагандист и выслан в Сибирь. Потом Бронштейн сменил фамилию и уже в качестве Льва Троцкого посвятил жизнь тому, чтобы будоражить “нейтральную, зыбкую массу”, с которой впервые столкнулся в виде одноклассников, в одинаковых мундирчиках и фуражках толпами семенивших вдоль Успенской улицы.

В Одессе всегда имелось два подполья: одно фигуральное, к которому в будущем имел отношение Троцкий, и другое в виде пещер и подземных проходов. В недрах пористой каменной породы, на которой зиждется Одесса, существуют катакомбы. Одни туннели естественного происхождения, другие высечены или пробиты за многие столетия как хранилища, убежища или приюты для кого угодно — от прогуливающих уроки учеников до проституток, политических бунтарей и партизан. Влажный известняк крошится под пальцами в узких пещерах, извилами тянувшихся на сотни миль под городом и его окрестностями.

Одесситы утверждают: спустись в колодец в любом дворе, тут же попадаешь в боковой туннель, ведущий в какое-нибудь укрытие или убежище контрабандиста. Но этот одесский подземный известняк был и в буквальном смысле олицетворением теневого города, существовавшего помимо реального и явного, который стоял на виду поверх скрытого. В последние годы XIX века городское дно — рассадник преступности, болезней, конспирации и революционных настроений — наложило печать на репутацию Одессы, подпитывая ее пороки.

Центр зла находился совсем недалеко от училища Св. Павла, в районе, именуемом Молдаванка. Название района имеет

отношение к этническому меньшинству говорящих на румынском языке молдаван; сначала появились и обосновались в Одессе молдавские погонщики скота и батраки. По свидетельству некоторых источников, это поселение существовало до появления Одессы. Впервые оно возникло в виде временных лачуг молдаван, строивших для турок крепость Ени Дунья. Впоследствии это место стало прибежищем болгар, албанцев, греков и людей иных национальностей, включая сторонников “Филики этерии”, а также тех, кто в 1820-е годы бежал от войны на Балканах.

Но уже к середине XIX века на Молдаванке оказалось больше бедных евреев, чем молдаван и болгар. Место славилось убожеством и нищетой, дешевой водкой и изворотливой преступностью, процветавшей в переулках среди католических и православных церквей, а также еврейских синагог и модельных домов. Назойливые мальчишки-попрошайки шныряли по улицам мимо модисток и моряков, лудильщиков и возчиков. Ночью изъяснявшиеся на идиш подростки хозяйничали в переулках, ища повод, чтобы затеять драку или учинить скандал на чьей-нибудь свадьбе. (Один из них, Янкеле Кулачник, впоследствии остепенившись, стал знаменитым американским актером театра на идиш Джейкобом Адлером). Евреи-бандиты с Молдаванки были, по слухам, не только безжалостными головорезами, но и радушными соседями.

Полиция обычно от вмешательства воздерживалась, не спеша преследовать преступников и дожидаясь позволения от бандитских королей, которые из глубин тенистых дворов решали, кого карать, кого миловать. Молдаванка была отделена от центра города улицей под названием Старо-Портофранковская, в XIX веке являвшейся сухопутной границей беспрошленной зоны и продолжавшей считаться чем-то вроде границы вплоть до советских времен. По сей день считается, что если вы пересекли эту улицу, лучше не заходить дальше, в обширный район, утопающий в акациях и катальпах, где виноградные лозы оплетают приземистые домики и

где уличная жизнь, пожалуй, круче, чем на центральных проспектах.

Многие морские и речные порты не без оснований становятся раем для темной публики, и такие не похожие друг на друга города, как Неаполь, Лондон и Рио-де-Жанейро, в разные моменты своей истории становились питательной средой для криминальных групп, известных коварством и жестокостью. Однако подпольный мир Одессы вызывал у приезжих и у одесситов немалую гордость порочной стороной жизни города и его ближайших предместий.

Подобный образ жизни вписался в образ города в целом. По мере того как XIX век клонился к закату, зловещий тайный мир Одессы все глубже и прочнее внедрялся в общее представление о городе. В глухих переулках и густонаселенных домишках вокруг порта и в утопавших в мусоре кварталах Одесса скапливала самую крупную в Российской империи коллекцию преступников, правонарушителей, изворотливых мошенников обоих полов, которые умудрились возвысить ремесло жалкого *гонифа* (что на идиш означает “ловкий прохвост, хитроумный жулик”) в уважаемую профессию. Одесский андеграунд явился источником легенд о самых ярких и одновременно самых трагичных свойствах этого города.

Предостережения насчет плутоватости одесских жителей родились буквально с основания города. “Поведав о трудолюбивом населении Одессы, остается добавить лишь несколько слов о нежелательном для всякого нового города явлении, — пишет один из ранних историков города Габриэль де Кастельно, — а именно, о нашествии в город множества авантюристов”¹³¹. Даже граф де Ланжерон, выйдя в отставку с поста губернатора, сокрушался, что город совершенно неуправляем, поскольку вмещает “отбросы из России и Европы”¹³².

Непосредственный партнер Одессы по ту сторону моря, Константинополь, был очагом незаконной торговли. Турецкие власти обложили торговлю непомерными налогами, но правительства Европы сумели оспорить в свою пользу у султа-

Ланжеронский переулок. Середина XIX века

на коммерческие льготы. Моряки и торговцы, чей путь лежал через османскую столицу, зачастую не обнаруживали особой разницы, оказавшись по ту сторону Черного моря. Как поговаривали в те времена, “плутов обучают в Пере (средневековом оплоте генуэзских купцов, расположенном на горе с видом на старую часть Константинополя), но практику они проходят в Одессе”. И в том, и в другом городе взятка, магарыч и льстивые уговоры производились по методу, практикуемому в Италии, где среди погрузчиков и капитанов укоренилась особая портовая культура.

Материальное процветание Одессы на протяжении почти всего XIX века стало толчком к коррупции и воровству, однако истинной подпиткой репутации одесского *гонимца* был теневой мир беспросветной и неистребимой нищеты. Чуть в сторону от фешенебельных центральных улиц близ Николаевского бульвара Одесса предоставляла приют трущобам, где евреи, украинцы, русские и жители прочих национальностей занимались мелким ремеслом. Ютясь в домишках-развалюхах, они становились самыми непосредственными и наиболее уязвимыми жертвами спада торговли зерном

или смены валютного курса. С начала века по 1890-е годы население города выросло на 3677%; эта астрономическая цифра во много раз превосходит темпы роста в таких крупных городах империи, как Москва, Санкт-Петербург, Варшава и Рига¹³³. К моменту переписи 1897 года (первого по настоящему серьезного учета населения в истории империи) более 400 000 человек оказались втиснутыми в рамки старого центра и прилегающих кварталов — Пересыпи на севере, Слободки-Романовки на северо-западе и Молдаванки на западе. Ко времени Первой мировой войны эта цифра увеличилась до 650 000 человек.

Притянутые как магнитом хорошо оплачиваемой работой в порту, многие крестьяне порвали связи с деревней, но принесли в город многое из деревенских обычаев. “Можно ли было назвать красивым словом “город” то место, куда мы попали, и улицы, по которым двигались? — восклицал французский путешественник в 1838 году. — Это было огромное открытое пространство без домов, заполненное телегами, валяющимися в грязи волами среди массы русских и польских крестьян, расположившихся вздремнуть тут же под ярким солнцем”¹³⁴. Собственно, предполагаемый контраст между Одессой и большинством отсталых местечек черты оседлости зачастую, наверно, преувеличивался. В *штетле* нищий ест свой черствый хлеб без света, саркастически замечал Менделе Мойхер-Сфорим, а в Одессе он ест тот же черствый хлеб под звуки шарманки¹³⁵.

С давних пор в городе выработалась характерная особенность, с которой и сейчас сталкиваются те, кто приезжает в развивающиеся страны: крайне дорогое и скверное обслуживание. Общественный транспорт, возможно, и предусматривал закрытые экипажи, но путешественникам чаще всего приходилось трястись по пыли и грязи на дрожках, убогом средстве передвижения с единственной лошадкой и лавкой, обитой кожей¹³⁶. Даже и в этом случае пассажир мог натолкнуться на кучера, который требовал плату, во много раз

превышавшую общепринятую¹³⁷. Если путешественник навещался в гостиницу — заведение, которое в путеводителях описывалось как приличное и фешенебельное, — то могло оказаться, что тамошним постояльцам надо было самим заботиться о постельном белье, им предлагалась комната с голй кроватью, но по немыслимой цене¹³⁸. И все же приток в город приезжих — моряков, чумаков, беглых крепостных, путешественников из Европы, русских дворян, приезжавших на лето, — способствовал увязыванию многих городских районов и социальных групп с некоей иерархической экономикой независимо от происхождения и привычки к перемене мест.

В конце 1890-х годов американский консул в Одессе приводил в качестве символичного примера репутации Одессы как земли обетованной для своеобразного люда случай с неким субъектом, известным под кличкой Ураган. Происходя из индейского племени лакота-сиу, Ураган — так, вероятно, переводилось с языка сиу его имя Хампа, — прибыл в Одессу при необычных обстоятельствах. Будучи участником разъезжавшей с гастролями по России труппы, дававшей представления из жизни Дикого Запада, этот индеец должен был все время метаться по сцене, якобы спасаясь от преследования американских ковбоев. Карьера индейца развивалась удачно благодаря новым мореходным путям, проложенным между главнейшими портами на Черном море, а также восприимчивости русских к заграничному шарму ковбоев и индейцев. Но по прошествии семи лет подобных странствий дела Урагана стали принимать печальный оборот: сказалась доступность дешевой водки. Во время гастролей труппы в Севастополе Ураган был изгнан за пьянку и оказался в городе один-одинешенек без гроша в кармане.

Положение Урагана стало известно британскому консулу в Севастополе, который, сжалившись над беспомощностью артиста, оплатил ему билет на пароход до Одессы, где находилось солидное американское консульство, которое и смогло бы заняться своим подопечным. Будучи индейцем, Ураган

не считался полноправным гражданином Соединенных Штатов, но тем не менее подлежал защите и консульской опеке за границей. С помощью консульства он смог разжиться кое-какими деньгами, чтобы купить новый костюм для выступлений. Можно представить, как американский дипломат и отмытый цирковой артист с Великих американских равнин, обливаясь потом в душной лавчонке на Молдаванке, пытались объяснить еврей-портному, каким именно должен быть костюм индейца¹³⁹.

Содействие позволило Урагану получить место в небольшом театрике в Одессе, на значительно более миниатюрной сцене которого он воспроизводил, надо полагать, свою прежнюю роль индейского воина.

Консул Томас П. Хинен потребовал компенсации в 7 долларов 50 центов, в которые ему обошлась покупка костюма. Дипломат не мог избавиться от ощущения, что его надули. Он, как писал консул в послании начальству, вопреки правилам помог человеку, который даже не являлся истинным американцем; без его помощи Ураган, скорее всего снова принявшись за водку, канул бы в недра преступного мира Одессы.

Но тот факт, что индеец так или иначе поимел свою выгоду, было естественным исходом для Одессы, в особенности с точки зрения рабочих и торговцев, которые, вероятно, и стали основными зрителями представлений Урагана из жизни Дикого Запада.

Царское правительство России со своих высот видело российское общество четко разделенным на управляемые сверху сословия. Принадлежность к сословию могла переходить, например, от поколения к поколению, и во многих случаях эта принадлежность не считалась чем-то непреложным и постоянным, как, например, пол или цвет глаз. Но она все-таки являлась основной определяющей социального статуса российского подданного. В противоположность тому, что марксисты называли классом, принадлежность человека к сословию имела мало общего с его местом в иерархии эко-

номического производства, и еще меньше — с материальным положением или доходом. Как и у обедневших дворян из произведений Толстого или Чехова, сословный статус зависел от факта рождения, генетического кода русского общества в целом, не являясь отражением экономических возможностей. Когда государство пришло к необходимости определять и классифицировать своих граждан, маркировка, появившаяся в конце XIX века, была четко определена: дворяне, чиновники, военные, гражданские служащие, крестьяне и *мещане* — крупнейшее сословие в Одессе.

Мещане (по сути, это означает “мелкая буржуазия”) представляли собой обширную группу живущих в нищете на городских окраинах неквалифицированных рабочих, торговцев, владельцев лавочек и прочих российских подданных, попадающих в промежуток между кастой крупных помещиков и их бывшими крепостными. Одесские мещане влачили нелегкую жизнь на обочине торговой экономики, будучи зависимы от превратностей коммерции и несчастий, то и дело обрушивающихся на сельское хозяйство. В отличие от наиболее зажиточных представителей общества, у них почти не было возможностей пережить трудные времена иначе, как присоединившись к слонявшимся в портах поденщикам или надеясь заполучить работу грузчика на одном из городских базаров. В отличие от соседей-крестьян, их мало что по-настоящему связывало с деревней, которая могла бы позволить им пережить капризы городской экономики.

К середине XIX века Одесса в целом была городом, состоявшим из подобных весьма уязвимых мещан. В 1858 году дворяне составляли 3% городского населения, купечество — около 5%, иноземцы (то есть те, кто не являлся российскими подданными) — более 4%, крестьяне почти 4%, а военные около 7%. Остальными жителями — более 70% населения — являлись мещане¹⁴⁰.

При такой массе приезжающих и уезжающих иностранцев, при постоянном притоке людей по морю и с континента

в значительно большем количестве, чем в крупнейшие города империи Москву и Санкт-Петербург, Одесса созрела для целой индустрии жульничества, надувательства и взяточничества, которые облегчали тяготы экономических невзгод. Приезжие жаловались на хозяина гостиницы, требовавшего дополнительную плату за постельное белье; на сапожника, который брал двойную плату за ремонт ботинка; на кучера, который взимал разную плату за одну и ту же поездку. То есть на многочисленное сословие мещан, они-то и составляли дурную репутацию городу. Между прочим, в 1892 году более половины из 607 городских проституток заявили о принадлежности к мещанскому сословию¹⁴¹.

Именно мещане составили фундамент для процветания наглого воровства, и те же мещане в основном оказались любителями читать, слушать и рассказывать истории о своих подвигах. Между сумерками XIX века и рассветом XX века масса репортажей по следам преступлений мощным потоком наводнила и солидную, и желтую печать. Среди представителей высших классов одесского общества бытовало мнение, будто преступность вскормлена такими малоимущими окраинами, как Молдаванка, и читателям регулярно предлагались описания жизни нечистоплотного и морально разложившегося нищего люда, обитающего в подобных кварталах. Однако в действительности репутация Одессы как воровского города опиралась на талант преступников просачиваться в ряды мелкой буржуазии и подделываться под нее.

Преступный класс представлял собой сложное сплетение умельцев своего дела. Одни соответствовали месту промысла: разухабистому и шумному портовому району, или району центрального бульвара на высоком берегу, или южным дачным пригородам Малого, Среднего и Большого Фонтана, или широко раскинувшимся на севере и северо-западе рабочим кварталам. Иных по времени их промысла стали именовать субботними и воскресными гастролерами: эти обирали тол-

пу, гулявшую по Дерибасовской по субботам и воскресеньям. Другие славились актерским талантом. Некая Екатерина Рацинская под видом кухарки нанялась в богатое семейство, а потом щеголяла на одном из местных базаров в драгоценностях стоимостью в 300 рублей, которые украла у хозяйки, со знанием дела вскрыв замок ее комода¹⁴². Некий элегантного вида мужчина мог оказаться вором, промышляющим в самых известных театрах и ресторанах (главном театре на Ланжероновской улице, известном как просто Опера, в Новом театре или кофейнях около Александровского парка), поскольку был из воровской шайки субъектов респектабельной внешности, которые, ловко запуская руку в карман зеваки, оставляли там свою метку¹⁴³. Услужливый прохожий, стряхивающий пыль с одежды идущего мимо обывателя, мог одновременно стянуть у него бумажник. Важная дама, прохаживающаяся среди выставленных на продажу предметов роскоши, могла оказаться опытной магазинной воровкой, присматривающейся к поживе¹⁴⁴.

Были и куда более изобретательные. Некто П. Жуков, любитель кофе, как аттестовала его местная газета, получил место в модном кафе “Фанкони” только для того, чтобы потом скрыться с 30 фунтами свежесваренного кофе (за это он и был осужден на три месяца тюремного заключения).

В центре города слагались истории о тайных ночных свиданиях и о головокружительных аферах. Женщины прыскали купоросом в физиономии неверных мужей. Мужчины выдавали себя за богачей, чтобы, войдя в доверие к преуспевающим семействам, скрыться с украденным серебром. Смазливые проститутки, притворившись почтенными скупающими женами, искали интимных связей с крупными дельцами и затем использовали адюльтер, чтобы шантажировать ничего не подозревавших клиентов. Прилично одетый господин мог проявить необычайный интерес к даме, лелеющей мечты о замужестве. Он наведывался к ней еженедельно, не устая уверять в решимости женить-

ся, чтобы предаться полной блаженства семейной жизни, а потом скрывался с деньгами, составлявшими приданое невесты¹⁴⁵.

На страницах городских газет рассказы о злостных преступлениях перемежались более прозаичными сообщениями о склоках между соседями и повседневных беспорядках. В одном из сентябрьских номеров за 1894 год одна из наиболее умеренных русских ежедневных газет “Одесский листок” поместила рассказ о небольшом преступном синдикате, возглавляемом Николаем Ергинным и Аксиньей Олейниковой, состоявшем из русских и украинцев. Афера, которую провернул синдикат, заключалась в сбыте ворованных кур посреднику, некоему Блюме Гольдбергу, очевидно, еврею, утверждавшему, что не помнит, откуда взялась эта птица. В суде Ергиннов и Олейникова прибегли к характерному для мошенников аргументу защиты, заявив, что все это чистое недоразумение, что эти куры из хозяйства, увы, покойного отца Ергиннова. Судья их объяснения не принял, и Ергиннова — как выяснилось, не впервые уличенного в преступлении, — приговорили к полутора годам тюремного заключения. Однако его сообщницу и Гольдберга отпустили на свободу¹³⁹.

В другом номере было напечатано сообщение о восемнадцатилетней Ольге Попик, дочери одесского мещанина, полюбившей матроса Михаила Филиппенко. Ольга Попик забеременела, а Филиппенко поспешил скрыться; и незадолго до того, как Ольге предстояло родить, женился на другой. Ольга была в отчаянии. Когда подошел срок, Ольга укрывалась в спускавшейся к морю балке и там родила ребенка женского пола. Вскоре прохожими был обнаружен труп младенца. Попик судили за детоубийство. Брошенная, перепуганная молодая мать разможила малютке голову камнем¹⁴⁷.

Подобные истории, сотнями повторяемые в местных газетах и в разговорах за столиками в кофейнях, усугубляли образ Одессы как средоточия мошенничества и громких убийств. Но это же обстоятельство способствовало укреплению мне-

Кафе "Фанкони" на Екатерининской улице. Открытка начала XX века

ния, что истинное зло кроется в крайнем честолюбии — в ничтожных, примитивных, скороспелых, безответственных поступках, выдаваемых за доблесть, достойную подражания. Как повсюду в мире, честолюбивый средний класс, одесское мещанство научилось обращать свои проблемы себе во благо: оно прославляло практицизм, забывая весельем грусть; выработало особый, вырвавшийся за пределы домиков и дворов говор из смешения итальянского, греческого, идиш и русского языков; мастерски плутуя, оно часто с помощью грубовато-комичных фраз придавало своим действиям весомость. "Опытный, проницательный обманщик и манипулятор, изворотливый, изобретательный, орущий, склонный к преувеличениям болтун" — такими словами, звучащими комплиментарно, Владимир Жаботинский охарактеризовал типичного одессита¹⁴⁸. Даже из болезни общественные классы Одессы сумели извлечь выгоду.

Со времен Ришелье Одесса билась над тем, чтобы отвести или обуздать инфекционные болезни. В период между 1790-ми и 1830-ми годами пять вспышек чумы обрушились на город¹⁴⁹. Даже когда угроза чумы миновала (отчасти благодаря очередному ужесточению карантинных мер, отчасти из-за спада эпидемии в турецких портах на Черном море), иные болезни, такие как, тиф, холера и оспа, накатывали на город с фатальной регулярностью. Но, несмотря на частые эпидемии, одесситы, как правило, проявляли известную сдержанность в вопросе обмена свободы на безопасность. «Ваша цель, барышня, состоит в том, чтобы прививать оспу, и вы, с божьей помощью, прививаете ее, — говорит старик еврей из богадельни докторше со шприцем в рассказе Исаака Бабеля «Конец богадельни». — Наша цель состоит в том, чтобы дожить нашу жизнь, а не домучить ее...»*. Местные жители обычно считали болезнь в известном смысле полезным, пусть и не всегда желательным спутником, особенно в условиях Российского государства.

Стремления капитанов и пассажиров обойти карантинные ограничения стали фактом жизни на Черном море, столь же непреложным, как и миграция рыбы вдоль побережья или наступление мощных штормов в зимние месяцы. Уже в 1790-е годы российские чиновники сетовали, что капитаны судов, как им предписано, тратят от 40 до 60 дней на простейший путь от Константинополя к северному побережью, который у парусного судна занял бы не более восьми суток ходу. При подобной медлительности о какой-либо скорости доставки товаров к месту назначения не могло быть и речи. Это также означало, что товары больше не подвергались досмотру или конфискации, так как плыли по морю достаточно долго, и за такой срок симптомы чумы у пассажиров и команды могли бы и проявиться¹⁵⁰. Это было благом для пассажиров, не обнару-

* Исаак Бабель. Конец богадельни. См.: Бабель И. Одесские рассказы, М.: Эксмо-пресс, 1999. С. 179.

живших симптомов заболевания, но зараженные продукты все же могли легко проникнуть в порт, который во многих случаях способствовал распространению болезни за пределы своей территории.

Когда во время губернаторства Воронцова городские власти начали совершенствовать карантинную систему, была поставлена цель создать образец современной эффективности, истинный барьер вокруг черноморских портов, чтобы болезнь не проникла в глубь России. Однако на деле процесс прохождения через карантин обычно представлял собой совершенно иную картину.

Все начиналось в гавани. Капитанам судов предписывалось поднимать красный флаг, если на борту имелись заболевшие чумой, или желтый флаг, если производился карантин и потому доступ новым пассажирам был закрыт. По прибытии нового судна инспектор общественного здравоохранения подплывал на шлюпке от причала к борту корабля и, покачиваясь на волнах, принимал с помощью длинных железных щипцов почту с борта, затем помещал ее в железный ящик и отплывал к берегу. Письма окуривались в карантинном помещении (обычно двуокисью серы, чтобы истребить насекомых — переносчиков инфекции) и на следующее утро доставлялись адресатам¹⁵¹.

Примерно через день пассажирам разрешалось высаживаться на длинном молу или на искусственном волнорезе, определявшим границы Карантинной гавани. Пассажиров по одному переправляли в шлюпке на берег и передавали на попечение солдата при оружии, который, в свою очередь, препровождал пассажира в помещение таможни на самом конце пирса. Там чиновники, находившиеся за металлическим ограждением, проверяли у пассажира документы. За аналогичным ограждением врач производил первичный осмотр, предлагая пассажиру с силой надавить себе под мышкой и в промежности. Характерный признак чумы — воспалившиеся гнойники над лимфатическими узлами, — как правило, легко выявлялся,

если пассажир морщился от боли; при этом осматривавший его врач избегал контакта с потенциально зараженным.

Если пассажира признавали незараженным, его опять-таки под конвоем препровождали в лазарет, главное карантинное помещение: туда помещались пассажиры на время обсервации, обычно на две недели. Расположенный на возвышенности, лазарет представлял собой огороженную территорию примерно в 8 гектаров, с лужайками и дорожками, посыпанными гравием. Ряд выходящих окнами на море домиков располагал отдельными палатами, при каждом имелся дворик с парой акаций. Там пассажиры распределялись по комнатам, предварительно работники карантина просили их раздеться донага, забирали одежду, а взамен выдавали фланелевые халаты, белье, носки и шерстяные колпаки. Личные вещи прибывших сносились в отдельную камеру, развешивались там и дезинфицировались в течение 24 часов.

Главным правилом для обитателя карантина было избегать контактов с прочими пассажирами. Вооруженная охрана, обычно состоявшая из пожилых солдат, служивших за харчи и изредка получавших кое-какую мелочь в благодарность за труды, сопровождала пассажиров в прогулках по территории лазарета. Если был замечен контакт между двумя пассажирами, карантинные часы устанавливались на новую точку отсчета, и обоим пассажирам приходилось прохладиться еще две недели.

Предполагалось, что так все и должно происходить, и иногда эта система действовала именно таким образом. Кормили прилично, место было живописное, особенно летом, когда цвели акации. Уже к середине 1830-х годов одесский лазарет, по слухам, не уступал марсельскому, который с XVIII века являлся ярким образцом портовой карантинной системы¹⁵².

С годами одесское здравоохранение значительно улучшилось, и, несмотря на периодические всплески чумы, больше Одессе не угрожал массовый мор, который обрушился на нее при Ришелье. Но при требовании соблюдать огромное количество правил, при том, что множеству иностранных путеше-

ственников приходилось слишком долго пребывать в принудительной изоляции, Одесса рано или поздно должна была отыскать способы делать на этом деньги. И эпидемический бизнес неожиданно начал играть видную роль в общественной жизни Одессы.

В городе, где обход законов стал чем-то вроде искусства, даже карантинная система созрела для злоупотреблений. Иные путешественники полностью избегали карантина, если готовы были дать приличную взятку. Кое-кому удавалось сократить срок пребывания в карантине или иметь поблажки в виде периодических отлучек в город при непременном возвращении с наступлением темноты. Для тех, кто не располагал средствами или связями, ожидание казалось бесконечным, о чем говорили, по рассказам очевидцев, обшитые досками стены в таможенном управлении, изрезанные именами, инициалами и прочими художествами¹⁵³.

У приписанных к лазарету на весь срок имелось множество возможностей потратить карманные деньги. Кофейни и ресторанчики, единственные источники пищи, взвинчивали цены. Капитаны и матросы наравне с пассажирами коротали время за бильярдным столом, проигрывая деньги более опытным стражам или служителям лазарета.

Поставкой продовольствия для лазарета занималась частная компания, предоставляя возможность сэкономить обычно стесненным в средствах городским властям. Компания закупала продовольствие в городе и пригородах, и затем оно со значительной наценкой поступало к пассажирам, проходящим установленный карантин. Если пассажиры задерживались в лазарете на две недели, компания наслаждалась монополией на продовольствие весь этот период; возможности для обогащения были огромны. Собственно, заполучить такой контракт стало настолько желанным, что правительство впоследствии постановило ограничить срок его действия шестью годами с непременным условием в конце периода привлекать новую компанию.

Сокращение срока контракта открыло изворотливым дельцам новые перспективы поиска исключений из правил. Одна особо предприимчивая компания выступила с инициативой: если городские власти не станут сокращать срок контракта, взять на себя финансирование Оперного театра, который, как правило, не приносил прибыли, однако был гордостью одесситов. Это породило странную взаимозависимость между этиологией и развлечениями.

Характер развлечений в каждый сезон обычно зависел от степени активности чумы по ту сторону Черного моря. Если болезнь свирепствовала в турецких портах и пассажиров обязывали пройти максимальный срок карантина в Одессе, доходы рекой устремлялись в лазарет и таким образом сколачивались приличные средства для поддержки серии незаурядных явлений: оперной дивы, обладательницы колоратурного сопрано, новой оперы Россини, произведений подающего надежды драматурга или многообещающего, но малоизвестного композитора. Когда в 1847 году Ференц Лист выступал с концертами в Одессе или когда Гоголь присутствовал на постановке местным театром своего «Ревизора», они вряд ли соznавали, что их искусство в значительной мере финансировалось крайне прибыльным эпидемическим бизнесом¹⁵⁴.

Никто не был так близко знаком с созидающей и разрушающей силой болезни, как профессор Новороссийского университета Илья Мечников, внесший за время работы в Одессе значительный вклад в изучение инфекционных заболеваний. Годы, проведенные Мечниковым здесь, стали самыми бурными в его длинной и наполненной событиями жизни.

В самое печальное для него в личном отношении десятилетие в городе, где он поселился, Мечников сформулировал теории инфекционных заболеваний и фагоцитоза, это были главные темы его научной деятельности. Впоследствии, оставив портовый город, он обосновался в Париже, в институте Пастера, стал заместителем директора, уже будучи почетным членом Санкт-Петербургской, Лондонской и Римской акаде-

мий наук. В 1908 году Мечников (совместно с немецким исследователем Паулем Эрлихом) получил Нобелевскую премию в области физиологии и медицины за работы в области иммунологии, в частности за открытие свойства некоторых клеток естественным образом убивать микробов.

Современные одесские студенты, идя по улице Пастера, сворачивают в тенистый двор с высокими деревьями и направляются к блекло-желтому фасаду главного в городе высшего учебного заведения и входят в здание, которое теперь носит название Одесского государственного университета имени И.И. Мечникова.

Илья Мечников (переехав в Париж, он звался Эли Мечникофф) родился в мае 1845 года в имении Панасовка Харьковской губернии на востоке Украины. Семейный круг состоял из людей скромного достатка, но был своеобразным оазисом гостеприимства посреди широкой украинской степи. Мужская ветвь семейства вела происхождение от молдавских бояр, которые, спасаясь от наступающих турецких войск, нашли убежище под покровительством Петра Великого. Мать Мечникова происходила из еврейской семьи. В годы учебы в местной гимназии взятый напрокат микроскоп возбудил в мальчике страсть к научным исследованиям.

Окончив Харьковский университет и регулярно публикуя статьи в научных журналах, Мечников получил должность профессора Новороссийского университета в Одессе, в городе, славившемся прежде всего приморской свежестью и постановками итальянских опер.

Ученый с растущей научной репутацией, Мечников часто наведывался в Санкт-Петербург, где погружался в гущу российской эрудиции, а также в атмосферу деятельности научных обществ и Российской академии наук. Вскоре он познакомился с молодой дамой знатного происхождения по имени Людмила, главным достоинством которой оказалась способность умирять его природную меланхолию. «Она не дурна собой, но не более того, — писал Мечников матери в Харьков. —

И все же мне грустно за будущее (ты знаешь, мне не дано смотреть на жизнь сквозь розовые очки), только и думаю, что, живя с Люсей, я хотя бы какое-то время буду спокойнее”¹⁵⁵.

Точнее было бы сказать, что Мечникову помогала отвлекаться от черных мыслей его забота о Людмиле. В день венчания с ней случился приступ хронического бронхита; вероятно, он был предвестником зарождавшегося туберкулеза. Пришлось в кресле переносить невесту в церковь.

Их жизнь чаще всего протекала порознь, Мечников находился в Санкт-Петербурге или Одессе, его жена — в Швейцарии или Португалии, с надеждой подлечить легкие. Зимой 1873 года в перерыве между двумя лекциями Мечников получил письмо от родственницы, сообщавшей, что Людмила при смерти и если он хочет увидеться с ней, должен как можно скорее прибыть на Мадейру у побережья Португалии, где Людмила проходила лечение. Когда после изнурительного путешествия через всю Европу Мечников прибыл на Мадейру, его жена, исхудавшая до неузнаваемости, уже не вставала с постели, находясь в полузабытии от морфия. Через несколько дней она скончалась.

Мечников возвращался в Россию в крайне угнетенном состоянии. Он уничтожил неоконченные рукописи своих последних научных исследований. Перед приездом в Женеву он выпил пузырек морфина. Неукротимая жажда умереть спасла его: огромная доза вызвала рвоту, исторгнув большую часть наркотика, не успевшего всосаться.

Пережив смерть жены и неудачную попытку самоубийства, Мечников с удвоенной силой включился в работу. Он занялся новыми исследованиями в области эволюции и адаптации и организовал антропологическую экспедицию в калмыцкую степь вдоль побережья Каспия.

В поисках дополнительного дохода он стал давать в Одессе частные уроки, в том числе детям шумных соседей, живших в квартире прямо над ним. Со временем ему приглянулась одна из младших дочерей семейства, Ольга. В феврале 1875 года

эта наивная девушка-подросток, еще гимназистка, увлеченная в большей степени искусством и театром, чем естественными науками, стала женой бледного и мрачного профессора.

Вскоре Ольга открыла для себя, насколько непростой личностью оказался ее муж. Он был подвержен всплескам гнева. Неожиданный шум вроде лая собаки или мяуканья кошки нервировал его. Он приходил в ярость, упираясь в трудность решения, какой бы пустяковой ни оказывалась задача. Однако, при всей импульсивности, у Мечникова были реальные основания для беспокойства за себя и свою карьеру.

Мечников жил в Одессе в годы громадных изменений в жизни города и империи в целом. Студенты университета требовали более качественного преподавания и большего внимания к науке и прикладным дисциплинам. Множились подпольные кружки, от либеральных до социалистических и революционных. Волнения по всей стране (недовольство в деревне после отмены крепостного права в 1861 году, подавление восстания в Польше в 1863 году) вынуждали царское правительство опасаться, что любые призывы к реформам были скрытой революционной агитацией.

Общественное недовольство стравливало различные слои населения Одессы: местных и приезжих, либералов и консерваторов, студенчество и почтенную профессуру, и практически все были настроены против еврейских лавочников и торговцев. В результате погрома на Молдаванке их магазины были разграблены, дома разгромлены. Когда в марте 1881 года от взрыва бомбы террориста погиб царь Александр II, это событие повергло Мечникова в очередную глубокую депрессию, вселяя убежденность, что политические волнения, вызванные чудовищным преступлением, докатятся до Одессы и до ее университета, который и так стал местом схватки между студентами-активистами и вновь назначенной реакционно настроенной администрацией.

В условиях накатывавшей депрессии, отмены лекционных занятий и закрытия университета, при наводнении улиц

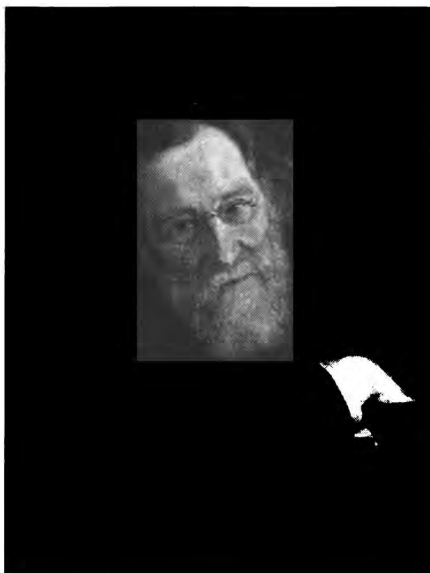
толпами и периодических приступах тифа у теряющей зрение Ольги, у которой оказалось к тому же слабое сердце, Мечников умудрялся продолжать исследования, снискавшие ему впоследствии мировую славу.

Мечникова волновала проблема реакции организма на перелом в ходе болезни. Его современники Луи Пастер и Роберт Кох приступили к углубленной разработке молекулярной теории заболевания, самой идеи, что именно такие микроорганизмы, как бактерии, а не произвольные воздействия холодного ветра или болотных испарений, являются истинной причиной инфекции и переноса многих заболеваний.

Открытие Мечникова, восходящее к ранним исследованиям особенностей воспроизводства у морских звезд, заключалось в том, что клетки способны бороться с привнесенными в организм инородными телами. Клетки устремляются в область инфекции, окружая вторгшуюся субстанцию и поглощая ее, и этот процесс явственно наблюдается под микроскопом. Явления, которые ранее рассматривались как побочные продукты инфекции (например, белый гной вокруг раны), на самом деле были свидетельством заживляющего процесса в организме. Мечников назвал этот процесс “фагоцитоз”. Он считал, что иммунитет — это попросту способность организма вырабатывать фагоциты против вторгшейся инфекции. Воспаление — не только проблема, но также свидетельство отчаянной попытки организма излечиться.

Присуждение Нобелевской премии стало свидетельством признания исследований Мечникова фундаментальными в области научного подхода к заболеванию и к реакции на него человеческого организма: теории реакции иммунной системы, охватывающей все случаи поражения, от занозы до бубонной чумы.

Однако слава Мечникова оказалась недолговечной. В своих книгах и публичных выступлениях он проводил мысль о том, что гнилостные бактерии кишечника есть причина старения, дряхления и преждевременной смерти. Он клял тол-

*Портрет Ильи Мечникова кисти
Ольги Мечниковой*

стый кишечник, этот рассадник гниющих остатков пищи, направляющий ядовитые отходы в близлежащие органы. Его заклинило на необходимости удаления толстого кишечника в целях профилактики, а также на приверженности к употреблению кисломолочных продуктов, содержащих полезные бактерии как залог здоровой жизни. Исходя из собственного опыта, Мечников считал, что пессимистические мысли способны вызвать рост гниения в кишечнике, именно поэтому призывал своих слушателей смотреть на жизнь с солнечной стороны или с позиций ортобиоза, как он называл свою систему философии оптимизма и употребления йогурта. Вплоть до кончины в 1916 году Мечников не переставал восхищаться мастерством хирургов, способных создать искусственный анус и таким образом исключить вредоносную деятельность толстого кишечника.

Ученый-новатор скончался с миром в Париже с репутацией чудака и шарлатана¹⁵⁶.

Не требуется большой фантазии, чтобы представить нервного профессора, столкнувшегося с глубочайшей личной утратой и наблюдавшего, как при первом намеке на революцию снизился уровень общественного здравоохранения. В условиях, когда пожилые солдаты прислуживали в лазарете за дополнительную мзду; когда корыстные служащие карантина изыскивали способы содрать куш с какого-нибудь капитана; когда при известии о вспышке чумы в Константинополе администрация Одесской оперы как ни в чем не бывало планировала новый сезон, — первейшим средством борьбы с болезнью порой являлась природная способность организма обратить угрозу в спасительную возможность.

Благодаря особым талантам одесситы сумели построить многонациональный или в основном толерантный процветающий город. Но в последние десятилетия XIX века эти таланты им стали изменять. “Мысль об Одессе постоянно рождает во мне горькие чувства”, — писал Мечников другу, вскоре после того, как они с Ольгой отбыли жить за пределы России¹⁵⁷. Народ, запруживающий улицы, уже не был той яркой и жизнерадостной публикой, которая очаровывала путешественников в начале века. Дубины и хоругви, орущая толпа, звон разбитого стекла и быстрый, гулкий шаг по булыжной мостовой стали отныне привычными картинами и звуками.

Прадеды Мечникова по материнской линии приняли христианство, но, унаследовав и еврейскую кровь, Мечников не мог не почувствовать особый холодок, появившийся в городе. По пути из лекционного корпуса в лабораторный он был свидетелем первых залпов длительной и жестокой войны Одессы против своих евреев. Город вступил в новый век ненависти к самому себе. Для противостояния этой ненависти Одессе потребовалось гораздо больше добрых сил, чем удалось заложить в ней отцам-основателям; подобно неутомимым фагоцитам Мечникова, город вступил в борьбу за уничтожение иной природы из страха быть побежденным ею.

Кровь и месть

“Каждый год на Пасху греки избивали и грабили евреев”, — вспоминал актер Джейкоб Адлер, чье детство и юность прошло в Одессе¹⁵⁸. Массовые беспорядки и стычки в отношениях между евреями и христианами становились частыми, чуть ли не постоянными чертами городской жизни, почти как в любом европейском городе, где проживало еврейское меньшинство.

Одесситы, как и прочие российские подданные, оказались весьма восприимчивы к антисемитским вымыслам, которые преследовали евреев и внутри черты оседлости, и за ее пределами: от поголовной ответственности за смерть Христа до чудовищного вымысла, будто маца замешивается на крови христианских младенцев. При всплеске агрессивности именно широко распространенный бытовой антисемитизм провоцировал столкновения.

Крупные массовые беспорядки, возникавшие в 1821 и 1859 годах, в основном происходили в среде греческого населения, обвинявшего евреев в массе надуманных преступлений, от пособничества туркам в их борьбе с греческими революционерами до тайных козней против купцов-греков в торговле зерном.

Городской омнибус. Фотография начала XX века

При жизни Ильи Мечникова оптимизм старого *маскилима* был все еще прочен. Еврейская печать, в частности “Рассвет” — первая в Российской империи еврейская газета на русском языке, основанная в 1860 году, — была заполнена свидетельствами всемирного процветания и прогресса. Некоторые газеты были настолько уверены в настоящем, что позволяли себе публиковать статьи о внутренних противоречиях и разногласиях еврейской общины: скажем, о разногласиях между сторонниками ассимиляции и защитниками традиционных устоев. И все же некоторые новые черты жизни города осложняли непростые отношения между евреями и христианами, постепенно превращая Одессу в место первых крупномасштабных погромов в новейшей истории России.

Одесса пережила бум городского населения, которое увеличилось втрое во второй половине XIX века. Получив свободу, русские и украинские крестьяне оказались наряду с растущим числом рабочих пригородных фабрик и мастерских (в основном молодых, неженатых парней) в городе, где евреи

считали незыблемыми свой социальный статус и экономическое могущество. Еврейские компании получали более половины общей прибыли от торговли зерном¹⁵⁹. Однако крупнейшие городские промышленные концерны (мельница Вайнштейна, макаронная фабрика Зильбершмидта и Гольдберга, сахарорафинадный завод Бродского) редко становились непосредственными мишенями агрессии. Чаще всего при массовых беспорядках громили лавочки и сжигали дома мелких еврейских коммерсантов и лавочников, местных торговцев и портных.

Евреи не полностью доминировали в экономической жизни Одессы; им требовалось разрешение городских властей в отраслях, где собственники и производители христианского вероисповедания имели преимущество. Но евреи играли в обществе все более заметную роль в тех сферах, где они наиболее тесно соприкасались с новыми одесскими иммигрантами.

При навязанных государством ограничениях на землевладение и на доступ к некоторым профессиям евреи естественным образом сконцентрировались на позициях, еще дозволяемых им законом. К началу 1880-х годов евреи составляли до двух третей зарегистрированных в городе коммерсантов и купцов, около трех четвертей владельцев гостиниц и содержателей трактиров и двух третей ветеринаров и аптекарей. Христиане же, наоборот, составляли более 80% всех городских рабочих, три четверти которых являлись рабочей силой фабрикантов-евреев¹⁶⁰.

Если у крестьянина заболела корова, если мелкие торговцы спорили о цене на рулон привозной ткани, если рабочему была необходима бутылка водки, — всякий обращался к живущим по соседству евреям. Но в условиях растущего в России национализма и усиливающегося страха властей перед политическими заговорщиками эти тесные взаимоотношения порождали совсем не дружественные чувства. “Словом, здесь бытует такое мнение: “Евреи все при-

брали к рукам”, — докладывал в Вашингтон американский консул¹⁶¹.

Достаточно было искры ненависти. В апреле 1871 года, в Пасхальное православное воскресенье, группа еврейских парней, как писали газеты, напала на греков-христиан у православного собора, куда те направлялись на службу. Слово за слово, и вот уже обе стороны забрасывали камнями и колотили друг друга. Едва разнеслась весть о стычке, к драке присоединились русские рабочие. Они погнались за евреями по улице, кидая камни в окна синагоги. Вскоре по всему городу для проведения систематических налетов на еврейские кабачки, лавки бакалейщиков, торговцев скобяными изделиями, ювелиров, горшечников и продавцов мануфактуры стали формироваться группы общей численностью примерно 20 000 человек, которые уничтожали все, что не могли украсть. Еврейские типографии были разгромлены, в окнах Бродской синагоги выбили все стекла¹⁶². В результате трехдневного хаоса шесть человек были убиты, почти две дюжины получили ранения и сотни лавочек и домов были повреждены или порушены.

Для наведения порядка призвали войска и конницу. На улицах появились пушки, полиция и военные арестовали примерно 15 000 человек¹⁶³.

Основные предпосылки растущей агрессии населения в последующее десятилетие только умножились. Все больше крестьян прибывало в город из старинных дворянских поместий, привнося с собой стихию многоликой толпы вместе с непоколебимой верой в слово православных священников. Процентный состав мещан уменьшался, постепенно сводя их на нет как городское явление. Радикально настроенные студенты, воспользовавшись общедоступностью книг и печати разных политических направлений — националистического, либерального, социалистического и анархистского, — организовывали подпольные кружки в стремлении реформировать империю в соответствии со своими политическими и социальными взглядами.

Российское правительство, уставшее от одесской вольницы, начало разрабатывать программу обуздания общественных сдвигов и беспорядков. Полицейские меры ужесточились. Государственное управление колебалось между необходимостью усиления местного руководства и жесткой централизацией. Когда весной 1881 года возникла новая волна насилия — студенческие выступления и очередной погром в ответ на убийство Александра II, — государство постаралось использовать этот хаос в собственных целях и вмешалось только тогда, когда бузотеры начали представлять угрозу не только для еврейских лавочек и жилищ. В следующем году новые имперские законы, бесславные “Временные правила”, наложили суровые ограничения на евреев касательно владения собственностью, проживания, рода занятий и участия в городском управлении. Эти законы, будучи явной подачкой радикальным русским националистическим кругам, провоцировавшим антисемитски настроенную толпу южных областей империи, теперь отчетливо продемонстрировали отступление государства от относительного либерализма предыдущего двадцатилетия.

Само насилие не было новостью, но при участии, даже содействии и одобряющей роли государства оно в значительной мере приобрело новый характер. Насильственные действия против евреев в Одессе породили образец всеупотребительных доводов вкупе с набором официальных трактовок, который воспроизводился на протяжении двух последующих десятилетий по всей империи.

“Погром” — термин, который теперь вошел и в английский язык, — имеет русское происхождение (хотя в тот период антисемитские налеты иносказательно именовались беспорядками или нарушением общественного спокойствия). Сам термин восходит к слову “гром”, оставляя впечатление, будто нападения на евреев носили естественный, возможно, даже предначертанный свыше характер. Согласно бытовавшей версии, если агрессия и возникала, то лишь потому, что хри-

стиане не могли больше выносить вероломство и коррумпированность евреев. Было принято считать понятным и даже дальновидным, что государство стояло в стороне, пока евреи получали то, что им причиталось, и приберегало открытое вмешательство на тот момент, когда прорвавшееся недовольство масс превращалось в угрозу общественному порядку.

Нынешние историки высказывают предположение, что центральное российское правительство не играло непосредственной организующей роли в подготовке погромов и что именно губернские или городские власти своим бездействием способствовали происходившему¹⁶⁴.

Город, в котором евреи сумели достичь высот коммерции и даже продвинуться в сферы городской администрации, перестал быть их оплотом. Уверенность *маскилим* в себе пошатнулась. Выбор, который теперь имели евреи, был ограничен, но очевиден. Некоторые уехали, тем самым вызвав столь же резкое падение еврейской численности, какое случилось после погромов начала 1870-х годов в результате одной из периодических волн эмиграции в Западную Европу и Соединенные Штаты, что продолжалось на протяжении следующего столетия¹⁶⁵. Другие организовывали отряды самообороны, накапливая ножи, револьверы, а также решимость предотвратить очередное кровопролитие. И в результате становились очередной мишенью полицейских агентов и осведомителей.

Между тем иные обретали ответы в идеологиях либерализации и революционных преобразований, в трезвых политических взглядах, а также утопических течениях, которые вскоре обозначились как сионизм и российское социал-демократическое движение. И для евреев, и для христиан гимназии, училища и местные университеты были неформальными центрами подготовки нового поколения юношей и девушек, которые, начиная от таких известных раскольников, как Лев Троцкий, и кончая менее известными представителями радикальных взглядов и политических движений, сделали революцию своей профессией.

Одним из наиболее ярких описаний путей, доступных евреям (как, впрочем, и многим одесситам нееврейского происхождения), стало произведение, которое, наверное, имеет все основания считаться величайшим романом, посвященным Одессе.

Роман “Пятеро” одесского журналиста и видного деятеля сионизма Владимира Жаботинского был написан на русском языке в 1935 году и в следующем году опубликован в Париже. На иврит он был переведен в 1940-е годы, а на английский, первый из западных языков, только в 2005 году¹⁶⁶. Действие романа обращено в отдаленное прошлое, к рубежу XIX и XX веков, к периоду постепенного отступления Одессы от идеалов космополитизма, который прежде составлял ее суть. Книга рисует поэтические картины Одессы начала XX века, в ностальгических красках живописуя ее улицы, запахи, образы героев и их чувства.

Сюжетные линии многочисленны и разобщены, однако ядром повествования является группа успешных русскоговорящих евреев — семейство Мильгром и его окружение. Мильгров, казалось бы, можно охарактеризовать как евреев ассимилировавшихся, живущих в русской культурной среде и благоденствующих в городе, который они безоговорочно считают родиной. Они абонируют ложу в Опере. Мать, Анна Михайловна, светская дама, смотрит свысока на разношерстную толпу интеллектуалов и людей искусства. Отец, Игнац Альбертович, заправляет зерновыми складами, его доходное дело простирается от берегов Днепра до Средиземного моря. У пятерых детей широкий спектр жизненного выбора. Марко увлечен Ницше. Торик — Торой, Лика боготворит нигилисток-революционерок. Сергей отказывается от учебы и обрекает себя на трущобное существование среди шулеров и мошенников. Маруся — скандально модный объект поклонения местного общества; граница взаимоотношений кокетки-недотроги Маруси с мужским полом, по ее словам, доходит лишь “до диафрагмы”.

Вместе с тем идея ассимиляции, предполагающей трансформацию уже состоявшейся личности в нечто иное, едва ли вписывается в их самосознание. Они легко обходятся со своим религиозным наследием. Они полагают, что не имеют ничего общего с местечковыми евреями, которые просачиваются в город в пору урожая. Сионизм их мало привлекает. Они — русские во многих смыслах слова, во многих, кроме единственного и самого главного: речь о способности реализовать себя в обществе, которое чем дальше, тем больше разделяется по национальному признаку.

Одесса, как утверждает повествователь, была содружеством наций, местом “мирного братания народностей”, где “все восемь или десять племен” города умудрялись ладить между собой. Но в своих домах они жили отдельно от инородцев: “Посещали и приглашали поляки поляков, русские русских, евреи евреев; исключения попадались сравнительно редко: но мы еще не задумывались, почему это так, подсознательно считали это явление просто временным недосмотром, а вавилонскую пестроту общего форума — символом прекрасного завтра”^{*}.

Как и сам город, семейство Мильгром обнаружило, что живет в мире из стекла и папиросной бумаги, прекрасном, нежном и невыразимо хрупком. В эпоху политического радикализма Лику за бунтарскую деятельность исключают из гимназии и отправляют в ссылку на два года. Марко, отложив Ницше, вступает в еврейскую организацию самообороны на задворках Молдаванки. Прилежный студент и правовеверный еврей Торик, изучавший древнееврейские тексты, подумывает обратиться в христианство. Забавнику и гедонисту Сереже уродует лицо серной кислотой обманутый муж. Даже для вечно насмешливой Маруси все заканчивается трагично. В конце повести она совершает чудовищный акт самопожертвования.

* Жаботинский В. Пятеро. Роман, рассказы. М.: Издательство Независимая газета, 2002. С. 26.

Уже замужняя мать семейства, она в своем сельском доме кипит на спиртовке молоко для сынишки, который играет в коридоре. Маруся не сразу замечает, как огонь лизнул рукав ее халата. Через мгновение охваченная пламенем, Маруся тянется к кухонной двери и запирает ее на ключ, чтобы сынишка не смог открыть. Тот остается в безопасности, а мать сгорает заживо в двух шагах от него. Половина Одессы собралась на похоронах Маруси.

Роман “Пятеро” содержит много посылов. Эпоха распада может оказаться обаятельнейшей. Суть человеческих поступков определяется гордостью. Пусть бунт против превратностей судьбы логичен и полон героизма, но именно чувство гордости придает силы мученику. Несмотря на то что роман написан спустя более четверти века после происходящих в нем событий, ему присуща особая достоверность, что делает его убедительнейшим отражением тревожностей города. Одесситы, по словам автора, на протяжении своей истории смеялись над другими и над собой, и именно эта насмешливость явилась свойством, обучившим различные народности, населявшие город, более или менее уживаться друг с дружкой.

Однако жизнелюбие и умение потешаться оказались лишь нестойкой социальной склейкой. В романе задается вопрос: чем, в сущности, еще, кроме пожимания плечами и комических ужимок, располагает это городское сообщество в смутные времена? Сократились или полностью прекратились мирные вечерние гулянья. Теперь люди куда-то спешили, скрываясь в темных переулках. “Вечно они ссорились и в голос ругали друг друга то жульем, то бестолочью, случалось и подраться, — пишет автор о крупных этнических анклавах Одессы, — но за мою память не было настоящей волчьей вражды. Теперь это все переменилось. Исчез первый знак благоволения в человеках — исчезла южная привычка считать улицу домом”^{*}.

* Жавотинский В. Пятеро. С. 164.

“Пятеро” — роман об одной, отдельно взятой семье с крайне трагичной судьбой. Но Мильгромы помимо всего прочего жили в центре широчайшего и наиболее пагубного в истории Одессы разгула массового насилия, серии событий, которые впоследствии увековечат ее в пантеоне революционной славы Советского Союза. События 1905 года — особенно короткая январская демонстрация рабочих в Санкт-Петербурге — теперь рассматриваются как провозвестники революционных перемен, как начало пути к октябрю 1917 года, становлению большевизма и образованию СССР.

Однако в те годы все было вовсе не так очевидно. После победы революционеров анархия считалась лишь проявлением революционности. Царское правительство предприняло серию реформ в ответ на массовые недовольства (в частности, сформировало Государственную Думу, законодательный орган с реальными полномочиями), однако реформы оказались недолговечными. В масштабах Российской империи волнения первых лет XX века воспринимались по-разному в зависимости от социального положения, рода занятий, политических взглядов, национальной или религиозной принадлежности людей: и с нескрываемым ужасом, и с относительным спокойствием.

На окраинах империи недовольства проявлялись в различных формах. На Кавказе спонтанные уличные стычки между армянами и мусульманами приводили к поджогу целых селений, к сокрушению множества нефтяных вышек и к порче нефтепровода, благодаря которому Баку сделался одним из передовых растущих городов империи. В селах и городах традиционной черты оседлости прокатившаяся волна погромов выкосила население еврейских общин, подвигнув выживших к ответным действиям. Уже в 1903 году кровавый погром в Кишиневе с десятками жертв вызвал внимание всего мира к тяжелой участи евреев в России. Для противодействия вылазкам националистов, кровавые действия которых нередко поддерживались местной полицией и конными

*Тюрьма в Одессе; там казнили революционеров
Халтурина и Желвакова*

казаками, повсеместно создавались отряды еврейской самообороны.

В Одессе цепь обстоятельств привела к собственной версии 1905 года, вызвав крупнейший и самый жестокий погром в российской истории.

Недовольство рабочих росло. Многие социалистические и анархистские группы искали способ этим воспользоваться. Преисполненные недовольства профессиональные союзы, общества взаимопомощи и объединения рабочих питали кадрами и настроениями ядро рабочих-активистов. Полицейский надзор, подогреваемый чиновничьим страхом, только ужесточался. По мере того как растущий в городах рабочий класс входил в силу, забастовки и периодические массовые недовольства с конца 90-х годов XIX века и в начале XX века случались все чаще и чаще.

Одесса к тому же пережила войну, которую ни выстоять, ни обратить себе на пользу не сумела. На дальнем рубеже

империи между Россией и Японией назревал конфликт за сферы влияния в Северо-Восточной Азии. Российский флот неоднократно демонстрировал силу в этом регионе, арендуя портовые сооружения в Маньчжурии и угрожая лишить Японию ее влияния на Китай и Корею. В январе 1904 года японский флот неожиданно предпринял атаку на российскую эскадру, находившуюся в Порт-Артуре. Обе тщеславные державы объявили о вступлении в войну, и военное министерство Николая II спешно начало формировать сухопутные и военно-морские силы для противостояния японцам. В итоге все закончилось катастрофой. Русская армия при дефиците снабжения и растянутости по всей Российской империи терпела одно поражение за другим. В конце концов Николай был вынужден пойти на мирные переговоры.

Последствия войны для Одессы были драматичными. Раньше город являлся основным поставщиком зерна для российского Дальнего Востока, а также ключевым торговым центром для промышленных товаров, переправляемых к побережью Тихого океана. Блокирование японским флотом российских территорий перекрыло несколько главных заморских рынков Одессы. Экспорт зерна сократился вдвое, в целом же экспорт уменьшился более чем на треть. Последовало ограничение кредитов, некоторые производства объявили о банкротстве, торговые компании закрылись¹⁶⁷.

У одесситов оказалось предостаточно причин, чтобы выйти на улицы. К ним примкнули многочисленные солдаты и матросы, прибывшие в город по железной дороге, чтобы отправиться в долгий путь по Средиземноморью, через Суэцкий канал и затем на уже почувствовавший приближение катастрофы Дальний Восток. При множественном скоплении ничем не занятой публики участились кражи, грабежи и общественные беспорядки. Для увеличения численности годных к военной службе царь выпустил из одесской тюрьмы сотни две заключенных, не замешанных в особо злостных преступлениях. «Из чего можно заключить, что перспективы

ожидаются... отнюдь не радужные”, — писал американский консул Томас П. Хинен¹⁶⁸.

К лету 1905 года массовое недовольство достигло апогея. Выступления рабочих и стачки приняли угрожающий характер. На улицах выросли баррикады, анархисты кидали бомбы в полицейских, в город для восстановления порядка ввели войска.

В середине июня толпы народа хлынули в порт, опустошая склады и вступая в ожесточенные схватки с полицией. Улицы усеяли сотни трупов — жертв шальных пуль, яростной стрельбы в порту, а также целенаправленных атак властей на подпольные политические группировки и их сторонников. Прибытие в гавань мятежного броненосца “Потемкин” воодушевило уличных протестантов. Однако, простояв с грозным видом в порту и выдав вслепую несколько залпов, “Потемкин” отплыл в Румынию, где сдался местным властям.

Вслед за “июньскими днями” наступило затишье.

Осенью беспорядки возобновились, на этот раз в виде крупных атак на евреев. В распространяемых антисемитами слухах еврейские отряды самообороны обвинялись в июньских беспорядках, а царские чиновники, разумеется, считали еврейских активистов зачинщиками забастовок и даже распространителями революционной агитации, направленной на свержение строя. Схватка евреев с русскими в районе Молдаванки привела к массовым выступлениям в поддержку царя против предполагаемой еврейской революции.

К середине октября выступления переросли в налеты на дома и лавки евреев. По слухам, те, кто был готов приплачивать полиции, получали поддержку толпы.

В отличие от первых погромов отряды самообороны, закалившись в дни июньских событий, оказывали слаженное сопротивление. Нескончаемые бои велись по всей сети улиц в центре города. Политические организации утверждали, что революция носится в воздухе. Другие стремились отомстить за прежние погромы и налеты. Однако отряды самообороны

не могли противостоять толпе, лавиной обрушивавшейся на дома и лавки евреев, на синагоги. Даже на самые вопиющие проявления произвола: убийства женщин и детей, пытки, изнасилование, нанесение увечий — городские власти почти не реагировали, утверждая, что беспорядки такого масштаба невозможно держать под контролем.

Отношение местной власти к евреям было очевидно: отряды самообороны не имеют права на существование, и теперь они получают по заслугам. “Положение еврейской части населения, на мой взгляд, весьма и весьма опасно, поскольку, исходя из последних событий, против них скопилось много недовольства, — писал Хинен. — По слухам, крестьяне во многих частях губернии промышляют воровством, грабежом, даже кое-чем похуже, и оттуда телеграфом поступают мольбы о помощи. Учитывая все это, думаю, можно с уверенностью заключить, что везде царит полный хаос”¹⁶⁹.

Временами на морском ветру развевались красные революционные флаги. Толпа радостно встретила вести из Санкт-Петербурга о том, что царь впервые учредил в империи выборный парламент.

“Здесь, в крупнейшем торговом городе Южной России, — писал корреспондент “Чикаго Дейли Ньюс”, — в мрачном затишье царяла разнузданность, что повлекло за собой революционные беспорядки и крушение экономики”¹⁷⁰. Но тем людям, которые оказались в центре событий, все это казалось не политическими переменами, а каким-то кошмарным цирком, опрокинувшим с ног на голову все созданное городом. Казалось, цивилизованный стержень Одессы иссох и унесен ветрами в море. Как писала в дневнике Любовь Гирс, жена помощника одесского градоначальника, “начались еврейские погромы. (Евреи) организовывались в группы и вооружались, они настолько осмелели, что даже постреливали из окон в русских. На Дерибасовской все еврейские магазины были разгромлены, товары разграблены, а чернь и их жены вырядились в дорожную

одежду, обувь и меховые шубы... Евреи с нашей улицы, поймав собаку, привесили ей на хвост табличку с надписью “Николай II”¹⁷¹.

В итоге примерно 300 евреев и 100 не-евреев пали жертвами октябрьских погромов, помимо сотен евреев и православных, убитых в июне. Одесситы еще не сталкивались с ненавистью такого размаха. Разные причины и побуждения сплелись воедино, породив беспорядки, уличные драки и крупные столкновения, продолжавшиеся почти год. Политические страсти, пьянство, неприкаянность, страх, мстительность, а также антисемитизм на религиозной почве в среде рабочих и крестьян — все сошлось, толкая Одессу в бездну хаоса.

Совокупность этих событий глубоко затронула деловые и административные круги Одессы, те самые слои, которых прежде в основном не касалась бытовая агрессия, охватившая в предыдущие годы портовые кварталы, Молдаванку и некоторые ближайшие пригороды. С февраля 1905 по май 1906 года общие потери в результате массовых убийств, взрывов бомб, перестрелок, произвола толпы в одесском регионе были ошеломляющими: среди жертв оказались 13 губернских высоких чинов и градоначальников, 30 полицейских приставов и жандармских ротмистров, 29 банкиров и крупных дельцов, 54 фабриканта, 471 человек из мелких полицейских чинов, 375 местных урядников, в общей сложности 1273 жертвы террористических актов, как это называлось в России, — не считая сотен рядовых граждан, убитых или покалеченных в тот же период¹⁷².

Когда оказываешься в самом центре исторических событий, бывает трудно что-либо понять. Многие одесситы в тот период, подобно героям романа “Пятеро”, жили не в преддверии и не впоследствии, а скорее в неопределенном настоящем времени. Собственно, за 10 лет до волнений, в год столетия Одессы (1894), город, невзирая на прокатившиеся погромы и усиление репрессий со стороны правительства,

по-прежнему сулил массу небывалых культурных возможностей — и для не-евреев, и для евреев.

К примеру, одесситы отпраздновали день рождения города памятными альбомами, военными парадами, нескончаемыми речами, торжественными службами под всевидящим оком многолетнего городского головы — солидного и представительного Григория Маразли.

Более полутора тысяч желающих заполнили украшенный позолотой Оперный театр, который почти 20 лет царственно венчал подъем Ришельевской улицы. После спектакля отцы города имели возможность прогуляться по Ланжероновской или Екатерининской улицам, по обеим сторонам которых стояли красивые новые здания с классическими колоннами или цветочными барельефами в стиле барокко. Можно было насладиться кофе или ароматным мороженым в кафе “Фанкони” или кафе “Робинá”. Обладателям членских билетов в некоторые частные заведения — такие как изысканный Одесский клуб, прежде известный как Английский клуб, — предлагались напитки, ресторан, иностранные газеты.

Господа с более специфическими запросами имели возможность стать членами Черноморского яхт-клуба или Новороссийского общества поощрения коннозаводства или Одесского общества любителей велосипедного спорта. Читающая публика могла подыскать себе книги в городских библиотеках и читальных залах или приобрести тома для личного пользования в одном из 18 городских книжных магазинов. Приезжие могли остановиться в одном из 12 первоклассных отелей, в одном из многочисленных частных доходных домов или в одной из небольших гостиниц. Затем можно было осмотреть любопытные статуи и надгробия, выставленные в музее Императорского Одесского общества истории древностей, или отдохнуть на зеленых просторах Александровского парка. Вдоволь насмотревшись городских достопримечательностей, приезжие могли воспользоваться регулярным железнодо-

рожным сообщением, чтобы отправиться в любое место империи или в Европу, или отплыть на одном из множества пароходов, ежедневно отправлявшихся в другие черноморские порты России и каждую неделю — на экскурсию в Константинополь.

Вряд ли то время можно было назвать золотым веком в жизни города. Торговля зерном сократилась, и прежняя значимость Одессы для Российской империи, как и для окружающего мира, становилась все меньше. Но если взглянуть в отдельных людей, выросших в скромных домах, перед нами откроются залежи таланта и фантазии — отчасти среди коренных одесситов, хотя в основном это относится к тем, кто, снискав известность в других краях, просто оставил в Одессе свой след.

Писавший на языке идиш Шолом Алейхем жил недалеко от парка. Со временем он сделался известным благодаря созданию Тевье-Молочника, а перебравшись в Соединенные Штаты, стал талантливым воплощением того, что теперь мы называем *культурой штетла* — еврейского местечка. Известный исследователь истории российского еврейства Семен Дубнов держал *двор* (духовный дом хасидов) в своей квартире на Базарной улице. Один из первых пророков движения, впоследствии получившего название “сионизм”, Леон Пинскер провел свои последние дни в комнатах на Ришельевской улице. В нескольких кварталах оттуда в приходскую метрическую книгу Преображенского собора была занесена запись о крещении некоей Анны Горенко. Впоследствии, возродив имя своего предка, она стала известна под псевдонимом Ахматова. Еще в нескольких кварталах к западу, на Молдаванке, торговец Эммануил Бабель праздновал рождение сына Исаака.

Одесса щедро, как торговец дынями на Привозе, предлагала евреям широкий выбор различных идеологий, политических программ и социальных сообществ. Одесский филиал Общества для распространения просвещения между

евреями России* занимался продвижением идей *маскилим*, внедряя при этом и изучение русского языка. Общество вспомоществования евреям-кустарям и земледельцам в Сирии и Палестине, неофициально звавшееся Одесским комитетом и какое-то время являвшееся единственной легальной сионистской организацией в России, оказывало поддержку евреям, решившим начать новую жизнь в качестве земледельцев в Палестине, находившейся тогда на территории Турции. Во всяком случае организация действовала до тех пор, пока турки не начали ограничивать еврейскую иммиграцию.

В десятилетие с 1894 по 1905 год между надеждами и тревогами Одессы, казалось, пролегла глубокая пропасть. Как мог город, в целом свыкшийся со своей естественной интернациональностью, так стремительно скатиться к общественному хаосу? Многие одесситы, в особенности евреи, казалось, гребли против набравшего скорость течения. «Ассимиляция начинается именно с разрыхления старых предрассудков, — говорит один из персонажей романа «Пятеро», — а предрассудок святая вещь... Может быть, все истинное содержание морали... состоит из предрассудков»**. В этом и заключена суть романа. Растущее вытеснение евреев из российской общественной жизни явилось не только следствием предрассудков тех, кто с ними соседствовал.

Для Владимира Жаботинского — автора романа «Пятеро» и его не слишком закамуфлированного повествователя — именно отверженность, самосознание и способность гордиться особенностями своей культуры составляют основные свойства, которыми следовало бы охарактеризовать еврейство. В те годы Одесса как будто укреплялась во мнении, что национальное самосознание является неотъемлемой частью человеческого общества. Внешне привлекательные посулы

* Общество для распространения просвещения между евреями России (принятая аббревиатура — ОПЕ, устав был утвержден в октябре 1863 г.), крупнейшая культурно-просветительная организация российских евреев.

** Жаботинский В. Пятеро. С. 202.

ассимиляции, имперского мышления и космополитизма не могли скрыть многовековое стремление наций к собственному уникальному самовыражению. Пусть евреи, поляки, русские и греки постоянно общались друг с другом на Дерибасовской, но бытовое дружелюбие и общность интересов или целей — вовсе не одно и то же. В конечном счете именно это представление о национальной сути явилось как антитезой, так и плодом того совокупного образа, на который притяжал родной город Жаботинского.

Примерно в полутора тысячах километров от Одессы в израильском порту Акко есть старая тюрьма, известная как место заключения еретиков. Построенная в эпоху Крестовых походов, величественная крепость Акко некогда являлась узилищем, куда тамплиеры сажали инакомыслящих пленников. В последующие века и арабские, и турецкие правители использовали крепость для содержания бунтовщиков, неверных или просто непокорных. Религиозный деятель XIX века Бахаулла*, основатель веры Бахаи, был брошен османскими правителями в зловонную темницу за проповедь революционной идеи о том, что все религии являются частью божественного и благодатного промысла. Почти через 100 лет новые городские власти — британцы, получившие мандат на управление Палестиной, сочтя тюрьму бесполезным для себя заведением, заключили в нее одного из наиболее документировавших им одесситов того времени, писателя, журналиста и общественного деятеля Владимира Жаботинского, одного из первых поборников сионизма, а также впоследствии его самого беспощадного критика. Его легендарный жизненный

* Бахаулла (араб. Слава Господа, настоящее имя мирза Хусейн-Али-и-Нури; 1817–1892) — основатель вероучения Бахаи. Учил, что все пророки и посланники Божии посланы на Землю единым Богом для постепенного просвещения человечества с целью установления Царства Божьего на земле (концепция прогрессивного Откровения). Утверждал, что Царствие Божие (Величайший мир) будет установлено в течение настоящей эпохи Божественного откровения.

путь — от Одессы до Палестины вплоть до ранней кончины в Соединенных Штатах — отражает весь водоворот политических страстей, бурливших в его родном городе в переходный период на рубеже XIX и XX веков.

В 1890-е годы политическая активность спала, однако в 1905 году она оживилась. Русские экстремисты, в том числе черносотенцы, не один год активно действовали вдоль южных окраин Российской империи. К тому же украинские организации стремились добиться расширения прав — от предоставления культурной автономии до полной независимости украинцев, крестьян и городских жителей. У социализма также были последователи, интерпретировавшие марксизм кто как мог, от постепенного перехода к демократии до революционных лозунгов и демагогических фраз.

Такая социальная среда сформировала Жаботинского как русскоязычного еврея с особой склонностью к сионизму. Он родился 5 октября 1880 года в семье успешного коммерсанта. Отец умер в 1886 году, семья оказалась стесненной в средствах и утратила прежнее положение. Мать открыла небольшую лавочку, и семейство переехало в комнаты, примыкавшие к торговому помещению.

Буквально в одночасье семья коммерсанта превратилась в семью лавочницы. На юного Жаботинского мать, полная решимости вернуть семейству утраченный статус, возлагала большие надежды. Она поощряла сына активнее заниматься учебой, даже в ущерб постижению азов торговли, позволявшей кормить семью¹⁷³.

Жаботинский родился во времена, когда возможности, особенно для евреев, стали заметно более ограниченными, чем раньше. Как раз к тому моменту, когда он начал готовиться к вступительным экзаменам, для поступления в учебные заведения в России была установлена еврейская квота (*numerus clausus*). После нескольких попыток поступить, после нескольких отказов, Жаботинский наконец был принят в прославленную Ришельевскую гимназию (ту самую, куда

его современник Троцкий так и не получил доступа) и обнаружил, что немало других евреев умудрились в обход ограничений пробиться в число учащихся. Семейства, полагавшие само собой разумеющимся, что они могут считаться более или менее евреями по вере, русскими по языку и культуре и бесспорно принадлежащими к буржуазному сословию, теперь вынуждены были преодолевать новую волну предрассудков.

В классе из 30 учащихся Жаботинский и еще девять еврейских мальчиков держались особняком, но вполне ладили с одноклассниками: поляками, греками, армянами и молдаванами. Признавая себя не слишком успевающим учеником, Владимир больше времени проводил на одесских пляжах или гоняя по Александровскому парку, чем в трудах над домашним заданием. Когда в гимназии решили ввести урок иудаизма, на занятия являлась лишь треть его одноклассников.

“Мерилом моего либерализма была забывчивость вовремя подстричься”, — писал Жаботинский¹⁷⁴. Впоследствии он рассматривал свою лень как некое провидческое свойство. Если бы он продолжил учебу, затем поступил в университет, избрав профессию адвоката, то вполне мог бы, как и многие буржуазные юристы, со временем стать жертвой большевиков. Глупость, писал он, это “...один из самых успешных способов жить, как подобает человеку”¹⁷⁵.

После долгих просьб и убеждений Жаботинский добился от матери разрешения отправиться за границу в качестве корреспондента газеты либерального толка “Одесский листок”, той самой крупноформатной газеты, которая печатала нескончаемые пошлые сюжеты из криминальной жизни и скандальные истории из зала суда. Жаботинский уже достиг некоторого успеха публикациями в местной прессе, и весной 1898 года отправился в качестве корреспондента этой газеты в Швейцарию.

Путешествие в Европу на поезде через Галицию познакомило Жаботинского с многообразием еврейства, что во

многим было неведомо ему в Одессе. “Я не встречал прежде ни курчавые пейсы, ни эти *капоты* (традиционный черный пиджак-пальто), ни такой чудовищной нищеты, — вспоминал он. — Никогда не видел я также и старых, седобородых почтенных евреев, снимающих шляпу при встрече с нееврейского происхождения господином на улице”¹⁷⁶.

Годы, проведенные Жаботинским за границей, сначала в Берне и потом в Риме, открывшие ему популярные в Европе идеи социализма и нигилизма, безбрежного эстетического разнообразия и национализма, отточили его интеллект и заострили его перо. Жаботинский стал первоклассным журналистом, открывавшим Европу городу, имевшему весьма туманное представление о своих европейских корнях. Он уже считался кем-то вроде общепризнанного интеллектуала. Одесситы зачитывались острыми, изысканными по стилю статьями автора, подписывавшегося итальянским псевдонимом *Альталена**. До предела четкий в изложении, эрудит с незаконченным образованием, с импозантным, красиво смотревшимся за толстыми стеклами очков лицом, Жаботинский превратился в типичного для России писателя на рубеже веков, социально ориентированного литератора, творческий талант которого распространялся и на стихи, и на новеллы, и на газетные колонки, и на переводы, и на романы.

На тот момент мировоззрение Жаботинского если и успело сформироваться, то было сумбурным: расплывчатый космополитизм, банальный романтизм, любовь ко всему итальянскому, умеренный сионизм, основанный на мысли, что евреи заслуживают того, чтобы когда-нибудь, как-нибудь полу-

* У этого псевдонима смешная история. Жаботинский придумал его в Риме, куда отправился корреспондентом одной из одесских газет. Он считал, что слово это означает “рычаг”. Лишь впоследствии, лучше выучив итальянский, он узнал, что *altalena* значит “качели”. Это случайное слово как нельзя лучше описывает жизнь Жаботинского, его постоянные рывки из литературы и журналистики в политику и обратно в литературу.

чить собственное государство в Палестине. Иными словами, Жаботинский был представителем своего века и своего класса, человеком, кого не слишком трогали ни традиционный иудаизм, ни иудаизм Хаскалы, даже при том, что благодаря культурным связям и личным возможностям он во многом впитал основы и того, и другого; он был человеком, убежденным в своей принадлежности к русскоязычной культуре.

Жаботинский вернулся в Одессу в 1901 году ведущим литературной колонки и репортером культурных событий уже другой, широко известной газеты «Одесские новости». Еврейская интеллигенция в Одессе, как и в других частях России и Европы, жарко спорила на одну и ту же тему, выбирая между традиционными ценностями Хаскалы и более конкретными требованиями сионизма, между сионизмом с его мечтой обрести родину где-нибудь и борьбой за обретение родины именно в Палестине. Талантливый оратор, обладавший способностью вернуть острое словцо, мастер иронии, Жаботинский стал одним из наиболее активных представителей энергичной и пытливой городской интеллигенции, ядро которой составляли влиятельный журналист Бен-Амми, пишущие на языке идиш Менделе Мойхер-Сфорим и Шолом Алейхем, теоретик культурного сионизма Ахад ха-Ам и центр притяжения всего сообщества Семен Дубнов.

Впоследствии Дубнов вспоминал литературный салон в апреле 1903 года, на котором Жаботинский привел слушателей в восторг анализом положения евреев. Жаботинский сказал, в частности: дух нации прекратит скитания и маяту только тогда, когда будет способен создать собственное правительство на собственной земле. Именно это ранее предсказывал и другой одессит, памфлетист и предвестник сионизма Леон Пинскер. В перерыве Дубнов вышел в коридор, где обнаружил, что присутствующие горячо обсуждают новости, только что просочившиеся в город. Из провинции в Одессу прибывали беженцы, которые рассказывали о новых погро-

мах севернее Одессы¹⁷⁷. Жаботинский делал доклад как раз в тот момент, когда происходило событие, способствовавшее перерастанию сионизма в международное явление: кровавое истребление русскими националистами десятков евреев в столице Бессарабии Кишиневе.

“Начало моей сионистской деятельности связано с двумя явлениями: с итальянской оперой и идеей самообороны”, — писал Жаботинский*.

Для прозы Жаботинского была характерна намеренно небрежная, полная изящества, при этом убедительная манера повествования. Его ныне постигнутое восприятие еврейского национального духа во многом как дань пребыванию в Риме и итальянскому движению Рисорджименто, воплотилось в необходимость осознания разобщенным народом своего внутреннего единства и последующего стремления обрести давно недоступную государственность.

В Одесском оперном театре на спектакле итальянской труппы Жаботинский встретил одного из ранних своих наставников, одесского сиониста Соломона Зальцмана.

Именно распространение еврейских групп самозащиты вдохнуло жизнь в представления Жаботинского о еврейском самосознании и собственной территории для евреев. Евреи начали объединяться и вооружаться уже в результате погромов 1881 года, но после Кишинева самооборона явилась логическим ответом российскому государству, поскольку местные власти, казалось, потворствуют погромщикам. Жаботинский вспоминал, как навещался на Молдаванку (наверное, впервые интеллигент-буржуа осмелился посетить этот бедняцкий район), и, оказавшись там в некоей просторной пустой комнате, обнаружил, что она заполнена револьверами, ломами и кухонными ножами. Теперь евреи будут готовы к обороне.

* Жаботинский В. Повесть моих дней. Перевод с иврита Н. Бартмана. Изд-во Библиотека-Алия, 1985. С. 4.

Жаботинский утверждал, что кишиневский погром 1903 года ни в малейшей мере не повлиял на его мировоззрение. Что он стал сионистом раньше, в годы, проведенные за границей, и, вернувшись, таковым и остался. Однако изменился политический контекст. Кишинев стал главным полем битвы в тайной войне России против своих евреев, которая выльется в одесский погром 1905 года, а также в беспрестанные акты насилия в годы Первой мировой и Гражданской войн.

Перемены коснулись методов, избранных евреями круга Жаботинского, негативно относившимися к революционному или социал-демократическому пути. Если теперь Российское государство стало соучастником покушений на покой евреев в пределах империи, иными словами, если государственные чиновники содействуют русскому национализму в его вызывающей и примитивной форме, тогда, возможно, пропасть между русскими и евреями стала куда глубже, чем обычные религиозные или традиционные расхождения. Евреи, как и любая другая нация, глубоко разобщены и, скорее всего, не вполне это сознают, однако в них можно пробудить понимание своей судьбы. Гордость и предрассудки формируют иные разновидности национального самосознания (эта тема пронизывает роман “Пятеро” и другие художественные произведения Жаботинского), так почему бы этим свойствам естественным образом не послужить на благо евреев? Евреи могли бы по-своему поладить с прежними погромщиками: те хотят, чтобы евреи убрались; значит, евреям просто необходимо подыскать себе место на земле.

Карьера Жаботинского-сиониста набирала обороты. Летом 1903 года он был послан делегатом на 6-й Сионистский конгресс в Базель, в котором в последний раз участвовал политический лидер сионизма Теодор Герцль. Вернувшись в Россию, Жаботинский переехал из Одессы в Санкт-Петербург, но по-прежнему много путешествовал по стране как журналист и оратор.

С началом Первой мировой войны Жаботинский, уехав из России, вступает в британскую армию, воевавшую против Турции. Он способствует созданию Отряда погонщиков мулов и нескольких королевских стрелковых батальонов из евреев-добровольцев под общим названием Еврейский легион, которые сражались в Галлиполи и Палестине.

Жаботинский и после войны оставался в Палестине на весь срок британского мандата, приняв на себя активную роль основателя Хаганы*, подпольной еврейской военной организации. Когда местные арабы в апреле 1920 года напали на еврейский квартал в Иерусалиме, явно продемонстрировав то, чему Жаботинский уже был свидетелем в России, британские власти обвинили Хагану в провокационных действиях, Жаботинского арестовали и заключили в крепость в Акко. Тогда же на смену его русского имени Владимир пришло древнееврейское — Зеев.

Участие Жаботинского в военных действиях и последующая судьба узника-сиониста ныне воспринимается в целом как неблагоприятный факт в его репутации. Международное возмущение привело к его освобождению из тюрьмы, однако разногласия между Жаботинским и прочими сионистами быстро нарастали. Он порвал с центром сионистского движения вскоре после своего освобождения, основав внутри сионизма ревизионистское движение правого уклона, антисоциалистическое, воинственное, категорически настаивавшее на создании государства евреев на обоих берегах Иордана. Движение это основывалось на убеждении в абсолютной несовместимости территориальных притязаний евреев и арабов.

В серии статей 1923 года Жаботинский выдвигал понятие “железной стены”, отделявшей евреев от арабов. Он считал, что арабское население едва ли благожелательно воспримет еврейское соседство, да и оба народа вряд ли способны при-

* Хагана (на иврите: оборона, защита) — подпольные вооруженные силы, созданные в подмандатной Палестине в 1920 г., ставшие с образованием еврейского государства основой Армии обороны Израиля.

Владимир Жаботинский

йти к добровольному и дружественному компромиссу. Национальные устремления этих двух народов не совместимы в своей основе. Единственная возможность для евреев уцелеть на своей территории — создание нерушимого военного оплота для обуздания арабской агрессии и защиты притязаний евреев¹⁷⁸.

Жаботинский не дожил до того времени, когда некоторые из его целей были воплощены в жизнь. Он скончался от сердечного приступа летом 1940 года, объезжая с выступлениями для сбора средств север штата Нью-Йорк. Но все же он прожил достаточно, чтобы стать свидетелем сгущения новых грозовых туч. Он точно предсказал надвигающийся катаклизм: геноцид, который уничтожит еврейскую культуру в Европе и превратит в реальность мечту о еврейском государстве в Палестине.

Сегодня взгляды Жаботинского вряд ли вписываются в традицию, которая считает установление в 1948 году еврейского государства конечной целью пути воссоединенного народа от почти полного истребления к победе. Одна из центральных улиц Иерусалима названа его именем, но если нынешние израильские правые продолжают считать работы Жаботинского пророческими, репутация его все же меркнет рядом с прочими сионистами и государственными деятелями Израиля, такими как Хаим Вейцман или Давид Бен-Гурион. Личные максималистские высказывания Жаботинского на многие политические темы и его язвительные нападки на прочих сионистов, которых он считал слабовольными и утратившими ориентиры, побудили Бен-Гуриона назвать Жаботинского Владимиром Гитлером.

Жаботинский стал основателем молодежной организации Бетар, чьи принципы и эстетические взгляды по-прежнему имеют больше сходства с европейскими правозэкстремистскими организациями, чем с народным социализмом киббуца. В своих ранних работах Жаботинский был крайне непоследователен во взглядах. В своей переписке он оставался внимательным, равнодушным, открытым чужим горестям и обидам. Среди его союзников были как личности с твердыми убеждениями, так и беспринципные и даже эксцентричные типы. Сионизм, как отмечал Жаботинский в письме 1922 года Бенито Муссолини, имеет немало общего с итальянским фашизмом. И далее: "...движение, которое вы представляете, как и ваша личность, вызывают у меня огромный интерес"¹⁷⁹.

В конечном счете вклад Жаботинского, если можно так выразиться, заключался как в отстаивании роли сионизма, так и в прозаизации его. Главным догматом его учения стало понятие *hadar*, что на древнееврейском означает "чувство собственного достоинства", "гордость", — свойство, которого, как считал Жаботинский, лишены местечковые евреи в черных лапсердаках, а также их "просвещенные" единоверцы. Внушение чувства *hadar* означало лишь стремление привить

еврейским сообществам активно национальный образ жизни, известный итальянцам как *italianità*, а немцам как *Deutschtum*: преисполненное достоинства ощущение необходимости реализовать саму суть своей расы, этноса, нации. В этом смысле нет ничего необычного, считал Жаботинский, в самом факте еврейского национального чувства — лишь то, что оно многие века подавлялось разными империями и отрицалось самими евреями, обращавшимися к традиционной религии, культурной ассимиляции или наивному социализму как к сомнительным альтернативам нереализованных национальных амбиций.

“Сионистом я стал благодаря не-евреям”, — писал Жаботинский в 1934 году. Сущность сионизма была для него не в обретении утешения или “моральной поддержки” для больного и уж давно не в осуществлении божественного предопределения. Мысль о богоизбранности он считал опиумом для масс, скорее препятствием к еврейскому национальному самосознанию, чем божественной сутью. Создание еврейского государства было естественным политическим следствием еврейского национального самосознания, принципиально ничем не отличающимся от задач, преследуемых национальными движениями прочих стран Европы¹⁸⁰.

Нетрудно проследить особое влияние ситуации в Одессе на националистские взгляды Жаботинского. Если каждая из прочих национальных групп в Одессе рано или поздно добивалась наивысшего культурного самовыражения в идеях национализма и независимости, как греки в 1820-е годы, итальянцы в 1860-е, а также украинцы и русские, стремившиеся к чему-то подобному в момент краха старой империи. Почему же у евреев должно было быть иначе?

Единственное, по мнению Жаботинского, что отличало евреев от их соседей, был вопрос выбора: общее нежелание евреев бороться против других крупных национальных движений, цели которых оказывались противоположными целям евреев. В этом смысле Жаботинский был, по утверж-

дению одного из его биографов, “космополитом ультранационалистского толка”¹⁸¹. Он считал национальные объединения основными составляющими мирового сообщества. Выживание наиболее жизнеспособных являлось для него главным механизмом, определявшим, кто именно придет к построению своего национального государства.

Изложенная система взглядов не слишком согласуется с претензией на уникальность, лежащей в основе большинства версий о происхождении и судьбе нации, включая еврейскую. Но сионизм Жаботинского стал гораздо более влиятельным, чем можно было ожидать от автора, имя которого не слишком памятно в наши дни. Израильское государство, предугаданное Жаботинским, отошло от социалистической версии сионизма, на основе которого было создано. Крупномасштабная приватизация потеснила социалистическое равенство, изменив социальные отношения между гражданами и правительством. Новые волны иммиграции привлекли в страну евреев, в особенности из России, для кого разновидности того европейского национализма, жертвами которого пали их деды, равно как вдохновлявшие их социал-демократические идеи, уже не слишком актуальны. Реальная “железная стена” в Иерусалиме ныне укрепила прежнюю умозрительную стену Жаботинского.

После двух палестинских мятежей, после взрывов террористов-самоубийц в иерусалимских ресторанах, после продвижения поселений на Восточный берег и явного исчезновения с политической арены израильских левых Израиль во многом стал походить на образ, созданный Жаботинским. Ведущее положение здесь занял ревизионизм. Государство, отступив от более амбиционной социальной программы прежних десятилетий, переориентировалось на задачи, которые считал насущными Жаботинский: на безопасность.

“Все начинается с Одессы”, — говорит диктор в биографическом фильме, посвященном Жаботинскому и показанном в Институте имени Жаботинского в Тель-Авиве, который

ЧАСТЬ II. ОПЛОТ ЖЕСТОКОСТИ

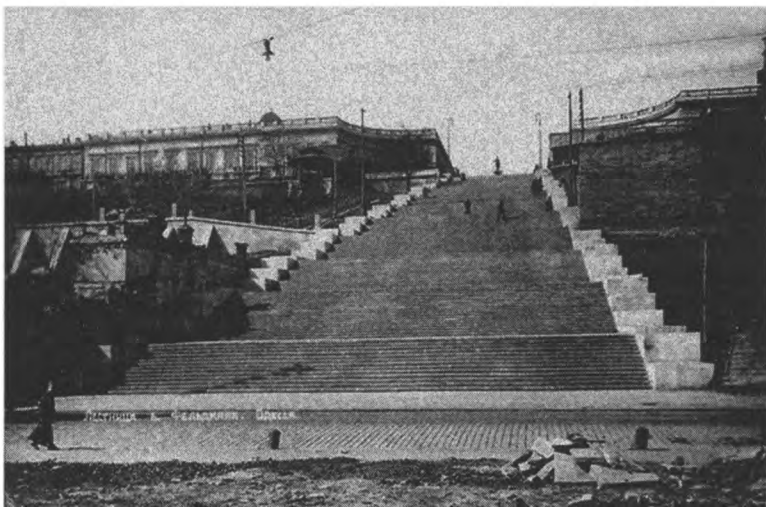
представляет собой музей и научный центр, где хранится его архив. Да, так оно и есть. Израиль XXI века — государство, опирающееся на чисто национальные идеи, в котором несоответствия между богатыми и бедными потеснили прежние устремления к социальному равенству, и теперь оно воплощает многое из тех идеалов, которые Жаботинский почерпнул из обветшавшего космополитизма родного города.

Новый мир

Матросы и пожарные бастовали большую часть 1906 и 1907 годов. В 1910 году к ним присоединились возчики зерна. Подпольные группы, даже с внедренными полицейскими информаторами, своими политическими программами, от социалистических до анархистских, привлекали все новых членов и сочувствующих из портового района и промышленных окраин.

Возобновившееся после окончания бесславной Русско-японской войны морское судоходство опять оказалось парализованным в 1911 году с началом короткого конфликта Италии с Османской империей и двух балканских войн 1912 и 1913 годов.

Уже до вступления Российской империи в Первую мировую войну в 1914 году одесские купцы теряли состояния на морских перевозках. Решение турок вступить в войну на стороне Германии, осложнившее судам прохождение через Дарданеллы и Босфор, мгновенно застопорило торговлю. При отсутствии работы портовые грузчики и моряки, которым было нечего терять, приняв для храбрости водки, крушили стекла и кроили черепа, усугубляя общий кризис города.

*Потемкинская лестница, носившая название Лестница Фельдмана
с 1919 по 1941 год*

В период войны Одесса находилась у точки географического схождения старых европейских империй — России, Турции и Австро-Венгрии, а также новых монархий, государств-наций и этнических групп, которые быстро освобождались от их зависимости. Три крупнейшие этнические группы Одессы (русские, составлявшие 39% населения, евреи — 36% и украинцы — 17%) были готовы к восприятию разнообразных радикальных программ, проповедуемых дельцами от политики.

Одесса оказалась средоточием нескольких фронтовых рубежей: столкновений между евреями и их гонителями; между украинскими националистами и их противниками-монархистами; между радикальными марксистами и сторонниками самодержавия. Но трудно было предсказать, какие именно события станут провозвестниками главных перемен, а какие развеет в прах очередной порыв северо-восточного ветра.

Некий посетивший Одессу в 1917 году американский врач был свидетелем того, как над всеми судами в гавани взвились красные флаги. “Похоже, никто не знает, почему, так как не было никаких сообщений ни о победе в морском сражении, ни о каком-либо праздновании”¹⁸². Американский доктор стал очевидцем одесской версии большевистской революции. Но даже это событие обернулось малозначительным инцидентом, и весьма скоро.

В 1917 году, столкнувшись с катастрофическим положением на фронтах и в связи с политическими и революционными событиями в столицах империи, русская армия развалилась. Солдаты растворились среди гражданского населения, вступая в вооруженные банды, пополняя толпы нищих или ряды воюющих — теперь друг против друга в Гражданской войне: в Белой армии, оставшейся верной прежнему порядку, или Красной армии, преданной делу революции.

Государства Антанты* строили планы прорваться сквозь открывшийся проход на Восточном фронте. Чтобы не допустить Германию, Турцию или Австро-Венгрию к российским промышленным и морским центрам, союзники поделили между собой оккупируемые области на территории бывшей империи. Британские полки были направлены на восток, в Кавказский регион, чтобы осуществлять контроль над стратегически важными нефтяными промыслами в Баку. Высадившиеся в Одессе французские колониальные войска (частично сформированные из североафриканских полков с солдатами в цветастых шароварах и бурнусах) промаршировали по Николаевскому бульвару, демонстрируя слабое знание воинских артикулов.

Попытка упреждающей оккупации продолжалась недолго. Несмотря на то что французы объявили военное положение, Одесса пребывала на грани анархии, голодные бе-

* Военно-политический блок Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии времен Первой мировой войны.

женцы грабили магазины, бывало, на улицах людей убивали ради теплого пальто¹⁸³. Французские матросы, подвергаемые жестокому обращению судовых командиров, прислушивались к речам большевиков, призывавших солдат и матросов объединяться против капиталистов-угнетателей. Вставшие на якорь в Черном море французские корабли на короткое время даже подняли на мачтах наряду с триколором красные флаги¹⁸⁴.

В условиях дезорганизации французских военно-морских сил русские части, присягнувшие большевистскому правительству, вошли в Одессу и объявили об установлении в городе революционного порядка. Однако и их попытка оказалась кратковременной.

К концу лета 1919 года отряды антибольшевистской Добровольческой армии под командованием прославленного белого генерала Антона Деникина вытеснили большевиков, предприняв рейды против тех, кого подозревали в сочувствии красным.

Но вскоре во всей бывшей империи ход событий принял для Белых армий неблагоприятный оборот. Деникинцы бежали под напором атак большевистских войск.

Когда в феврале 1920 года большевики окончательно вступили в Одессу, десятки тысяч беженцев столпились с вещами на обледенелой набережной, ища прибежища на каком-нибудь из торговых судов или на военном корабле союзников, задержавшихся в порту. Полковник Гордон Эллисон, командующий военно-морским корпусом США, присланным для эвакуации из города американских граждан, сообщал о сценах, полных драматизма и ужаса. О женщине, пробивавшейся с детской коляской сквозь толпу в поисках исчезнувших в давке мужа и ребенка. О другой женщине, тащившей зеркало в золоченой раме. О мужчине, который протискивался к пирсу, прижимая к себе банджо без струн, и о его попутчике, согнувшемся под тяжестью небольшой фисгармонии. О матросах, пытавшихся лебедкой поднять автомобиль на греческий корабль, пока

свистящие пули большевистских снайперов не вынудили их проститься с этой идеей.

Толпы задних, скользя по обледелому настилу, волнами накатывали через головы передних, пытаясь втиснуться на небольшой катерок. В панике иных кидали за борт или отпихивали матросы, стремившиеся не дать своему судну опрокинуться.

По всему городу грохотали пушки: это оставшиеся на берегу защитники палили по наступающим частям большевиков. Время от времени 13,5-дюймовки британского военного корабля “Аякс”, стоявшего во внутренней гавани, испускали громоподобные залпы в сторону большевистских позиций. В считанные дни последние защитники города — остатки Добровольческой армии, украинские добровольцы, а также солдаты и матросы союзников — покинули город навсегда¹⁸⁵.

После ухода белых Одесса предстала скопищем обгоревших зданий, улицы заполонили беженцы. Одесситы потеряли счет сменам власти, происходившим из месяца в месяц.

“Огромное количество домов все еще ждет восстановления, — отмечал спустя почти 10 лет после окончания войны некий путешественник. — Почерневшие остатки стен торчат на фоне сияющего голубизной неба, точно гнилые зубы, а на окраинах целые улицы мертвенно застыли — опустошенные, разоренные”¹⁸⁶.

Армии, бороздившие просторы канувшей в вечность империи, вынуждали миллионы людей пускаться в бегство, разоряли села и разрушали сельское хозяйство. Еврейское население черты оседлости было предметом нападков со всех сторон: и со стороны защитников монархии, клеймивших евреев как красную угрозу, и со стороны украинцев, стремившихся к созданию независимого украинского государства, не говоря о большевистской коннице, реквизировавшей у евреев хлеб, провиант и скот.

Впечатляющую картину хаоса тех лет, в особенности его последствий для судьбы евреев этого региона, дает провер-

ка, произведенная в Одессе летом 1921 года¹⁸⁷. Теперь при установлении власти большевиков активисты Еврейского общественного комитета вспомоществования жертвам погромов — независимой общественной организации, обосновавшейся в Москве, — исследовали состав еврейских беженцев, пребывавших в Одессе, и евреев-одесситов. Комитет распространил листовки на русском и на идиш, предлагая зарегистрироваться в одном из 10 пунктов, расположенных в центре Одессы и на окраинах. Поскольку регистрация влекла за собой возможность получения помощи по комитетским каналам от еврейских общин за границей, евреи охотно откликнулись на предложение. Опрашивающие с помощью устных бесед собрали обширную информацию. Если появлялись сомнения в правдивости чьего-либо рассказа, представители комитета запрашивали убедительные доказательства, например надо было привести всех имевшихся детей или предъявить официальные документы, подтверждавшие прописку и род занятий. Результатом явилась подробная социологическая картина бедствий граждан России в конце Гражданской войны.

Целью военной стратегии Австро-Венгрии, Франции, некоторых украинских групп, а также белых и большевиков было захватить и удержать город. Но при том, что в Одессу устремлялись одиночки и семьи из относительно ограниченного региона (в основном из южно-украинских губерний: Киевской, Одесской, Николаевской, а также из Подолии), масштаб переселения и гибели евреев из прежней черты оседлости наиболее очевиден. Комитет насчитал 12 037 еврейских беженцев. Еще 1801 человек были указаны родственниками, как все еще проживавшие в родных местечках и селах. 1194 человека, по сведениям, оказались больными. Примерно треть опрошенных потеряла в результате погромов хотя бы одного члена семейства, около 44% опрошенных потеряли одного или обоих родителей. Чаще всего в числе убитых оказывались отцы, но многие свидетельствовали и о гибели ма-

терей. Семьи, однако, по-прежнему были многочисленными, в среднем, по опросам, насчитывая до пяти уцелевших членов. Подавляющее большинство жертв составляло взрослое население, но около 17% семей потеряли кого-нибудь из домочадцев моложе 16 лет.

Спасшиеся от погромов представляли собой людей разных профессий и различной социальной принадлежности. Студенты, купцы, предприниматели, чиновники, учителя и портовые рабочие составляли большинство. Но самую крупную группу, около 31%, представляли домохозяйки. Вероятно, вследствие гибели мужчин во время погромов и в перипетиях жестокой Гражданской войны женщинам пришлось взвалить на себя обязанности главы семьи. (Что не удивительно: две трети из учтенных погибших составили мужчины.) Принимая во внимание, что семьи и отдельные жители целых селений, передвигаясь пешком или в обозах, преодолевали сотни километров, добираясь до родственников или до какого-либо безопасного города; что повсюду в провинции рыскали отряды казаков, войска Красной и Белой армий, а также откровенные бандиты; что уже полвека, а то и больше, в западной части империи процветала практика организованного насилия против евреев, — не удивительно, что рассказы очевидцев свидетельствовали о массовом истреблении этого народа. Более половины опрошенных сообщали, что трижды пережили события, классифицируемые ими как погромы.

Отчет представляет собой уникальную подробнейшую картину принудительных перемещений, однако он бледнеет в сравнении с тем, что нам известно в целом о судьбе беженцев и смертности в тот период. К лету 1917 года более миллиона человек в европейской части России были вытеснены с насиженных мест. Вероятно, большинство из них составляли те, которых теперь мы назвали бы этническими русскими, однако представители социальных меньшинств, вечно подозреваемые в лояльности какой-либо враждебной державе, чаще всего становились мишенью вторгающихся армий, бандитов,

а также многих независимых военизированных групп, возникших в период между войной и революцией.

Беженцы стекались в крупные города западной части империи в поисках еды и крова, пополняя толпы бездомных бродяг, появившихся еще в период беспорядков 1905 года¹⁸⁸.

При всем этом отчет запечатлел коренное изменение в составе еврейского населения Одессы. Община, составлявшая по последней переписи царского времени примерно 125 000 человек, отражала такое же разнообразие типов занятий и социальной принадлежности, как любая другая в городе. Если же говорить о типичном еврее-одессите (очевидном из материалов переписи, а не в соответствии с антисемитскими представлениями русских националистов), это был мелкий предприниматель — купец, мелкий торговец, хозяин гостиницы или небольшой фабрики, зарабатывающий на жизнь в неустойчивой и враждебной экономической ситуации. Русские, украинцы и немцы примерно в том же количестве занимались сельским хозяйством на окраинах Одессы и осваивали рабочие профессии в порту или выполняли низкоквалифицированную работу в промышленности. Однако евреи по сравнению с христианами, жившими с ними в одном городе, составляли подавляющее большинство населения. К 90-м годам XIX века более 95% евреев по социальному положению причислялись к мелкой буржуазии — прежней категории мещан, которую они стремительно пополняли на протяжении этого столетия¹⁸⁹.

Но после почти двадцатилетнего периода беспорядков (первые волны насилия 1905 года, события Первой мировой войны и погромов, прокатившихся по России во время Гражданской войны) тип еврея-мещанина в значительной мере перестал существовать. Теперь основным лицом еврейской нации стала женщина-вдова, бегущая с детьми от погромов из провинциального местечка, чтобы попутно столкнуться с еще большими несчастьями. Именно этот образ стремился воссоздать великий писатель-одессит Исаак Бабель.

Годы, когда Владимир Жаботинский трудился над созданием боевых сил для государства в Палестине, его соотечественник Бабель провел в седле в рядах боевой красной конницы. Не самое лучшее место для еврея, если не сказать большего. Но Исааку Бабелю было свойственно оказываться не в том месте и не в то время.

Бабель родился в июне 1894 года на Молдаванке в семье еврея-торговца. Круглолицый очкарик с крутым сильно выступающим лбом, он был пропитан классической европейской литературой и одновременно древними традициями талмудистской мудрости и образа мыслей. Семья уцелела после погрома 1905 года лишь благодаря участию соседей-христиан, укрывших нескольких человек от бушевавшей на улицах толпы. Однако дед Бабеля оказался в числе жертв погрома.

Жизненные устремления у Исаака Бабеля были такими же, как и у многих евреев Одессы: получить хорошее образование и посвятить себя одной из немногих дозволенных профессий: предпринимательству, журналистике или деятельности не вполне еще ясной, но активной в кругу так называемой интеллигенции.

Амбиции Бабеля ограничивали антиеврейские квоты многих учебных заведений, в том числе местного университета. Посему он поступил в техническое училище в Киеве. Оттуда Бабель направился в Петроград, проявив чисто одесскую изворотливость, дабы не попасть в полицию, поскольку не имел разрешения на проживание в городе. Вскоре он занялся скромным ремеслом автора коротких рассказов и эссе.

Петроград находился в состоянии брожения. Более чем за 10 лет до того, как Одессу стали держать в страхе антисемитские банды, северный город явился местом неудавшегося бунта, в результате чего все же удалось получить кое-какие поблажки от царя Николая II. Бабель оказался вовлеченным в политические страсти, бурлившие вокруг имперской столицы, название которой из чисто немецкого Санкт-Петербург в силу военных страстей поменялось на Петроград.

Бабель нашел покровителя в лице ведущего писателя и издателя левого толка Максима Горького, опубликовавшего некоторые из его ранних рассказов. Войдя в мир социалистов-подпольщиков и тайной печати, Бабель влился в ряды первого поколения большевистской интеллигенции.

Но истинное вхождение в гущу революционной действительности началось со службы Бабеля в казачьих частях. После большевистской Октябрьской революции 1917 года бывшая Российская империя раскололась на два лагеря — сторонников нового правительства и их многочисленных противников. В последующие четыре года по всей территории бывшей империи велись непрекращающиеся бои между множеством непримиримых врагов — красными, белыми, националистами, а также местным крестьянством, главным образом стремившимся защитить свои дома и поля от грабителей.

Бабель стал одним из первых прикомандированных к армии журналистов. Он был направлен в кавалерийский полк под командованием легендарного Семёна Буденного, сражавшийся на стороне большевиков у западных границ почившей империи. Официально Бабель числился корреспондентом газеты “Красный кавалерист”, которая была призвана освещать будни борцов за советскую власть, выступивших против сил империализма и реакции.

Повседневность насилия в противоестественной войне нашла отражение в будущем наиболее значительном литературном произведении Бабеля: в сборнике рассказов “Конармия”, опубликованном в 1926 году.

“Гражданин Бабель рассказывает нам про Конную армию бабьи сплетни, роется в бабьем барахле-белье, с ужасом побабьи рассказывает о том, что голодный красноармеец где-то взял буханку хлеба и курицу; выдумывает небылицы, обливает грязью лучших командиров-коммунистов, фантазирует и просто лжет”¹⁹⁰. Так недвусмысленно отозвался о “Конармии” Буденный, призванный быть вдохновителем репортажей Бабеля в наиболее яркий период творчества писателя, пришед-

шийся на грозовой переход от царизма к большевизму. Бравый кавалерист оказался прав хотя бы в одном. Именно людские пересуды и неприглядную сторону Гражданской войны (а вкус к неприкрашенной действительности Бабель впитал еще на грязных улочках и в душных дворах Молдаванки) воплотил писатель в своих тонких проникновенных рассказах.

Герои бабелевской прозы — разнообразные типы, встречаемые им и среди конников, и в деревнях и местечках далеко к северу от его родного города. Но многие персонажи были придуманы Бабелем: люди, охваченные бесцельной злобой, попавшие в водоворот революции, грозящей сжечь самое себя изнутри, прежде чем она родит нечто грандиозное; старик Гёдали, еврей-ростовщик, который с готовностью бы поменял идеи большевизма на “интернационал добрых людей”; непредсказуемый и бездушный командир взвода Афонька Бида, не знающий жалости на войне, но на удивление сентиментальный в отношении к своему коню.

Постепенно рассказчик, писатель, двойник Бабея, ощущает, что его собственное сердце черствеет и ноет от войны. Церкви и синагоги разрушены. Люди истомились от бесконечного пребывания в седле. Награбленная одежда и ценности сделали конницу менее всего похожей на регулярную армию, это скорее бродячий, апокалиптический балаган. Повествователь любит могучими казаками с идеальной выправкой, одновременно испытывая отвращение к их поступкам и столбенея от ужаса при виде чинимых ими зверств.

Бабель — человек пограничной судьбы. Он с ранних лет жил между двумя мирами: еврейским и русским, а позже — между царизмом и большевизмом, между армией и творчеством.

В конце Гражданской войны он вернулся в Одессу, где стал работать над очередным произведением, серией коротких рассказов, которые в дальнейшем выйдут в свет под названием “Одесские рассказы”. Это увлекательнейшее собрание образов плутов, пройдох, проституток и наглых полицейских

еврейской Молдаванки. Его рассказы блистательно представляют читателю и рыцарей городского криминального дна, безжалостных в обхождении с простакami или с соперниками, но способных проявлять необычайную доброту по отношению к старухам и таких обаятельных в романтических отношениях.

Теперь творчество Бабеля часто оценивается через призму его рассказов об Одессе. Но подобный подход рискует принять истинную скорбь за проявление ностальгии. Если “Конармия” — пронзительный репортаж, художественное отражение жизненных впечатлений, еще живых и ярких в памяти на момент опубликования, то “Одесские рассказы” — приглушенное временем воспоминание. Одесса, которую изображает Бабель, канула в прошлое.

Бабель оставляет в нас устойчивое ощущение: стоит лишь подумать об Одессе, и на ум приходят именно вымышленные персонажи, а не образы реальных создателей города. Налетчик из налетчиков Бенья Крик — центральная фигура в этом воображаемом городе. Он король Молдаванки, в пиджаке шоколадного цвета, кремовых штанах и малиновых штиблетах, восседающий за рулем красного автомобиля, клаксон которого наигрывает “Смейся, паяц”. Он отбирает деньги у крупных дельцов и прививает принципы диковатой справедливости разнузданным головорезам, держащим в страхе всю округу. Он милостив к вдовам и жесток по отношению к огорчающим его подельникам.

Одесса Бени (то есть Бабеля) — сообщество воров, проституток и убийц, но тем не менее это организованное сообщество. Ворам присущ определенный кодекс чести, и никто не знал этот кодекс лучше писателя, уроженца самого нищенского и самого легендарного района Одессы, места, которое его жители наряду с крутым, открытым морским ветрам портовым кварталом считали родным домом.

В рассказах Бабеля трудно порой понять, пишет он с доброй улыбкой или с насмешкой. Его героиня Баська уви-

дела “жизнь Молдаванки, щедрой нашей матери, — жизнь, набитую сосущими младенцами, сохнувшим тряпьем и брачными ночами, полными пригородного шика и солдатской неуютимости”¹⁹¹. В этом вся суть. Одессу можно понять только тогда, когда она одновременно и притягивает, и отталкивает.

К тому времени как Бабель взялся за перо, типы вроде Бени Крика уже сходили со сцены, в чем и состоит основной посыл “Одесских рассказов”. В одном из последних рассказов “Фроим Грач” (он был опубликован многие годы спустя после гибели Бабеля) явившегося в ЧК старого предводителя налетчиков, известного как глава преступной армии из “сорока тысяч одесских воров”, чекисты расстреливают. “Ты бьешь орлов, — говорит тот перед смертью. — С кем ты останешься, хозяин, со смитьем?..”¹⁹².

Бабель понимал, что срок жизни его персонажей истек. Он писал и об ушедшей имперской Одессе, и о новой, находившейся в процессе становления Одессе советского типа. В одном из киносценариев, созданном им на основе “Одесских рассказов”, в сценарии для немого фильма 1926 года, главный герой Бенья Крик становится жертвой советской власти. Король налетчиков Молдаванки кончает жизнь как обыкновенный бандит. Власти приговаривают его к расстрелу. Так еще один последыш старого уклада вычеркивается из жизни новым режимом.

Бабелевский Бенья Крик в процессе трансформации Одессы в советскую являлся фигурой переходного периода, занять его место рвались новые персонажи. Основными свойствами их было приспособленчество и умение согнуться под непреодолимой властью государства. Бенья заставлял шевелиться обычно подкупаемую им царскую полицию и властвовал в своей округе, мало считаясь с подробностями официального закона. Пришедшие вслед за Бенеями знали, как следует себя вести с новой властью: мягко и осмотрительно, без шума и бравлады, свойственных поколению Бени.

Новые литературные герои, явившись, тотчас сделались общепризнанными одесситами советской эры. Литературное содружество Ильи Ильфа с Евгением Петровым создало один из наиболее запоминающихся образов: Остапа Бендера, прирожденного махинатора по проворачиванию мелких делишек, быстрого на слово, самоуверенного, в меру еврея для русского восприятия. Но в отличие от Бени Остап всегда подстраивался со своими махинациями под советский закон. “Я, конечно, не херувим. У меня нет крыльев, — говорит он о себе в колоритном романе Ильфа и Петрова “Золотой теленок” (1931), — но я чту Уголовный кодекс”^{*}.

Эти слова вполне могут послужить неофициальным девизом Одессы в эпоху пришествия советской власти. Преступность с улыбочивым лицом, южный вариант непринужденности, а также светская, модернизированная версия еврейского характера были свойствами одесского наследия. К этому прибавились всеобщий восторг советской разновидностью коммунизма, культ рабочего человека, а также способность подчинять свои амбиции диктату всевластного государства.

Основополагающее визуальное воплощение этого нового мира создал режиссер, который превратил Одессу в колыбель революции, чем она никогда не была, а воронцовскую лестницу-монстр вписал как явление в историю кинематографа.

Некий иностранный дипломат, отправившись в 1930-е годы на автомобиле путешествовать по России, писал, что после Киева асфальтированные дороги превращались в проселочные с редкими грейдерными вкраплениями. По пути встречались небольшие гостиницы, где было неистребимое засилье мух. Сбиться с пути ничего не стоило при отсутствии дорожных указателей, и даже местные жители, похоже, не знали, как проехать к морю.

^{*} Илья Ильф, Евгений Петров. Золотой теленок. См.: Илья Ильф и Евгений Петров. Двенадцать стульев. Золотой теленок. М.: ГИХЛ, 1956, с. 350.

По приезде в Одессу дипломат обнаружил, что в громадной старой гостинице “Лондонская”, одном из самых видных зданий на крутизне у моря, не оказалось мест. По крайней мере до того момента, пока он не вынул дипломатический паспорт и не потребовал, чтобы его немедленно благоустроили. Дипломат среди прочего отметил следующее: в ресторане гостиницы группа американских туристов громко изъявляла недовольство; чуть ли не каждый в городе по виду был явный еврей¹⁹³.

Дипломату было невдомек, что Одесса коренным образом преобразовалась из имперского города в советский. Вскоре после захвата власти большевиками улицы были переименованы в честь героев революции и Гражданской войны. Имперские символы были уничтожены; их место заняла эмблема с серпом и молотом. В Оперном театре ставили спектакли, славившие триумф рабочего класса, покончившего с царским игом. Прах четы Воронцовых был эксгумирован из крипты Преображенского собора и перезахоронен на городском кладбище. Сам собор сровняли с землей, используя его мраморную облицовку для строительства новой школы: бог царизма и церковников не вписывался в эру прогресса и всеобщего равенства.

Одесса стала играть особую роль в нарождающейся мифологии советского государства как место одного из ключевых эпизодов в предыстории большевистской революции: массовых выступлений 1905 года.

Сегодня почти невозможно отделить наше понимание значения 1905 года от той мифологизированной интерпретации событий, которая имела место 20 лет спустя. По сути, все ключевые образы того времени — плод талантливого творчества одного человека, Сергея Эйзенштейна, мастера ранней советской кинематографии. Благодаря его немому фильму 1925 года “Броненосец “Потемкин” Одесса превратилась в бат, который возвестил приход революции, в точку отсчета, с которой началось триумфальное шествие большевизма, и,

более того, стала именно той почвой, на которой вырос Советский Союз.

В конце июня 1905 года броненосец “Потемкин”, названный в честь знаменитого князя и полководца XVIII века, вышел из крымского порта для военных учений в Черном море. Условия на корабле оказались чудовищными. Телесные наказания матросов со стороны старших офицеров считались в порядке вещей. Еды не хватало. Когда в мясе были обнаружены черви, команда отказалась его есть и собралась на юте, чтобы выразить командирам недовольство.

На этом, однако, соответствие эйзенштейновской версии реальным историческим событиям заканчивается. В фильме для восстановления порядка вызывают боевую команду. Матросы бросаются к вооруженным товарищам, убеждая их не стрелять. Те колеблются, возникает бунт. Бунтовщики спускают по судну, хватая каждого, кто окажется в белом офицерском мундире. Одни пытаются укрыться за шлюпками, другие умоляют матросов успокоиться. Третьих бросают за борт. Затем “Потемкин” устремляется к Одессе. На главной мачте вместо военно-морского стяга реет красный флаг свободы.

А в городе рабочие, крестьяне и матросы собираются толпами на крутых берегах и в порту. Тело предводителя мятежников, застреленного вероломным офицером, выносят на причал, отдается скорбная дань мученику за дело революции. Из группы буржуазного вида зевак в крахмальных воротничках и фетровых шляпах летит провокационный выкрик: “Бей жидов!” — призывный клич погромщиков с 70-х годов XIX века. Но горожане не желают откликаться на этот выпад. Теперь возмужавшая толпа воодушевлена новой задачей — совместной борьбой против угнетателей капиталистов и империалистов, а не нападками на сограждан. Мятеж перерастает в революцию.

Однако все это — плод творческого воображения. Мятеж на реальном “Потемкине” закончился скорее жалким всхлипом, а не взрывом. Боевой дух моряков, с надеждой устремив-

Исаак Бабель – создатель современного образа Одессы

шихся в Одессу, поостыл, когда судно прибыло в порт. Моряки не сумели воспользоваться всеобщей стачкой, развернувшейся тогда в Одессе. Выступления протестующих, запрудивших тенистые улицы, вскоре сошли на нет, и городские революционеры отступили в тень. Команда броненосца периодически распространяла адресованные рабочим мира прокламации с призывом выступить совместно против прогнившего царского режима. Но в конце концов энтузиазм команды иссяк. Мятежники направились из Одессы в румынский порт Констанца, где сдались властям. Некоторых арестовали и выслали в Россию, где они были подвергнуты пыткам и казнены. Другие остались в Румынии и начали новую жизнь за пределами родины.

До конца 1980-х годов посетители рыбного магазинчика в Дублине имели возможность послушать рассказы его владель-

ца, матроса-ветерана Ивана Бескова, делившего воспоминаниями о бунте, открывшем дорогу революции.

Сергею Эйзенштейну было всего 27 лет, когда он создал свою версию событий, связанных с “Потемкиным”. Коренастый, с крупной головой и копной всклокоченных, как у клоуна, волос, отпрянувших от большого выпуклого лба, Эйзенштейн не был родом из Одессы. Но он принадлежал к тому же, что и Бабель, поколению творческой интеллигенции, черпавшей вдохновение из революционной энергии Страны Советов 1920-х годов, периода, когда социально-культурная жизнь не просто позволялась, ее развитие стимулировалось.

Как и Бабель, Эйзенштейн в годы Гражданской войны воевал в рядах Красной армии, а в 1921 году начал работать художником-декоратором при молодежном театре Пролеткульта, движения за “пролетарскую культуру”, средоточия художественного экспериментирования в первые годы большевистской власти. Через год Эйзенштейн стал режиссером Первого московского рабочего театра и вскоре приступил к съемкам фильма. В первой полнометражной ленте “Стачка” (1925) он экспериментировал с монтажом, что и стало впоследствии его кинематографической особенностью.

С годами сделавшись одним из главных проповедников значения кино не только как вида развлечения, но и как формы политического просвещения, Эйзенштейн становится главной фигурой в советской кинематографии, признанным мастером первой видеопроодукции советской власти. До сих пор его постановочные кадры с революционно настроенными рабочими и солдатами-реакционерами по традиции воспринимаются и западными, и российскими зрителями как документальное воспроизведение революционных событий в России¹⁹⁴.

Фильм “Броненосец “Потемкин” стал одним из самых значительных явлений и, разумеется, самым широко тиражированным произведением в истории кинематографа. ЦК

ВКП(б) наметил выпуск этого фильма к двадцатилетию первой русской революции 1905 года.

Однако к тому времени, как Эйзенштейн приступил к съемкам, он уже несколько припозднился. Режиссер вместе с большой съемочной группой не одну неделю проработал в Одессе и других частях Черноморского региона. Базой им служила одесская гостиница “Лондонская”.

Для экономии времени и средств группа собирала архивные пленки, которые можно было использовать вместо новых съемок. (Эпизоды, запечатлевшие корабли, спешащие на подавление героических мятежников, на самом деле старые кадры, запечатлевшие американский флот во время маневров, о чем свидетельствует заметный вдалеке в одной из сцен американский флаг.) В головокружительной спешке в конце года Эйзенштейн урезал отснятый материал из примерно 15 000 метров пленки до 7000¹⁹⁵.

Эпизод, вставленный Эйзенштейном в сценарий, стал наиболее запоминающимся, хотя и в значительной мере придуманным элементом картины. Речь об эпизоде “расстрел на лестнице”. Эйзенштейн гениально додумался сделать лестницу центральным образом фильма, сценой, которую он в мемуарах назвал “самой сердцевиной органики и общей структуры фильма”¹⁹⁶. Ряды солдат и казаков стреляют по бастующим рабочим. Когда казак бьет женщину наотмашь шашкой по лицу, мы отлично понимаем, что именно происходит в этот ужасный, шокирующий миг, даже при том, что режиссер не показывает момент удара шашки по поднятому вверх лицу; женщина просто развернута в кадре изуродованным глазом прямо на камеру. В ключевой момент детская коляска подъезжает к краю ступеньки и затем жутким образом скатывается вниз по каскаду гранитных ступеней.

На самом деле воспоминания о том, что “расстрел на лестнице” явился главным проявлением насилия 1905 года, в народе отсутствуют. Основная стрельба происходила совсем в другой части города и производилась не только военными,

но и многочисленными группами самообороны, организованными в городских кварталах для защиты от бандитов и зачинщиков погромов.

Идея этой сцены, возможно, зародилась у Эйзенштейна, когда однажды в Москве во время подбора материалов для будущего фильма на глаза режиссеру попала фотография Одесской лестницы во французском иллюстрированном журнале тех лет¹⁹⁷. В кинематографической версии Эйзенштейна единственно реальные кровавые события в Одессе 1905 года — истребление сотен евреев — отошли на задний план. Благодаря фильму Одесса из города, где евреев убивали прямо на улицах, превратилась в город, славный солидарностью рабочих и их противостоянием деспотичным законам царизма. Этот фильм был героическим проявлением забывчивости, если не сказать большего.

Когда советская публика посмотрела немой фильм, она увидела в нем рождение своего государства — страны революционной нации, оглядывающейся на героев и мучеников 1905 года. К моменту выхода фильма на экраны в 1925 году на месте Российской империи возник Советский Союз как правопреемник и обладатель обширных территорий Причерноморья, включая Одессу. И все же это была страна без истории. Ее идеология провозглашала молодость нации и отказ от прошлого ключевыми свойствами нового общественно-политического устройства. Мятеж на “Потемкине” в талантливых руках Эйзенштейна сделался Новым Заветом большевистской революции, летописью событий, возвестивших грандиозные перемены, произошедшие в октябре 1917 года.

Начальные премьерные показы фильма состоялись в Большом театре и в Первом кинотеатре “Совкино” в Москве в декабре 1925 и январе 1926 года, а когда американские кинозвезды Дуглас Фербенкс и Мэри Пикфорд летом 1926 года посмотрели фильм во время визита в Советский Союз, это ускорило показ “Потемкина” за рубежом¹⁹⁸. Чарли Чаплин на-

звал “Потемкин” лучшей картиной в мире¹⁹⁹. Вскоре фильм собирал полные залы в Атлантик-сити и Нью-Джерси.

И лишь после всех этих событий, уже в конце года, “Потемкин” был показан в Одессе. Повсюду в Советском Союзе его восприняли как малоинтересную документальную ленту, фильм шел при неполных залах. Однако в Одессе он имел мгновенный бурный успех — и мгновенно породил скандал.

Некий местный житель, утверждавший, что был участником тех самых событий на броненосце “Потемкин”, подал в суд на знаменитого режиссера, который якобы украл у него рассказанный им сюжет, и потребовал свою долю гонорара. Будучи опрошен по делу, бывший матрос утверждал, что находился в составе команды в критический момент восстания, когда часть команды накрыли брезентом перед расправой за мятеж.

Эйзенштейн заявил, что эта сцена — плод его художественного вымысла ради создания впечатляющего показа массового ослепления с помощью брезента, накинутого на группу обреченных на казнь людей²⁰⁰.

Дело рассыпалось.

Как вспоминал Эйзенштейн в интервью, данном вскоре после выхода фильма на экраны, сила образов, а не их историческая достоверность, составляет основное достоинство его творения. “Возьмем сцену из “Потемкина”, когда казаки медленно, не спеша сходят вниз по Одесской лестнице, стреляя в народ, — говорил он. — Умело комбинируя кадры ног, ступеней, крови, людей, мы создаем соответствующее впечатление. Какое именно? Зритель сам не видит себя на набережной в Одессе в 1905 году. Но то, что на него надвигаются солдатские сапоги, заставляет его отпрянуть физически. Он пытается уклониться от летящих пуль. Когда детская коляска скатывается с мола, он вцепляется в кресло обеими руками, чтобы самому не упасть в море”²⁰¹.

Изобразительный ряд, свет, поворот камеры, монтаж — все было направлено на то, чтобы вызвать у зрителя эмоцио-

нальный отклик, и все эти эффекты можно рассчитать с почти научной точностью. Именно воздействие на эмоции зрителя, а не достоверность образа и действия, при том что речь шла об исторических событиях, стали главными определяющими успеха фильма. “Под “фильмом” я понимаю тенденциозность и ничего более”, — открыто признавался Эйзенштейн²⁰².

“Броненосец “Потемкин”, возможно, представляет собой единственное наиболее значимое культурное явление в современной истории Одессы, произведение искусства, которое как ни одно другое сумело запечатлеть представление города о самом себе, и запечатлеть так, чтобы это осталось в памяти потомков. Если значительную часть XIX века приезжих поражал колорит портовых барышников Одессы, а также смесь Востока и Запада, то созданная Эйзенштейном киноверсия событий, связанных с “Потемкиным”, стала визитной карточкой Одессы XX века.

Эйзенштейн воспользовался основными фактами происхождения, которые излагались участниками событий (например, то обстоятельство, что отказ команды есть тухлое мясо привел к мятежу). Но он покрыл сюжет героическим глянцем, благодаря чему Одесса превратилась в авангард революционных перемен, обеспечив необходимую предысторию большевистской революции и, в широком смысле, советскому государству.

Однако именно поэтому фильм почти ничего не имеет общего с реальной Одессой. Да, в нем фигурирует знаменитая лестница, но и только. В одном из эпизодов каменный лев готов восстать со своего пьедестала, подобно тому, как рабочие Российской империи восстают против угнетателей-капиталистов. Эйзенштейн смонтировал эту сцену из отдельных кадров с разными статуями: каждую статую из обычного лежащего положения он изображал поднимающейся на дыбы. Однако приезжие тщетно по сей день ищут мраморного льва в Одессе. Эти мраморные статуи находятся за сотни километров от нее, в Воронцовском дворце в Крыму.

Исаак Бабель некоторое время жил в украшенном лепниной жилым доме неподалеку от старой Бродской синагоги и Главной синагоги. Теперь мемориальную доску можно и не разглядеть сбоку от зеркальной витрины магазина “Бэнг и Олафсен”, который занимает нижний этаж. Эта доска появилась здесь совсем недавно; ее долгое отсутствие было отнюдь не случайным.

Большую часть советского периода судьба Бабеля оставалась неизвестной, хранимой поколениями советских чиновников в тайне. Полностью история жизни Бабеля стала доступной лишь после того, как провозглашенная Михаилом Горбачевым политика гласности начала проливать свет на темные страницы советской истории. Специальное расследование выявило обстоятельства, которые даже близким Бабелю людям не были доподлинно известны. В мае 1939 года его арестовали как врага народа и заключили в печально известную в Москве Лубянскую тюрьму, главную тюрьму Народного комиссариата внутренних дел, сокращенно НКВД, предшественника КГБ. Арест Бабеля был частью широких репрессий против представителей творческой интеллигенции, сопровождавших широкомасштабное самоистребление советского общества в 1930-е годы: таким образом Иосиф Сталин проводил кампанию по перекраиванию общества и уничтожению предполагаемых врагов. По советским официальным данным, Бабель скончался в 1941 году во время отбывания тюремного срока за (как ни дико это звучит) шпионаж в пользу Франции и Австрии. Позднее стало известно, что он был расстрелян в январе 1940 года в числе многих представителей интеллигенции, ставших жертвами сталинского террора.

Незадолго до ареста Бабель поселился в Москве и попал в самый центр культурной жизни, пусть даже его собственный вклад в литературу был скромнее в сравнении с творчеством многих современных ему литераторов. Он и его многолетняя спутница Антонина Пирожкова отпраздновали рождение маленькой дочери. (Расставшаяся с ним жена Евгения с дочерью

Евгенией уже более 10 лет вела безмятежную жизнь в Париже, эмигрировав из Одессы в середине 20-х годов.) Друг Бабеля и неутомимый шутник Сергей Эйзенштейн явился поздравить малышку с ночным горшком, полным фиалок²⁰³. Но через два года друзья и близкие Бабеля оцепенело стояли у дверей тюрьмы. “Я буду ждать тебя! — сказала Пирожкова, провожая Бабеля с пришедшими за ним людьми на Лубянку. — Как будто ты уехал в Одессу... только писем не будет”²⁰⁴. Местонахождение рукописей Бабеля, конфискованных при аресте, неизвестно до сих пор.

Судьба Бабеля показательна. Его родной город издавна был пунктом прибытия телег с зерном из степи, иммигрантов из провинции, кораблей из дальних портов. Даже поток беженцев, ищущих безопасного прибежища, защиты от империй и правительств, вносил своим присутствием некое разнообразие в жизнь Одессы. Поэт и мастер прозы Иван Бунин бежал в Одессу после того, как власть в Москве захватили большевики. Здесь он оказался в том же литературном кругу, что и начинающий писатель и мемуарист Валентин Катаев, который впоследствии стал одним из блестящих представителей ранней советской литературы. Выдающаяся звезда немого русского кино, юная красавица с миндалевидными глазами Вера Холодная бежала из Москвы после захвата там власти большевиками в Одессу, где ее и настигла смерть в конце зимы 1919 года. Массы скорбящих тесной толпой устремились к Преображенскому собору, своим скоплением удивительно напоминая публичные сборища сторонников белых или красных в миниатюре.

“В те дни всех сколько-нибудь видных личностей можно было встретить на улицах Одессы, — писал мемуарист и историк Саул Боровой о том, что происходило в городе. — Блистательные актеры царили на сцене; популярнейшие журналисты и писатели заполнили страницы одесских газет; известнейшие политики и ученые выступали перед толпами слушателей”²⁰⁵.

Но после революции Одесса все же в основном выглядела местом разлук. Великий основатель еврейской поэзии Хаим Бялик покинул город в 1921 году, преследуемый большевистскими властями за так называемый шовинизм в национальном вопросе. Через восемь лет и Лев Троцкий — выпускник училища Св. Павла, проделавший путь от пророка революции до злостного врага Сталина, в зимнюю стужу вступил на борт парохода “Ильич”, пробивавшего себе путь через скованную льдом гавань. Город, известный Троцкому с детства, стал последней виденной им частицей России.

Будучи крупным центром культуры, давними узами связанным с западным искусством и музыкой, Одесса стала естественной мишенью для властей как пристанище шпионов и ниспровергателей власти. Университет, основанный Ришелье как оплот науки на краю империи, лишился профессуры, считавшейся пристанищем враждебных по отношению к советскому государству взглядов. Писатели, нашедшие здесь, у Черного моря, были предметом злобных нападок и государственных кампаний против дилетантства и формализма в искусстве. В эпоху сталинизма сотни подобных Бабелю, хотя и менее известных представителей пульсирующей культурной жизни Одессы впали в немилость и кончили жизнь в лагерях, если не были убиты. Согласно официальной статистике, по меньшей мере 19360 одесситов (крестьяне, рабочие, интеллигенты, военные, а также государственные служащие) были арестованы с 1937 по 1941 год по обвинению в самых разных преступлениях, от промышленного саботажа до шпионажа в пользу иностранных государств. Треть от их числа была расстреляна²⁰⁶.

Вместе с тем уже было пущено в ход созидание новой “старой Одессы”, прославленной Бабелем и мифологизированной Эйзенштейном. Этот процесс достиг апогея после Второй мировой войны. Постепенно Одесса сделалась тем, чем никогда не была: городом, который советские люди воспринимали как явление особенное, пронизанное особой но-

стальгией, и при этом занимавшее почетное место в пантеоне самых любимых и героических советских городов. Одесская лестница стала называться Потемкинской не в честь вельможного сподвижника Екатерины II и одного из основателей города, и даже не в честь мятежного броненосца, а в честь снятого Эйзенштейном фильма.

Кинозрители последующих лет, видя ту самую лестницу в фильме “Броненосец “Потемкин”, не вглядывались в историю, а смотрели мимо нее, в царство созданного режиссером современного художественного мифа. Бесстрашные революционеры, добродушные *гонимы* и комические *шлемазлы* (дурачки) стали олицетворением города в сердце советской Красной Ривьеры, где в непосредственной близости от забав Средиземноморья обосновалось бесклассовое общество, чтобы ублажать досуг рабочих и партийных бонз. Ирония состоит в том, что во многом это произошло лишь после того, как самая заметная часть населения Одессы — евреи — подверглась жестокому истреблению.

Просторы Транснистрии

Все изменилось с того дня, когда секретные сталинские службы решили взорвать дом, где до войны располагалось их главное управление. Многоэтажное здание напротив входа в Александровский парк было хорошо известно каждому одесситу. Туда было лучше не попадать. Те, кого вызывали для беседы с сотрудниками НКВД, обратно порой не возвращались.

22 октября 1941 года в 17.35 мощный взрыв обрушил левое крыло здания, повредив прилегающие к нему помещения. Многие имели повод для радости — не только потому, что взлетела на воздух оккупационная комендатура, но и потому, что под ее обломками оказались погребенными армейские чины и сотрудники службы безопасности Румынии, союзника фашистской Германии, всего неделю назад обосновавшиеся здесь в качестве городской власти. В числе 88 погибших военных и гражданских служащих был и командующий оккупационными войсками генерал Ион Глогояну, а также несколько немецких военно-морских офицеров. Было установлено, что взрыв произошел с помощью дистанционно управляемой или часовой мины, предположительно подложенной агентами НКВД, поскольку румынское военное командование избра-

“Одесса была, есть и будет советской”. Отретушированная пропагандистская фотография 1941 года

ло для себя за несколько дней до взрыва именно это помещение²⁰⁷.

Здание предварительно было осмотрено на предмет взрывчатки, службы безопасности предполагали возможность саботажа²⁰⁸. Собственно, точно такой же взрыв произошел в помещении немецкой комендатуры в Киеве всего две недели назад. Взрыв в Киеве повлек за собой одно из наиболее печально известных в годы Второй мировой войны массовых убийств: расстрел в Бабьем Яре, где более 33 000 евреев были убиты эсэсовцами и местными полицией²⁰⁹.

Одесса последовала этому примеру. Тела военных были извлечены из-под руин, и начальство уже посылало телеграммы верховному командованию, сообщая подробности разрушений, а также осуществленного вслед за этим акта чудовищного возмездия. “Я предпринял меры для публичной казни евреев и коммунистов через повешение в центре Одессы”, —

докладывал генерал Константин Трестиореяну, сменивший Глогояну на посту командующего 10-й пехотной дивизией и в должности одесского коменданта²¹⁰. Так было положено начало истреблению еврейского населения Одессы.

Тот факт из истории Холокоста, что 220000 евреев погибли либо во время депортации, либо уже находясь в многочисленных гетто и концлагерях, возникших под надзором румынских властей в различных частях советской Украины, не очень известен²¹¹. Часть жертв были уроженцами Одессы и Одесской области; большинство составили жители других районов, оккупированных Румынией, присоединившейся к Германии в ее походе на Советский Союз в 1941 году. Зона румынской оккупации, охватившая территорию между Днестром и Южным Бугом и официально именовавшаяся Транснистрией, стала административно-территориальной единицей на манер тех, что были образованы в рамках нацистского нового порядка в Восточной Европе — начиная от генерал-губернаторства в Польше до рейхскомиссариата на Украине. Кошмары Транснистрии и ее столицы Одессы имели аналоги в виде более многочисленных и пунктуально документированных зверств, совершенных в печально известных лагерях смерти оккупированной Европы, а также жертв немецкой военщины, местных полицаяв и “Айнзатсгрупп”, известных жестокостью моторизированных карательных команд рейха.

Однако примечательно то, что этот кровавый эпизод в истории Холокоста имел место не на территории, оккупированной немцами. Главными исполнителями явились не одетые в кожу батальоны СС, эти зверства не были совершены в специально созданном для массового истребления заведении типа концлагеря “Аушвиц”^{*}.

* “Аушвиц” — немецкое название крупного концентрационного лагеря, устроенного фашистами близ польского города Освенцим. Название “Освенцим” принято в советско-российской исторической и справочной литературе, “Аушвиц” — в западных источниках.

Ответственность за Холокост в Одессе и Транснистрии лежит целиком на Румынии, единственной стране, которая во время Второй мировой войны наряду с фашистской Германией получила в собственное управление крупный советский город. К концу войны румыны в целом очистили Одессу от еврейского населения. Один из крупнейших европейских центров еврейской культуры стал, выражаясь языком нацистов, практически *judenrein* (очищен от евреев).

Судьбы города и его населения, неясные в начале войны, стали трагически предсказуемыми в ходе ее развития. Множество мучительных решений: надо ли эвакуироваться и если да, то когда; как и каким образом налаживать отношения с оккупантами; отмечаться или нет во образованном гетто — нащупывало границу между уделом жертвы и выживанием. Уничтожение обширной еврейской общины Одессы, составлявшей в начале Второй мировой войны треть населения, зависело в равной степени и от кучки румынских правителей, чьи темные биографии вплелись в историю города, которым румыны на короткое время завладели.

Когда Румыния вступила во Вторую мировую войну, не было сомнений, на чьей стороне она окажется. Правитель страны, военравный король Кароль II к тому времени установил диктатуру, запретил политические партии и организовал молодежное движение лоялистов на манер легионов Муссолини.

Румынская общественность по-своему отреагировала на поднявших головы крайних правых по всей Европе. В стране возникло собственное движение фашистского толка, “Железная гвардия”, сочетавшее православный радикализм с воинственным антисемитизмом и апокалиптическим культом смерти. Эти события подготовили почву для возникновения такой фигуры, как Ион Антонеску, который, объявив себя *кондуктором* (румынский аналог фюрера), стал правителем Румынии, а затем и оккупированных ею во время войны территорий.

Представительного патриота-консерватора с армейской выправкой бывалого ветерана, Антонеску мало заботили идеи монарха Кароля и комариные укусы националистов “Железной гвардии”. Собственно, он никогда бы не заполучил власть, если бы не особые стратегически насущные обстоятельства, в которых оказалось румынское государство к 1940-м годам. Главным стал вопрос о земельной собственности.

Во время Первой мировой войны Румыния присоединилась к странам Антанты, рассчитывая, будучи в числе победителей, приобрести новые территории по соглашениям мирных конференций. Среди земель, впервые отошедших к Румынии, была Бессарабская область, ранее принадлежавшая России. (Столицей Бессарабии был Кишинев, известный чудовищным погромом 1903 года.) Правопреемник Российской империи, Советский Союз, никогда полностью не мог смириться с утратой этих территорий, и советская пропаганда исподволь работала над тем, чтобы настраивать местное население против новых румынских правителей. Спровоцированные большевиками восстания в Бессарабии заканчивались неудачей или подавлялись румынскими войсками, жандармерией, а иногда с помощью тайной полиции.

Советские власти постепенно выработали план отторжения Бессарабии от Румынии. В соответствии с секретным протоколом, прилагаемым к Договору о ненападении между СССР и Германией (пакту Молотова–Риббентропа 1939 года), Советский Союз включил Бессарабию в сферу интересов Москвы. Теперь границы Восточной Европы фактически стали водоразделом между владениями фашистов и коммунистов.

В июне 1940 года Сталин объявил о немедленной аннексии румынских территорий. Обескураженный этим ультиматумом правитель Кароль, более поглощенный романтическими приключениями, чем серьезными государственными проблемами, не нашел иного способа, как подчиниться. Румынская армия бесславно отступила за новые границы, потеряв при

этом иные территории; северную часть Трансильвании и отрезок на Черноморском побережье захватили другие соседи Румынии — Венгрия и Болгария. Политический неудачник Кароль с позором отрекся от престола в пользу сына Михая.

И тогда на сцену выступил Антонеску. Новому румынскому королю не было и 20 лет, когда Антонеску выдвинулся как более зрелый и умелый защитник интересов государства. Опытный солдат и бывший военный министр, Антонеску в 1930-е годы заигрывал с “Железной гвардией”, отчасти разделяя ее взгляды, в том числе ярый антисемитизм. Но даже либеральные политики видели в нем единственную личность, которая сможет вывести страну из кризиса, вызванного восстановлением советско-германских отношений.

Вскоре прежнюю диктатуру Кароля Антонеску заменил на военную, став главой национального легионерского правительства, которое унаследовало цели и символику “Железной гвардии” (при том, что само это движение затем было запрещено).

В ноябре 1940 года Антонеску и Гитлер впервые встретились в Берлине. Глава маленькой, но воинственно настроенной Румынии теперь искал покровительства страны, которая год назад способствовала перекраиванию румынской территории, и втягивал свою страну в орбиту германской идеологии.

В Первой мировой войне Румыния была союзницей Великобритании, Франции и России, но теперь приоритеты национальных интересов были иными. Когда 22 июня 1941 года Германия, нарушив условия пакта о ненападении, вторглась в Советский Союз, румынские армии примкнули к нацистским в походе на восток в надежде вернуть отобранные Сталиным провинции. Вступление в войну Румынии получило широкую поддержку населения страны, считавшего кражу Советами Бессарабии и иных территорий преступлением, требовавшим возмездия.

Немецкие войска совместно с румынскими, венгерскими и итальянскими союзниками мощным рывком блокировали

крупные города западной части Советского Союза, отрезав их от центра. Застигнутая врасплох, Красная армия не выдержала натиска противника. На северном направлении в течение недели были оккупированы фашистами Литва, Латвия и Белоруссия. Еще через неделю советские войска были вытеснены с территории Западной Украины.

Ситуация могла оказаться патовой, если бы немцы не предприняли молниеносного броска в северо-восточном направлении, попутно захватив Киев и осадив советский военно-морской порт Севастополь. Чтобы избежать массовых потерь в центре страны, Красная армия приняла решение оставить Одессу и отступить на восток.

В середине октября румынские войска, по предварительному соглашению с немцами, первыми (на грузовиках и на лошадях) вступили в город, где порт был разгромлен, а от населения по сравнению с началом войны осталась незначительная часть.

Трудно сказать точно, какому количеству евреев с западных окраин Советского Союза удалось бежать до наступления войск Тройственной коалиции. В тот период на территории бывшей черты оседлости проживало более 5 000 000 евреев, и из этих мест от 700 000 до более 1 000 000 евреев, по-видимому, устремилось на восток вслед за отступавшей армией²¹². В соответствии со Всесоюзной переписью 1926 года, последним надежным источником вплоть до начала войны, в Одессе проживали 433 000 человек, из которых 158 000 составляли евреи. Но есть вероятность, что накануне оккупации в Одессе находились 233 000 евреев, учитывая беженцев, спасавшихся от немецких и румынских войск²¹³.

Число эвакуированных советских граждан из Одессы в течение лета и в начале осени 1941 года составило примерно треть населения Одессы. Подавляющим большинством в этой группе были евреи, представители профессий, в первую очередь подлежащих эвакуации: государственные служащие, управленцы, врачи и т.п. По одним данным, когда осада

увенчалась успехом и Красная армия была выбита из города, от 80000 до 90000 евреев, то есть примерно четверть от общего населения, оставалось в Одессе²¹⁴. В конце осени 1941 года названную комендантом Одессы цифру в 50000 человек из оставшегося населения численностью около 300000, вероятно, можно считать вполне правдоподобной для начальной стадии Холокоста в Одессе²¹⁵.

Многие евреи, как и их нееврейские соседи, мучительно гадали, как лучше вести себя во время оккупации. Задним числом стало ясно: решение оставаться в своей квартире и благополучно пережить конфликт было чудовищной ошибкой. Но дом обладал притягательной силой, даже когда страх становился все сильнее. В таком всемирно известном и стратегически важном порту, как Одесса, оказавшемся как раз на пути у оккупантов, до евреев пока почти не доходили слухи о зверствах, уже чинимых в других местах, особенно в Польше и Белоруссии. Ведь Советский Союз подписал два года назад мирный договор с Германией, и сталинская пропагандистская машина старалась изобразить Германию в лучшем свете.

После июня 1941 года в город из области стали прибывать беженцы; рассказы о сожженных деревнях и о расстрелах на месте казались выдумкой, им не слишком верили. Для многих семейств привычное оказалось гораздо предпочтительнее неизвестности. Многие сохранили личные воспоминания об антисемитских выступлениях в 1905 году, некоторые помнили даже погромы 1871 или 1881 годов. Выбирая между готовностью бросить дом со скарбом, чтобы все это, в который раз, разграбили соседи, и желанием остаться жить при новых оккупантах, люди не считали последнее таким уж нелепым решением. «При немцах нам будет очень и очень плохо. Мы будем страдать. Это будет унижительно, — говорил один из приятелей Саула Борового. — Но становиться беженцем — значит, идти на верную смерть»²¹⁶.

Даже когда начиналась эвакуация из Одессы, людям приходилось выторговывать себе места у советской бюрократии.

У сельских жителей была возможность погрузить пожитки на телегу и отправиться на волах на восток, а у горожан было три возможности: уходить пешком; пытаться найти грузовик или сесть на поезд, если тот не был забит военными и на него не требовался специальный билет; пробиваться на борт эвакуационного судна, куда также требовался спецпропуск, который выдавался в первую очередь партийным деятелям или государственным управленцам.

Те, кому удавалось выбраться из города, сталкивались с необходимостью искать кров, менять профессию, а потом разыскивать членов семьи, потерявшихся в общем бегстве от наступающего врага. Некоторые в конце концов оседали где-то далеко, в Узбекистане или других районах Средней Азии. Оказавшиеся бездомными, потерявшие родителей дети помещались в специально созданные детские дома. Взрослые селились кучно вместе с такими же беженцами из других оккупированных советских городов, вынужденные жить в стесненных условиях в течение нескольких лет.

Люди в эвакуации старались оптимальным образом скрасить свое положение. Ученые выступали с научными докладами перед образованными слушателями, собравшимися со всего Советского Союза. Кинорежиссеры снимали документальные ленты и мелодрамы; в титрах многих фильмов той поры местом производства значится Ташкентская киностудия, весьма отдаленное подобие Голливуда, сооруженное в среднеазиатской пустыне²¹⁷.

Так было положено начало создания новой диаспоры, несущей в себе черты морали, культуры и вкусов жителей Одессы периода советской власти и предшествующих ей лет.

А в конце лета и начале осени 1941 года одесситы стояли перед кардинальным решением: оставаться или уезжать, при этом не представляя, что их ждет как в самом городе, так и в эвакуации.

Уцелевший после Холокоста Борис Калика вспоминал, как мать притащила его в порт, чтобы пробиться на пароход.

Народ толпами валил к причалу. На набережной высились штабеля багажа. В общей свалке щупленький, перепуганный 12-тилетний мальчик потерял мать с сестрой. Устав от долгих поисков родных, он побрел домой и остался жить в том же доме на попечении соседей, русской семьи, до самой осени, пока оккупационные власти не начали устраивать облавы на евреев. На какое-то время мальчик попал в гетто; евреев вывезли из города в построенный румынами концлагерь в Доманевке. Худенький белокурый мальчик сумел ускользнуть от охранников и в оставшиеся военные годы бродил по селам, выдавая себя за русского сироту. Только после окончания войны он воссоединился в Одессе с матерью, которая военные годы провела в эвакуации в Средней Азии. Его сестра погибла при неизвестных обстоятельствах в хаосе эвакуации²¹⁸.

Уничтожение евреев не было основной задачей румынской армии и жандармерии в походе на восток, но стало побочной целью, осуществляемой с не меньшим рвением, хотя и не так же организовано, как это делалось солдатами вермахта и командами эсэсовцев. Правительство Антонеску в Румынии приняло ряд антисемитских законов и уже совершило целую серию кровавых преступлений, таких как чудовищный погром и насильственная депортация евреев из города Яссы на северо-востоке оккупированной территории, жертвами чего стали тысячи людей.

В самой Румынии не производилось широкомасштабное перемещение евреев в лагеря смерти, находившиеся под контролем рейха. Антонеску так или иначе противостоял требованиям Германии депортировать имевшуюся в Румынии крупную еврейскую общину. И в ходе устроенного над ним после войны трибунала продолжал утверждать, что своими действиями он стремился спасти румынских евреев от уничтожения. Однако действия Румынии в аннексированной Бессарабии, а также на самом востоке оккупированной Транснистрии свидетельствовали об ином.

Систематические атаки на евреев начали происходить в Одессе в первые часы оккупации. В середине октября в Одессу вошла немецкая “Айнзатцгруппа D”, прежде всего ее спецподразделение, зондеркоманда 11b²¹⁹. Были уничтожены видные деятели общины, евреям приказали зарегистрироваться у местных властей. Иными словами, сделать доступными списки имен и адресов для будущих операций²²⁰. Но взрыв военной комендатуры вызвал серию новых и уже менее тщательно спланированных актов насилия. Массовые повешения и широкомасштабные расстрелы, предпринимаемые оккупационными властями, причем по приказу Антонеску, происходили по всему городу и в его окрестностях.

Начиная с 22 октября телеграфные сообщения Антонеску воспроизводят выполнение акции в деталях. 200 коммунистов было решено расстрелять за каждого погибшего румынского или немецкого офицера и 100 за каждого солдата. Заложниками должны были стать все коммунисты Одессы, а также “один из членов каждой еврейской семьи”, остальные же предполагались к уничтожению в случае второй крупной диверсии террористов²²¹.

В последующем уточнении приказа Антонеску приводит перечень мероприятий:

“Уничтожение всех бессарабских евреев, нашедших приют в Одессе.

Все лица, подпадающие под пункт указа от 23 октября 1941 года (распоряжения об истреблении коммунистов) и до сих пор не подвергнутые уничтожению, а также те, кого можно включить в их число, должны быть помещены внутрь здания, которое будет заминировано и взорвано. Данная акция будет произведена в день похорон жертв (взрыва военной комендатуры).

Данный приказ по прочтении уничтожить”.

Сохранился рукописный экземпляр этого приказа. Последующая телеграмма главному командованию подтверждает его выполнение²²².

Трактовка самого значения определения “коммунисты”, а также особая ненависть к бессарабским евреям отражают одно из основных направлений политики Румынии в Одессе и на прочих оккупированных территориях: границы между понятиями “коммунист”, “еврей”, “партизан”, “беженец” и простым неповиновением были размыты и зачастую вообще отсутствовали. Приказы, отдаваемые оккупационными властями, временами поражают расплывчатостью формулировок. 23 октября Трестиореану отдал распоряжение каждому находившемуся под его началом подразделению повесить “по крайней мере 100 евреев” — по-видимому, давая понять, что вешать можно и больше²²³. Подобные акции румыны называли *репрессалиями*, жертвами их были в первую очередь евреи. Понятно, что избранные для экзекуции именовались советскими агентами, партизанами и их приспешниками, но что и как под этими категориями разумелось, постичь было практически невозможно.

Быть евреем означало теперь быть врагом государства, а еврея, разумеется, легче всего выявить по личным документам, показаниям людей, по рутинному опросу соседей и коллег. Простота бюрократической идентификации вкупе с крайне антисемитским причислением евреев к социально вредным элементам и скрытым врагам были основными двигателями румынской политики.

В понимании Антонеску и его подчиненных оккупационные войска представляли собой в чистом виде орудие возмездия, направленное против подрывной деятельности партизан, чтобы одесситам было в дальнейшем неповадно совершать подобные диверсии. Если еврею на территории Румынии пережить войну было достаточно несложно, то евреи на оккупированных территориях причислялись к иной категории лиц: к скрытым русскоговорящим коммунистам, готовым к подрывной деятельности.

Масштаб проводимых операций был огромен. Немедленно после взрыва комендатуры, помимо повешений и расстре-

лов без суда и следствия, румынскими службами безопасности при участии подразделений СС тысячи евреев были арестованы и казнены в порту, в военных казармах на окраине города и в сараях ближайшего села Дальник. Столбы трамвайной линии были использованы в качестве виселиц, ряды повешенных протянулись до городских окраин²²⁴. Одновременно зондеркоманда СС 11b получила задание разыскивать евреев, которые могли все еще укрываться в городе, и доставлять их румынским расстрельным командам на окраину города²²⁵. В течение нескольких недель после взрыва в городе была слышна непрекращавшаяся ружейная и пулеметная стрельба, взрывались здания с евреями внутри, воплощая в жизнь дьявольский замысел Антонеску. «Невозможно описать хаос и жуткие зрелища, — свидетельствовал очевидец тех событий. — Раненые сгорали заживо, женщины с пылающими волосами в безумном стремлении к спасению рвались наружу через крышу или сквозь прогалы горящих складов»²²⁶. По оценкам, основанным на опросах очевидцев, материалах послевоенных судебных процессов и на рассказах немногочисленных уцелевших, можно заключить, что по меньшей мере 25 000 человек было умерщвлено в Одессе и Дальнике за этот период, что составляет примерно треть всех евреев, проживавших в Одессе к началу румынской оккупации²²⁷.

Кровавые преступления совершались в соответствии с письменными приказами, поступавшими от верховного румынского командования. Подобные преступления явились частью «Холокоста посредством отстрела», как назвал этот период один из историков, — массовых экзекуций гражданского населения по всей Украине и в других западных частях Советского Союза: во рвах, в старых домах, в противотанковых ямах. Хотя эта разновидность Холокоста обычно заслонена обезличенным, механизированным убийством в лагерях смерти, подобных «Аушвицу»²²⁸.

Румыны не изобретали орудий уничтожения, но они соорудили сеть концлагерей и гетто в Транснистрии, куда затем

отправлялись еще не уничтоженные одесские евреи и евреи из многих других мест, а также цыгане из Бессарабии и самой Транснистрии.

Как и многие мероприятия румынских властей, отправка одесских евреев в гетто проводилась непоследовательно и неорганизованно, и это обстоятельство порождало наряду с чудовищными жестокостями небольшую возможность побега или уклонения. Когда массовая бойня поутихла, часть евреев принудительно переселили в район Слободка рядом с центром города. Некоторым позволили вернуться в свои дома, но вскоре мужчинам и юношам было предписано зарегистрироваться в местной тюрьме, и в городе начались облавы на тех, кто не регистрировался.

В середине ноября 1941 года оккупационные власти Транснистрии приказали всем евреям отметиться в наспех организованном гетто. Эта установка не носила жесткого характера.

Вскоре женщинам, детям и старикам было разрешено вернуться в свои дома, многие из которых были уже обчищены или заняты ближайшими соседями²²⁹. Мужчинам также предоставлялась возможность навещать в различные части города (гетто представляло собой городской квартал, состоявший из домиков и многоквартирных домов и не отгороженный стеной от остального города), прочие жители Одессы могли навещать евреев в гетто или в местах их содержания под стражей. Одна осведомительница докладывала румынским властям, что доставлять соседям-евреям продукты в тюрьму было совсем просто, тогда как при Сталине, утверждала она, это было бы невозможно²³⁰.

Полная изоляция Слободкинского гетто Одессы произошла, пожалуй, позже, чем других гетто Транснистрии. До конца лета 1941 года румыны в провинции обычно либо расстреливали евреев на месте, либо депортировали через реку Буг на восток, на территорию занятой немцами Украины. Но возникший в результате отправки хаос, когда нестройные ко-

лонны евреев гнали через реку, а потом немецкие солдаты, не готовые принять такой наплыв людей, гнали их обратно, необходимо было пресечь. Это и сделало подписанное 30 августа соглашение, официально закрепившее за Румынией владение Транснистрией. Соглашение устанавливало ответственность Румынии за мероприятия, связанные с евреями, на ныне принадлежащей ей территории. Евреев следовало “изолировать в трудовых лагерях, обязав их работать” до тех пор, пока не завершатся военные действия, после чего евреи должны быть “эвакуированы” на контролируемый Германией восток²³¹.

Оборудование гетто в Одессе, вероятно, требовало времени: по причине взрыва и последовавших массовых убийств местные власти лишь через несколько месяцев после вторжения определились с конкретными планами. В середине декабря Антонеску отдал приказ немедленно заключить одесских евреев в гетто — это был первый случай в истории города, когда евреи были целиком ограничены в выборе места проживания.

Установка на гетто явилась первым шагом к относительно быстрой ликвидации оставшихся в городе евреев. Многие были депортированы в октябре и ноябре, проделав долгий путь к селам и лагерям в глубь континента, где тысячи их были либо застрелены местными полициями, либо со временем умерли от голода или от тифа.

Действуя в соответствии с инструкциями Антонеску, гражданский губернатор Транснистрии 2 января 1942 года издал приказ № 35, решивший судьбу одесских евреев. Их следовало изъять из гетто и переправить на северо-восток от Одессы, в Березовский и Очаковский районы. Их имущество надлежало передать государству и распродать; самих евреев надо было в обязательном порядке подвергнуть принудительным работам²³².

Переселение началось 10 января. Массовый исход производился пешим ходом и на запряженных лошадьми телегах при температуре ниже нуля, с глумящимся конвоем по обе-

им сторонам колонны. Тех, кто отставал или пытался бежать, пристреливали на месте. Трупы по обеим сторонам дороги отмечали путь²³³. Приказы исполнялись подразделениями румынской армии и жандармами, регулярно докладывавшими о результатах. На очистку гетто ушли месяцы. Не только потому, что потребовалось переместить десятки тысяч, живущих в Слободке, но и потому, что потребовались многочисленные прочесывания, дабы убедиться, что ни один еврей не остался в городе. Хотя уже недели прошли с начала перебазирования, евреев обнаруживали в домах, преимущественно на чердаках и в подвалах домов²³⁴.

Порой румынским солдатам, судя по официальным рапортам, нелегко было справляться с собственным страхом, отвращением или жалостью. Чтобы привести их в чувство, военное командование потребовало от каждого солдата подписаться под личным заявлением, подтверждавшим, что он прочел и принял к сведению приказ, запрещающий дружеское общение с евреями²³⁵.

Однако из выживания в условиях всевозможных зверств и при недостатке продуктов рождались вызванные необходимостью союзы. Судьбы сержанта Николае Танасе и Веры Сепель, например, слились еще до ликвидации гетто. Будучи младшим офицером, приписанным к штабу 38-го румынского пехотного полка, Танасе имел свободный доступ к продовольствию, одежде и топливу. Сепель была еврейкой. Но в течение нескольких месяцев с конца 1941 по начало 1942 года их жизни до некоторой степени соединились. Сержант часто навещал Веру. Возможно даже, что он в городе снял для встреч маленькую квартиру.

Когда власти распорядились о депортации всех евреев из Одессы, Танасе с Верой замыслили план спасения. Сержант воспользовался военными связями и оформил для Веры пропуск, позволявший выехать поездом на запад, в Румынию. Отправка ее на запад, в центр страны, в столицу, где тогда хозяйничали профашистские союзники Германии, теперь

представляется странным решением, но в то время оно имело смысл. В Румынии евреи традиционно преследовались, временами там случались погромы. Но евреев в Румынии в таком количестве не истребляли и не устраивали массовой депортации. В Румынии Вера могла даже раствориться среди местного населения, по виду ее могли и не принять за еврейку.

Влюбленным представился беспорный шанс. Евреям запрещено было ездить в румынских поездах без специального разрешения, потому, скорее всего, документы Сепель были фальшивыми, скрывавшими ее еврейскую фамилию. Вечером 10 января, когда соратники Танасе по службе выводили евреев из недавно созданного гетто, сам он на центральном городском вокзале провожал Сепель. Сержант прихватил карту Одессы, возможно, для подстраховки на случай побега, если их план сорвется.

Они ждали на платформе, когда подадут ночной поезд до Бузэу, провинциального городка у подножия Карпат по ту сторону от бывшей советско-румынской границы.

На поезд им сесть не удалось. В восемь вечера пара вызвала подозрение у билетного контролера, возможно, старого осведомителя, преданно исполнявшего свой долг при советской власти, а теперь служившего румынам. Выездные документы с печатью командующего 38-м пехотным полком были признаны фальшивыми. Румынский сержант и еврейская бежанка были взяты под стражу. Через месяц, 3 февраля 1942 года, сержант Николае Танасе был осужден военно-полевым судом на три года заключения за “устройство фальшивых документов для еврейки” и дополнительно на пять лет за “попытку изъять из гетто интернированную туда еврейку”. Вера Сепель была приговорена к пяти годам “заключения в тюрьму за попытку скрыться из гетто и избежать депортации из Одессы”²³⁶.

С тех пор об их судьбе ничего не известно. Если после ареста Сепель задержали и судили, то, вероятно, уже в марте, когда одесскую тюрьму очистили от евреев, находившихся там,

ее отправили вслед за остальными. И тогда она, наверное, погибла от тифа или замерзла где-то вдали от дома, или же была пристрелена украинскими полицаями или немцами. Если девушке удалось убедить тюремщиков, что она действительно из Румынии, а не из оккупированной Одессы, то, возможно, ей удалось уцелеть в годы войны. Возможно, она затем бежала в Румынию под чужим именем, с новыми документами, как и планировал сержант.

Депортация, которой Танасе с Сепель стремились избежать (она же “эвакуация” в терминологии, заимствованной румынами у немцев), официально была завершена к 10 апреля 1942 года. В итоговом докладе префекта Одессы утверждалось, что 32 643 еврея было “зарегистрировано и эвакуировано”. Еще 847 евреев, как обнаружилось, умерли в гетто или были застрелены в процессе перемещения. Помимо этого 548 человек (включая беременных женщин) оставались в лечебнице гетто, но были внесены в список для препровождения в Березовку, как только будут способны передвигаться. Был проведен еще один опрос для выявления кого-либо из оставшихся в городе евреев, а также для определения способа ликвидации имущества, конфискованного у депортированных²³⁷.

В провинции дела обстояли трагичнее. Широко распространившиеся болезни, например тиф, систематическое истребление людей румынскими жандармами и полицаями, набранными из местных этнических немцев, а также чудовищные санитарные условия в многочисленных концлагерях и гетто Транснистрии в украинских селах Березовка, Богдановка и Доманевка, унесли десятки тысяч жизней. Тех, кто выжил, власти Транснистрии, действуя от имени Антонеску, заставили работать, подобно рабам, объявив в декабре 1943 года, что все евреи в возрасте от 12 до 60 лет обязаны выполнять определенные виды работ — от сбора яиц до забивания скота.

Одессе выпало стать городом, почти лишившимся еврейского населения. В городе не разрешалось брать кого-либо на

работу без особого разрешения старшего служащего городского управления²³⁸.

К весне 1942 года, когда начинала цвести акация и в городском саду распускались цветы, румынские власти выполнили свою задачу при повсеместном, патологически неутомимом участии германских войск, полиции и подразделений СС. За исключением тех, кому каким-то образом удалось скрыть свое происхождение, всего десятка два евреев-кустарей трудились под присмотром властей в маленьких мастерских в центре города, причем большинство из них даже не были коренными одесситами²³⁹.

Человек, надзиравший за процессом депортации, получил орден от папского нунция за усердие в управлении новой, отошедшей к Румынии территорией²⁴⁰. Это был мало кому известный румынский профессор, ныне носивший солидный титул губернатора (по-румынски, *гувернатора*) Транснистрии.

Георге Алексяну в какой-то степени можно назвать миссионером. Он принадлежал к полному надежд поколению 1918 года, которое стало в конце Первой мировой войны свидетелем создания Великой Румынии. Румыния была в числе победителей в тогдашнем конфликте, а победителю достаются трофеи, те самые территории, которые румыны поколения Алексяну считали законно принадлежавшими их народу, их государству. Он с нетерпением ждал прихода светлого дня, когда новые земли (Бессарабия, Добруджа, Трансильвания и Банат), триумфально отвоеванные у соседей — России, Болгарии и Австро-Венгрии, — вольются в Румынское королевство и превратятся в рай.

Алексяну родился в 1897 году в уезде Вранча*, в древнем уголке старого Румынского королевства. Когда королевство расширилось, вобрав в себя земли, отошедшие по послевоенному мирному договору, Алексяну, как и многие представители его поколения, отправился в район у новых восточных

* Вранча — современное название уезда, в те годы уезд назывался Путна.

границ. Эти дальние провинции Великой Румынии были румынскими только по названию. Заметную часть каждой, пожалуй, даже большинство, составляли этнические румыны, но существовало и меньшинство, состоявшее из украинцев, русских, болгар и евреев (особенно в тех районах, которые прежде были частью российской черты оседлости). Многие из поколения Алексяну считали своей первейшей обязанностью нести румынскую культуру в отсталые восточные земли. Туда устремились школьные учителя, преподаватели университетов, служащие местной администрации, агрономы, журналисты.

Алексяну поднялся до уровня профессора административного права в университете города Черновцы в провинции Буковина, ранее бурно развивавшегося в пределах Австро-Венгрии, ныне находящегося на территории Западной Украины. Город не оправдал ожиданий Алексяну. Он не только не был истинно румынским; население города в основном говорило по-немецки или на идиш. Собственно, Черновцы представляли собой один из крупнейших центров еврейской культуры в Европе, город был родиной будущего немецкоязычного поэта Пауля Целана и раем для провинциальной творческой интеллигенции.

Задачей Алексяну, как и многих других профессоров, школьных учителей и местных управленцев, было румынизировать город и окрестности, превратить существовавшую смесь народов и культур в единство граждан, лояльных Румынии. Школьная программа была переписана и начала излагать румынскую версию истории. Языковое многообразие не поощрялось. Евреи были исключены из высших учебных заведений, на их участие в общественной жизни были наложены ограничения. Рвение и способности Алексяну были замечены центральными властями, и в 1938 году он был назначен *resident regal* – личным представителем (резидентом) румынского монарха и полномочным губернатором Буковины и нескольких прилегающих уездов.

BEFEHL

7 НОЯБРЯ 1941

Приказываю:

Ст. 1. Все мужчины еврейского происхождения в возрасте от 18 до 50 лет обязаны в течение 48 часов с момента опубликования настоящего приказа явиться в городскую тюрьму (Большефонтанская дорога), имея при себе самое необходимое для существования. Их семьи обязаны доставлять им пищу в тюрьму.

Неподчинившиеся этому приказу и обнаруженные после истечения указанного 48 - часового срока будут расстреляны на месте.

Ст. 2. Все жители г. Одессы и его предместий обязаны сообщить в соответствующие полицейские части о каждом еврее вышеуказанной категории, который не выполнил этого приказа.

Укрывающие, а также лица, которые знают о том и не сообщают, караются смертной казнью.

Начальник городской полиции г. Одессы
полковник М. Никулеску

Приказ начальника полиции Одессы М. Никулеску от 7 ноября 1941 года

Когда Сталин в 1940 году аннексировал Бессарабию, часть Буковины отошла вместе с ней. Вторжение советских войск повергло в крайнее возмущение местных социалистов, в том числе Алексяну, который с ненавистью и жадой отмщения бежал в Румынию. Ставший ему родным город Черновцы теперь был оккупирован Красной армией. Румыноязычные крестьяне, которых Алексяну прославлял как носителей древних национальных традиций, преследовались новыми хозяевами как пособники империализма. Городские евреи с радостью приветствовали приход советских войск как избавление или по крайней мере передышку после жесточайшей политики национализма, которая на протяжении двух десятилетий, притесняя евреев, способствовала благу румын и развитию румынской культуры. Повсюду было много разговоров о том, как местное население насмешками и плевыми провожало бежавшие при наступлении Красной армии румынские войска.

Когда летом 1941 года румынская армия присоединилась к Гитлеру в его походе на восток, Алексяну явился подходящей, даже очевидной кандидатурой на место управляющего новыми освобожденными землями. До тех пор он не поднимался выше провинциальной административной должности, но националистический пыл и непосредственный опыт преподавания в университете одной из приграничных провинций королевства выработали в нем особое представление о методах, необходимых для восстановления того, что было уничтожено советской властью. Его крупные успехи на посту губернатора Черновиц, пожалуй, превзошли старания центрального правительства в области антисемитского законодательства. И года не пробыв на посту губернатора, Алексяну запретил местным жителям публично разговаривать на идиш.

В августе 1941 года, еще до того, как румынские и германские войска обосновались в Транснистрии, Алексяну был назначен губернатором этого региона, главой ряда местных префектур, полицейских участков и к тому же прямым начальником городского головы новой столицы Транснистрии

— Одессы. Полноватый, лысеющий, имевший пристрастие к элегантной одежде и обладатель усиков гитлеровского образца, Александру был одержим приверженностью к табели о рангах и протоколу. Даже в его излюбленной манере обращения проглядывала социальная неполноценность карьериста-провинциала. До самого конца румынской оккупации под всеми его письмами и указами стояла подпись: “профессор Георге Александру”. Он оборудовал себе кабинет с окнами на Одесский порт во дворце Воронцова. Под несколькими слоями краски исчезла громадная настенная фреска с изображением Сталина среди радостно приплясывающей стайки детей — наследие тех лет, когда дворец был главным домом детской коммунистической организации юных пионеров²⁴¹.

Осенью 1941 года, когда *репрессалии* подходили к завершению, Александру позволил себе отвлечься на осмысливание исторического значения восточных задач Румынии. В пространном и витиеватом по стилю письме Антонеску он предлагал в ознаменование продвижения Румынии на восток восстановить взорванный Советами в 1930-е годы Преображенский собор: “Как всегда поступали наши правители прошлого после победоносных сражений, так могли бы и мы увековечить достопамятный момент в жизни нашего народа, когда неудержимая мощь румынских воинов предоставила возможность флагу нашей страны взвиться над стенами Одессы”. Александру видел себя участником грандиозного исторического зрелища, восходившего к средневековым подвигам рыцарей-меченосцев, доблестно сражавшихся против славян, монголов и турок. Это зрелище выступало на передний план именно сейчас, чтобы народ мог оценить то, чего достигла нация в Одессе, “как ярчайший символ возвышенных помыслов Румынии от прежних лет до наших дней”. И, выполняя свою миссию, страна должна помнить о ее историческом значении, которое, по убеждению Александру, непременно продемонстрирует бескорыстный и гуманный отклик Румынии на призыв к величию²⁴².

Но пора было возвращаться к делам. Александру, как и его бухарестское начальство, а также армейские и жандармские подчиненные, был поглощен процессом выявления евреев. Высшее руководство рассматривало восточную провинцию как территорию, населенную не различными индивидуумами, а прежде всего группами, различаемыми по расовому признаку. Определение численности и состава каждой из этих рас или этнических групп, подобно регистрации автомашин или выдачи лицензий лавкам, торгующим спиртным, составляло основную задачу властей. Этот процесс, несомненно, происходил с одобрения немецких коллег из служб связи вермахта и подразделений СС в Транснистрии. Но у Александру со времени его деятельности на Буковине накопился соответствующий опыт. Кроме того, власти были также убеждены, что обнаружение евреев (или вначале выявление методом исключения всех неевреев) — вклад в безопасность страны. Если евреи являются скрытыми коммунистами и если коммунистические агенты несут ответственность за взрыв военной комендатуры, то выяснение, каким именно одесситам можно доверять, становится главной задачей властей.

Александру и его аппарат разработали систему тщательных проверок личности, в особенности среди мужского населения. Основу составлял порядок регистрации, при котором, если точные данные нельзя было получить иным способом, сами одесситы могли бы сообщить сведения для идентификации личности. Форма, предложенная аппаратом Александру, упрощала задачу:

“Я, нижеподписавшийся _____, проживающий в _____, паспорт № _____, заявляю, что знаю г-на _____ с _____ года и подтверждаю, что он не еврей, а _____ по национальности, что он не является членом Коммунистической партии и что он проживал в Одессе ранее (до оккупации)”²⁴³.

Временами Александру выполнял личные приказы Антонеску, но поскольку Александру был человеком, имевшим пристра-

ствие к мелочам, его особо заботило то, в какую форму облечь эти приказы. На полях периодических отчетов о депортации евреев из города можно обнаружить его пометки, зачастую со строгими замечаниями подчиненным: как для поощрения, так и в виде разноса.

В самом разгаре депортации евреев Алексяну напоминал жандармам, чтобы те не позволяли христианским семьям брать на воспитание ни единого еврейского ребенка, оставленного депортируемыми родителями; для таких детей при концлагере в Березовке будут созданы сиротские приюты. Когда председатель эвакуационной комиссии доложил, что евреи все еще скрываются вне гетто где-то в городе, приказ Алексяну, написанный карандашом убористым почерком, был предельно четок: «Следует произвести рейды и применить соответствующие санкции»²⁴⁴.

Тем не менее его представление о национальной принадлежности, похоже, было столь же расплывчатым, сколь и по-донкихотски нелепый образ провинции, которую он пытался создать. Иногда еврейское происхождение он выводил из наследственности, а иногда из вероисповедания. Следуя политике Антонеску, Алексяну заявлял, что евреи, которые смогут доказать, что они перешли в христианство, не должны становиться субъектами депортации. Он как-то вмешался, чтобы спасти по просьбе священника крещеную женщину, вероятно, еврейского происхождения²⁴⁵. Но это был единственный случай среди множества чудовищных деяний местных властей под активнейшим руководством Алексяну. Жизнь и смерть каждого одессита, как и всякого жителя Транснистрии, зависела буквально от росчерка пера Алексяну. Он обладал такой властью, какой даже Антонеску не смог бы похвастать.

Как сами румыны воспринимали свои действия в Транснистрии? Смотря кто и когда. Порой местные власти просто копировали действия нацистов в польском генерал-губернаторстве или рейхскомиссариате на Украине: расстреливали,

депортировали, запрещали, снова расстреливали, — даже при том, что число выживших в Транснистрии было на порядок выше, чем в некоторых оккупированных германскими войсками районах. Порой местные власти наспех создавали собственную маленькую империю, и это была скверно организованная и непоследовательная попытка превратить славянский восток в собственную колонию, которая поставляла бы метрополии рабочие руки и сырье.

В других случаях румынские власти трудились над чисто румынской задачей, готовя для послевоенного времени почву, которая была бы масштабнее и этнически чище, чем созданная в 1918 году. Границы Румынии уже были насильственно изменены, и румыны надеялись, что после победы коалиционных сил удастся вернуть хотя бы часть отобранных земель. Дружественная Германия наделила обширным куском северных румынских земель в Трансильвании в равной степени дружественную Венгрию примерно тогда же, когда советские войска захватили Бессарабию и Буковину. Оказавшись в окружении таких дружественных стяжателей, Румыния сочла, что закрепление в Транснистрии, гораздо более ценной территории в сердце Румынии, которая на протяжении всей войны продолжала оставаться объектом наибольшей важности, вероятно, будет надежной страховкой на случай долговременного отторжения Трансильвании²⁴⁶.

Антисемитизм, заложенный в культуру институтов румынского государства, лежал в основе амбиций Румынии. К сентябрю 1942 года Антонеску и Александру подошли к завершению полного цикла путем запрещения еврейства как такового: приказом иудаизм отныне считался незаконной религией и верующим евреям запрещалось демонстрировать религиозные убеждения²⁴⁷. Одна из вновь образованных на румынском языке газет *Gazeta Odesei* (“Одесская газета”) попыталась обрисовать преобразующую силу румынского закона в связи с еврейским вопросом: “Раньше Одесса поражала приезжих в основном запахом грязных жидовских пеленок и гниющего

мусора с Привоза... Создавалось впечатление, будто там живут одни евреи, евреи носятся по улицам, толпятся в магазинах, образуют громадные очереди у входа в здания... Но вот сюда вошла румынская армия и затем румынская администрация. И прекратилась эта еврейская трескотня. Одесса стала залечивать раны и очищаться от накопившейся в ней за многие годы грязи. Со временем исчезла и омерзительная вонь еврейских дворов. Одесса, преисполнившись светлой надежды, пробудилась к новой жизни”²⁴⁸.

Но кроме антиеврейских настроений существовали другие задачи. Румыния была связана со своими восточными территориями неясным чувством единой судьбы, а также желанием создать из этих территорий буферную зону вокруг освобожденных Бессарабии и Буковины. Начав широкомасштабную депортацию, Румыния приняла на себя ряд обязательств, которые не смогла и не захотела выполнять. В результате евреев и цыган, умиравших в ужасающих условиях от голода и болезней, румыны скинули с себя как проблему, переадресовав другим — чаще всего этническим украинцам или немецким поселенцам, на чьем попечении и оказались депортированные. Поощряемые и оснащаемые нацистами, *Volksdeutsche* (местные этнические немцы или потомки трудолюбивых крестьян, некогда приглашенных в этот регион Екатериной Великой), случалось, приканчивали голодающих изгоев, которых никогда всерьез и не считали за соседей. Желание освободить государство от ненужного человеческого балласта зачастую являлось до абсурда мощным стимулом для румын²⁴⁹.

Тысячи рядовых румын, которым было далеко до вознесшихся Антонеску и Алексяну, видели в Транснистрийском эксперименте шанс воплотить заветную идею, которая открывает для них новые перспективы. Румынские власти в целом не слишком страдали от того, что немцы называли *Ostrausch*. Речь шла об одурении от долгого пребывания вдали от дома, в месте, населенном еврейскими ублюдками и варварами-

славянами. Ведь возможности, предоставляемые Транснистрией, были очевидны. Академики исследовали богатства региона между Днестром и Бугом и готовили почву для полной реструктуризации населения. Ученые организовывали антропологические экспедиции, измеряли черепа и изучали линии надбровных дуг у сельских жителей, чтобы отсортировать истинных румын от неполноценных. Считалось, что 25% румынской крови человеку достаточно, чтобы считаться полноценным румыном. Подобный эталон расовой принадлежности был куда щедрее, чем нацистский. Предлагалось создать Национальный институт евгеники, чтобы разработать для румынской нации новую солидную генетическую основу.

Летом 1944 года румынские власти начали процесс идентификации этнических румын, живших к востоку от Буга на территории украинского рейхскомиссариата. По плану их нужно было переселить на запад, в Транснистрию, где они могли бы внести лепту в созидание процветающей и более чистой в расовом отношении провинции; это был латинский аналог немецкой политики репатриации по отношению к *Volksdeutsche*. Несколько румынских семей успели переселить до того, как маятник войны качнулся в сторону, противоположную от союзников по коалиции²⁵⁰.

Правозащитники и либералы открыто говорили о зверском обращении с евреями у себя на родине, а видные еврейские деятели в Румынии организовали миссии помощи евреям, находившимся в концлагерях Транснистрии. Наиболее рьяные националисты ратовали за политику переселения народов, изменения границ и очистки территорий, которые они считали загрязненными этнически чуждыми элементами. Но большинству румын судьба евреев оккупированного района скорее всего была малоинтересна. Даже известные интеллектуалы становились невосприимчивыми, едва речь заходила о том, что происходит на востоке. Известный историк Георге Иоанн Братиану проделал с румынской кавалерией

весь путь до самого Крыма. Больше всего его потрясли бесконечные ряды солдатских могил и колоссальный ущерб, который памятникам античности причинил артобстрел²⁵¹.

Но не только Транснистрия с ее столицей Одессой были оплотом замкнутого, ограниченного и расхлябанного воинского контингента. По характеру выпускаемых директив, вернее всяческих упущений, Транснистрия в высокой степени являлась лишь частью общего целого.

Одесситам в тот период все эти явления, очевидно, были заметны. Как сообщал работавший на оккупационные войска осведомитель, некоторые одесситы считали румын, патрулировавших теперь улицы города и служащих в правительственных учреждениях, представителями “слабой нации”, тогда как немцы были для них представителями “сильной нации... немцы умели быстро наладить дисциплину” в городе — иными словами, могли восстановить порядок, содержать улицы в чистоте, арестовывать преступников и искоренять бюрократическую коррупцию²⁵². Таково было, пожалуй, общее мнение русских и украинцев: при румынах оккупация выглядела как нечто менее полноценное, но все же это была оккупация.

Так или иначе, когда осенью 1941 года сухие листья усеяли тротуары пустых улиц, основная задача оккупантов стала очевидна: они пришли, чтобы искоренить народ, который в Румынии называли *jidani* и который одесситы на простонародном русском именовали *жидами*. Иными словами, евреев.

*“Довожу до Вашего сведения
нижеследующее...”*

После войны каждый одесский школьник мог без запинки назвать даты начала и конца оккупации: стратегическое отступление Красной армии 16 октября 1941 года и ее триумфальное возвращение 10 апреля 1944 года. Это время воспринималось как краткий интервал перед восстановлением и как период страданий народа, поскольку город мертвой хваткой держали в руках чужеземцы. И по сей день по обеим сторонам вдоль пешеходной Аллеи Славы в парке Шевченко (бывшем Александровском парке) стоят мемориальные плиты в честь павших на войне. Аллея ведет к обелиску Неизвестного матроса, где горит вечный огонь. Во время официальных праздников к мемориалу строевым шагом направляется команда школьников в форменной одежде, которые соревнуются за честь стоять в почетном карауле на этом Посту № 1. Отсюда открывается вид на гавань и на высотные здания, свидетельства пройденного городом пути от страданий к триумфу.

Советские историки имели обыкновение называть прежних врагов фашистами или немецко-фашистскими оккупантами, особенно после того как Румыния стала социалистическим

Советские войска входят в Одессу весной 1944 года

государством и в соответствии с Варшавским договором — союзником СССР. Прежний враг сделался социалистом и другом, поэтому неприглядные эпизоды прошлого потихоньку отодвинули в тень. Мало кто даже из жителей Одессы помнит подробности жизни города во время войны — отчасти оттого, что уходит поколение, которое еще помнит войну, отчасти потому, что советская пропаганда почти полвека акцентировала внимание на защитниках города, замалчивая факты об оккупантах и их местных пособниках.

Советские трактовки одесского сопротивления актуальны до сих пор. Школьные учителя ведут учеников по петляющим катакомбам, в которых партизаны готовились к вылазкам. Мемориальные доски по-прежнему указывают на дома, где когда-то жили героини-патриоты и партизаны. Лишь немногие начали ставить под сомнение подобные версии событий. Неужели в течение более чем двух с половиной лет жители города только и думали о том, "как подорвать вражескую ко-

мендатуру, как ликвидировать вражеского солдата или хотя бы проколоть шины румынского автомобиля?» — иронически спрашивал один из авторов²⁵³.

Сегодня мы знаем, или во всяком случае имеем возможность узнать, гораздо больше о реакции местных жителей на оккупацию.

К 1940-м годам в королевстве Румыния разрослась мощная провинциальная бюрократия, насчитывавшая более чем двадцатилетний опыт управления новыми, беспокойными провинциями. Многие черты подобного бюрократического аппарата проявились в Транснистрии: директораты и секции, подсекции и канцелярии — все исполняли двойную функцию: реальное управление плюс тщательный сбор письменных свидетельств. Советы, раскопавшие эти документы, когда регион был отвоеван, взяли их под надежную охрану. Это собрание насчитывает более 52 000 папок, содержащих сотни тысяч единиц хранения. Многие в виде микрофильмов хранятся в Мемориальном музее Холокоста США в Вашингтоне, округ Колумбия. Гораздо больше документации с трудом спасают от плесени и мышей отважные сотрудники Одесского архива.

В папках содержатся обстоятельные докладные записки и телеграммы, сообщающие о создании и ликвидации гетто, о депортации евреев в концлагеря и центры для интернированных по всей Транснистрии, об умерших от болезней, обморожений и в результате систематического уничтожения.

Однако среди всех этих архивных ужасов самое тяжелое впечатление (особенно учитывая, что речь идет о городе, который по-прежнему считает себя многонациональным) производят доносы и доклады тайных осведомителей, адресованные рядовыми одесситами румынским властям. Сотни страниц, исписанных чернилами или карандашом. В ход шла папиросная бумага, оборотная сторона старых плакатов, даже внутренняя сторона конфетных оберток. Наряду со списками классово чуждых элементов и врагов народа, арестованных и расстрелянных при Сталине, эта кипа топорщащихся бума-

жек представляет собой суровое свидетельство темной сущности города, таившейся за его светлым обликом.

Одесситы стали доносить друг на друга почти сразу после того, как румынская кавалерия, вступив в город, проследовала по опустевшей, обложенной мешками с песком Ришельевской улице. После взрыва военной комендатуры 22 октября 1941 года объем папок увеличился. Требование обнаружить скрытых большевиков, прежде чем они могли бы предпринять новые теракты, стало еще настоятельнее. И число одесситов, торопившихся снять подозрение с себя, вероятно, также резко возросло. Часто это выглядело как поединок со своим зеркальным отражением. Дуэль доносов Скопова с Лабунским тому яркий пример.

В ноябре 1941 года некий Григорий Скопов написал румынскому военному командованию донос на своего соседа Павла Лабунского, утверждая, что он коммунист и агент НКВД. Скопов приложил к доносу список лиц, которые могли бы подтвердить его сведения, в подробностях расписав, в чем состоит неприязненное отношение Лабунского к Румынии. Когда Лабунский услышал от соседей по дому, что на него донес Скопов, он настроил докладную записку на Скопова. Лабунский утверждал, что никогда не был членом ВКП(б). Он подчеркивал, что происходит из семьи богатых землевладельцев. Что их с женой венчали по православному обряду. Что он неоднократно репрессирован большевиками. Что его брат в Гражданскую войну сражался на стороне белых, за что был отправлен в исправительно-трудовой лагерь, а его имущество конфисковано. И Лабунский должен быть опекать жену брата и двоих его детей. Когда разразилась новая война, Лабунский был призван в Красную армию, откуда сразу же дезертировал. Но вместе с тем, писал он, если кто и может вызывать беспокойство румынских властей, это как раз тот, кто его оклеветал. Этот человек таким образом пытается скрыть свое большевистское прошлое и свои всем известные замашки клеветать на других. "Скопов является злейшим врагом но-

вого порядка, который имеет целью освободить человечество от ненавистных большевиков, — заключал Лабунский. — Скопов должен ответить за свою прошлую преступную деятельность”. И Лабунский прилагал список из 11 соседей и прочих свидетелей, которые могли бы подтвердить его показания²⁵⁴.

За несколько лет до этого факты биографии, представленные Лабунским как достоверные, сделали бы его врагом Советского государства. Но при новом порядке то, что раньше могло служить источником неприятностей, являлось достоинством, ценным и значимым.

Для многих одесситов способом проявления чувства гражданского долга была демонстрация готовности стоять на страже закона и порядка, выявлять советских подпольщиков и особенно те места, где скрываются евреи. Администрация Алексяну считала, по крайней мере теоретически, всех одесских евреев советскими агентами. Слияние понятий “еврей” и “коммунист” имело долгую трагическую историю на просторах Восточной Европы.

Румыны не только участвовали в военных действиях, они проводили карательную кампанию против реальных, представших в катакомбах подпольщиков, которые подрывали железнодорожные составы и, случалось, убивали крупных румынских военачальников. В связи с этим выскивание прячущихся евреев было не просто тем, что в наши дни называется этнической чисткой. С позиции оккупантов, а также многих жителей оккупированных территорий, это являлось вопросом безопасности. Скрытый, но временами и активный антисемитизм, страх перед возвращением в город советской власти, панический ужас перед доносами плюс алчность, зависть и неприязнь — все переплелось в клубке мотивов действий одесских коллаборационистов.

Темой многих осведомительских докладов и добровольных доносов стало разоблачение притворщиков. Некто Игорь Брижитский сообщил, что гражданин Стрижак, проживавший на Греческой улице, — бывший сотрудник НКВД

и участник сталинских репрессий в отношении этнических немцев одесского региона. В паспорте Стрижака значилось, что по национальности он украинец, но, по словам Брижитского, ближайший сосед Стрижака уверял, что "родная его сестра жидовка"²⁵⁵. Далее Брижитский подробно описывал более сложный случай — уже в отношении семейства Загальского: "Клейман и Загальский — Успенская улица, 58 (вход со двора). Директор школы № 8 Алексей Иванович Загальский скрывает тот факт, что его жена, Клавдия Исааковна Клейман, — еврейка. И что ее сын от первого брака, восемнадцатилетний Вадим Клейман, также является евреем. Этот Загальский усыновил его под своим именем и выдает за украинца. Клавдия Исааковна Клейман при помощи жидовской советской милиции выправила себе паспорт, взяв имя мужа, и стала Загальской, и по паспорту выходит, что она не еврейка, а украинка. Учитель школы № 68 Адольф Позе содействовал всем этим махинациям. Сведения предоставил Стаценко, учитель школы № 92"²⁵⁶.

Одесситы, естественно, свиклись с мыслью, что от государства надо держаться подальше. Контрабандисты, *гонимы* и подпольные политические группы в совершенстве владели искусством конспирации. Но в 1941 году сама идея пролить свет на необъятный андеграунд, теперь считавшийся прибежищем большевиков и скрытых евреев, будила опасные подозрения. Почему бы некоторым не скрываться под видом непрямых? Агент № 61 докладывал, что некто по имени Швыдкой, работавший шофером на местной фабрике, прежде был известным коммунистом, членом фабричного комитета Коммунистической партии, а также известен как "личность крайне злобная, всегда действующая исподтишка". Мало того, продолжал агент, опираясь на свидетельство некоего господина Крицкого, "несмотря на русское имя и фамилию (Швыдкой), он является жидом"²⁵⁷.

Доносы не всегда были направлены на кого-то конкретно, хотя именно эту информацию румынские власти считали наи-

более полезной. Чиновник в приемной военной комендатуры иногда приписывал на обвинительных докладах требования к их автору указывать точнее, кто что сказал, и давать правильные адреса как доносящего, так и объекта доноса. Чтобы обучить людей работать как следует, требуется время. Но некоторые одесситы по-прежнему докладывали о всякой ерунде или излагали излюбленные идеи, считая, что это может оказаться небесполезным для властей. “Спешу довести до вашего сведения, — писал некий Валерий Ткаченко, — что в подвале дома № 13 по Тираспольской улице собираются жида и ведут разговоры о политике. И они говорят, что румыны и немцы стаканами пьют нашу кровь и что мы будем пить ихнюю ведрами. И что Америка нам поможет”²⁵⁸.

Другие писали доносы на тех, кто самих евреев не прятал, а припрятывал их старую одежду или хранил личные вещи тех, кого выслали из города. Еще докладывали, что сосед незаконно присвоил имущество, оставшееся после евреев, которых забрали румынские жандармы, — по существу, сетуя, что имярек не поделился вещами с прочими соседями по дому. Доморощенные аналитики предлагали свое толкование того, что видели вокруг, представляя скорее в качестве самодеятельных детективов, а не рядовых информаторов. Таинственная бумажка, обнаруженная в одной из квартир, по предположению некоей местной жительницы, являлась свидетельством находившейся здесь подпольной типографии. Портреты Гитлера, Антонеску и румынского короля Михая, которые стали появляться на местных базарах, нарисованы некачественно, сообщалось в другом послании: пусть полиция разберется. Один из соседей доносил на знакомого, будто тот часто общается с темными личностями, а это определенно не к добру. “И еще у него на квартире тайно встречаются террористически настроенные коммунисты. А жена у него жидовка и вся родня у нее сплошь жидовская”²⁵⁹. Еще один тип представил властям для поимки список евреев, скрывающихся в городе. “Опознать и засвидетельствовать еврея можно следующим

образом, — утверждал некто, подписавшийся Сторонний наблюдатель:

1. По лицу и внешнему облику еврея;
2. По неправильной речи;
3. По имеющимся у него официальным документам (а также документам его родственников);
4. По половым органам (у мужчин)”²⁶⁰.

Румынская пропаганда стремилась представить оккупацию как процесс освобождения, как конец более чем двадцатилетнего большевистского террора. Но прежние “освободители” надежно привили населению основные привычки и уродства советской системы.

Массовая паранойя, доносы ради спасения собственной шкуры и мания разоблачения, выставление напоказ и искоренение потенциальных врагов государства стали сутью поведения, к которому город успел привыкнуть в 1920—1930-е годы. Доносы и жалобы, в них содержащиеся, часто являлись как бы копией аналогичных посланий сталинского периода, от стандартного зачина “Довожу до Вашего сведения нижеследующее...” до назойливой концовки, прилагавшей к письму заверение автора в своей преданности и честности. Оккупационным властям требовалась четкая информация, и одесситы порой просто предоставляли им хорошо отрепетированный сценарий — тот, который в значительной мере вписывался в отработанную систему выживания в условиях деспотического режима.

Отсутствие политической лояльности, служба на административном посту при прежнем незаконном режиме, оскорбления в адрес нынешней власти, кое-какой грешок сексуального характера или иной аморальный поступок — все это было поводом для доноса и при советской власти, и при румынской. Искушение донести на соседа, чтобы захватить его жилплощадь, особенно в густонаселенных многоквартирных домах в вожделенном центре города, тоже было прямым наследием советской системы²⁶¹. Разница состояла в явном сра-

щивании понятий “враг” и “еврей”, в слиянии, которое мало кто из одесситов воспринимал скрепя сердце. Город за прошедшие десятилетия вдоволь напился теориями заговоров и антисемитской пропагандой, от предполагаемых угроз со стороны еврейских отрядов самообороны начала XX века до много позже возникших единодушных стараний германско-румынской пропаганды изобразить Советский Союз орудием мирового еврейства.

Прежние разногласия между евреями и их соседями теперь выросли в неприступные бастионы, преодолеть которые могли лишь самые отважные одесситы. “Евреи считаются очень коварной, хитрой и беспощадной нацией, — докладывал агент, — такой, которая до сих пор способна на множество грязных уловок”²⁶².

Свидетельства оставшихся в живых подтверждают то, о чем говорится в официальных документах. Давид Сенявер родился в городке Балта, расположенном севернее Одессы, в семье торговцев рыбой. Когда в начале 1930-х годов их дом и вся собственность были реквизированы властями, семейство, объявленное буржуями и врагами народа, вынуждено было перебраться в небольшой сарай. Тогда же, в начале 1930-х годов, на Украине разразился голод, и Сеняверы переехали в Одессу; но жизнь и там оказалась нелегкой, ведь на семье было клеймо классово-чуждых элементов.

Когда Румыния оккупировала Одессу, Сеняверу было 15 лет. Он хорошо запомнил, как евреи, повинаясь приказу, собрались на рыночной площади Привоза в центре города. “Местное население, особенно украинцы, — вспоминал он, — с удовольствием помогали немцам и румынам вылавливать жертвы: детей и молодежь, прячущихся в подвалах”. Когда в начале 1942 года Сенявера вместе с другими гнали из города в концлагерь в Доманевке, кое-кто из горожан кидал в них камнями, выкрикивая: “Вы Христа распяли!” В то же время Сенявер подчеркивал: крестьянин, имя которого Сенявер помнил и спустя многие годы, спрятал его у себя. Сенявер

утверждал, что кричали и бросали камни именно одесситы, а не крестьяне²⁶³. Городское население, поднаторевшее в выявлении классово чуждых элементов, обнаружении ниспровергателей социализма и искоренении врагов народа, без труда переносило привычные методы на выискивание евреев.

Евреям все-таки удалось выжить в Одессе во время войны, но их осталось немного. Одни не скрывались физически, а добывали или подделывали документы, удостоверявшие, что по национальности они караимы. Представителей этой этнической, официально доталмудической ветви еврейства* власти обычно не трогали. Кое-кто выдавал себя за украинцев, армян или представителей иных этнических групп, в особенности это сходило с рук тогда, когда можно было переселиться в другие районы города, где никому по соседству не было точно известно происхождение новосела.

Равные шансы предоставляли и тщательный расчет, и непредвиденный случай. Тогда еще девочка-подросток, Людмила Калика сумела выжить вместе с родными благодаря сочетанию удачи и сострадания соседей. Когда началась война, ее семья жила с еще одной семьей в коммунальной квартире. Это обстоятельство оказалось счастливым. Когда Калики решили спрятаться, чтобы не отмечаться в гетто, их соседи заняли освобожденную Каликами часть квартиры, чтобы ее не отобрали домоуправ или оккупационные власти. Соседями Каликов были евреи, которым удалось раздобыть себе фальшивые документы караимов. Квартира располагалась на первом этаже, и под ней находился погреб, достаточно просторный, чтобы вместить несколько человек. И это крохотное укрытие явилось убежищем для Каликов в то время, когда евреев убивали или депортировали. Другая соседка, украинка, приносила прятавшимся евреям еду и питье, а также помогала "караимам" продержаться в большой коммунальной квартире.

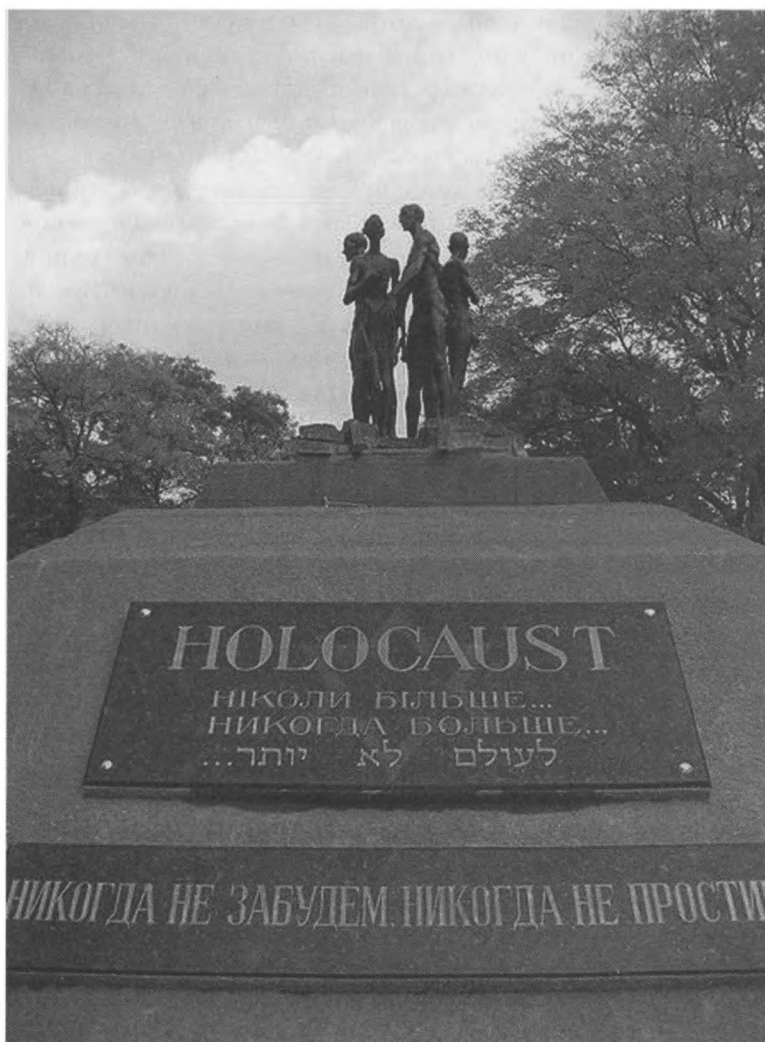
* "Еврейская" версия происхождения караимов не единственная. Существуют также хазарская, кумано-кипчакская и "синтетическая" версии.

Она убеждала всех назойливых соседей либо в том, что семья Каликов депортирована, либо в том, что их убили. Благодаря такому стечению обстоятельств пятеро евреев, в том числе и Людмила, прятались в этом погребе до прихода Красной армии²⁶⁴.

С началом 1942 года число доносов заметно сократилось. Большинство евреев было опознано и выслано из города. Большинство вредоносных, поддерживаемых советскими властями партизанских отрядов было обезврежено, места их укрытия среди катакомб выявлены и ходы замурованы. Агенты и осведомители по-прежнему были активны, но теперь в их задачи входило распространять газеты и пропагандистские листовки, а не писать доносы на соседей.

Оставшиеся в городе учились жить дальше.

Одесситы отнюдь не были в неведении относительно того, что происходило в лагерях и гетто. Они видели своими глазами множество повешенных и расстрелянных евреев. Позже по базарам стали распространяться слухи об истреблении евреев по всей Транснистрии. Некоторые жители даже забеспокоились: что будет потом, когда войска уйдут и некому будет защитить их от мести евреев? “Если вы уйдете, евреи примутся за нас! — кричала одесситка румынским солдатам. — Почему вы не устроили этим евреям *канут*?”²⁶⁵. Очередной агент сообщал весной 1942 года, что нескольким евреям удалось спастись и вернуться в Одессу, и они распространяют слухи о том, что в овраге у села Березовка евреев расстреливали из пулеметов. Теперь мы знаем, что эти слухи правдивы. Спасшиеся рассказывали о самом страшном преступлении за все время румынской оккупации, об истреблении почти 28000 одесских евреев командами СС, набранными из *Volksdeutsche*²⁶⁶. И так как теперь на улицах не было ни трупов повешенных евреев, ни толп, сгоняемых для депортации куда-то в глушь, румынским и украинским властям ничего не стоило сделать вид, будто слухам о продолжающихся зверствах не стоит придавать значения.

Мемориал жертвам Холокоста в Одессе

Одесский мемориал жертвам Холокоста расположен среди оживленной улицы близ зеленого района Молдаванка. Аллея недавно посаженных деревьев ведет к центральному фонтану. Его венчает небольшая, но трагически впечатляющая скульптурная группа работы Зураба Церетели: несколько обнаженных мужчин и женщин сбились в кучку перед ведущими вниз ступенями, окруженными витками колючей проволоки. Фонтан не действует, панель у подножия в щербинах и трещинах, деревья явно не поливались. Не вполне правдивая надпись напоминает прохожим о преступлениях, совершенных фашистами, а не румынами или местными, одеситами. По всему небольшому парку, где расположен мемориал, валяются пластиковые бутылки, мусорные баки переполнены.

Но самое поразительное во всем мемориале то, что в основном он посвящен памяти 90 так называемых одесских праведников мужского и женского пола, в основном украинцев, которые, рискуя собственной жизнью, спасали евреев. На каждом дереве табличка с указанием имени героя. Такого довольно странным образом сфабрикованное представление о том, что происходило в Одессе во время войны, ибо куда более скорбная истина заключается в том, что подавляющее большинство жителей Одессы вело себя совсем иначе: они сотрудничали с румынскими властями, старательно донося на евреев или незаметно проживая свою жизнь, как бы не замечая, что исчезла пара-тройка соседей.

Да, конечно, были и герои, но их трудно выделить среди предателей и фискалов, чьи доносы бросаются в глаза среди массива архивных документов. Один из способов, благодаря которому можно понять подавляющее большинство одесситов, не отмеченных на Аллее праведников, — посмотреть на проблему со стороны, глазами человека, прошедшего в Одессе больше времени, чем Пушкин или многие другие известные деятели, ныне причисленные к пантеону почетных граждан города.

Вот румынский городской голова Одессы Герман Пынтя. Бледный, коренастый, с густой копной волос, которая с возрастом из конфигурации “а-ля Помпадур” преобразовалась в гриву, Пынтя был одним из наиболее профессиональных руководителей, каких румынское правительство поставило в Транснистрии. Он был продуктом приграничья, родившись в мае 1894 года в румынской семье на севере Бессарабии, которая на тот момент почти 100 лет являлась частью Российской империи. Пынтя служил в царской армии, как и многие его бессарабские соотечественники, которых он в период развала армии и падения Восточного фронта в 1917 году приобщил к идее румынского национализма.

Пынтя был избран как представитель от армии в местный парламент, образовавшийся после краха Российской империи, а затем стал министром в недолго просуществовавшем независимом правительстве Бессарабии. Он был в числе тех, кто ратовал за союз с Румынией в тот момент, когда большевики готовились захватить Кишинев, оплот Бессарабской провинции. С присоединением к Румынскому королевству Пынтя три срока пробыл городским головой Кишинева. Сын бедных бессарабских крестьян, Пынтя тем не менее получил в царской России юридическое образование и говорил свободно как на румынском, так и на русском языке. Он даже немного знал украинский язык, поскольку некоторое время учился в том институте, где работал Илья Мечников и который ныне называется Одесским университетом.

Когда летом 1940 года советские войска вступили в Бессарабию, Пынтя с основной массой румынских солдат и офицеров отступил на запад²⁶⁷.

Не будучи лично знаком с Антонеску, Пынтя получил от румынского лидера приглашение встретиться в августе 1941 года на вокзале в Кишиневе. Там он узнал о намерении Антонеску назначить его городским головой Одессы, как только город будет взят немецкими и румынскими войсками. Обширный опыт Пынти, накопленный в Бессарабии, делал его

кандидатуру подходящей; возможно, это либерально настроенные политики в Бухаресте, уже встревоженные жесткой политикой Антонеску у себя на родине, предложили кандидатуру Пынти в надежде смягчить режим на оккупированных территориях. Как бы то ни было, когда город наконец пал, Пынтя был официально назначен на пост городского головы и прибыл в Одессу 18 октября, менее чем за неделю до пресловутого взрыва военной комендатуры. Пынтя был непосредственным свидетелем *репрессалий* против евреев, последовавших за этим взрывом. В обход Алексяна, нарушая при том цепь инстанций, он написал Антонеску письмо, описывая, как, возвращаясь с восстановительных работ на месте разрушенного здания близ Александровского парка, он обнаружил вдоль главных улиц и на перекрестках виселицы с повешенными. Потом он узнал, что военное командование приказало евреям собраться для депортации в Дальник, где многие будут затем убиты или сожжены заживо. “Если бы вас точно информировали об этой ситуации, в особенности о том, что население совсем не причастно к происшедшему 22 октября... вы бы отменили приказы о репрессиях, и невинные люди не пострадали бы”, — писал Пынтя. Он даже предлагал Антонеску назначить вместо себя городским головой кого-нибудь другого, поскольку его авторитет был подорван действиями местных военных властей. Однако от отставки Пынти все же воздержался²⁶⁸.

Несмотря на все свои возражения, Пынтя все-таки присутствовал на главном собрании, определившем участь оставшегося еврейского населения Одессы. По выпущенному Антонеску в январе 1942 года приказу № 34 была создана Комиссия по селекции и эвакуации для проведения чистки в столичном городе. 6 января состоялось первое заседание комиссии под председательством полковника Матея Вельческу, префекта полиции одесского региона. На этом заседании члены комиссии выработали план выполнения приказа Антонеску, включая систематическую очистку гетто в Слободке. Несмотря на то что отвечали за выполнение этой работы местная полиция

и жандармские подразделения, Пынтя присутствовал при разработке процесса, вылившегося в окончательное решение еврейской проблемы города. Больше заседаний Комиссии по селекции и эвакуации он не посещал, уполномочив присутствовать вместо себя одного из заместителей. Пынтя оставался на посту городского головы до весны 1944 года, когда немецкие войска на короткое время стали хозяевами в Одессе²⁶⁹.

Власть Пынти была заметно ограничена превосходящим его в могуществе Алексяну, а также румынским военным командованием, за которым всегда оставалось последнее слово в решении местных проблем. Однако в границах своих полномочий и в пределах возможностей экономики военного времени он постепенно возвращал Одессу к прошедшим временам. Налаживалась жизнь города, в том числе снабжение водой и электричеством. Открылись рестораны и рынки. Впервые за 20 лет частным предпринимателям разрешалось производить и сбывать продукцию в частных магазинах и киосках. В кинотеатрах показывали фильмы, запрещенные при советской власти, а сам кинематограф стал предметом особого внимания оккупационных властей²⁷⁰. Кино обладало мощным потенциалом для поддержания иллюзии радости и беззаботности у местного населения; создаваемые румынской пропагандой фильмы демонстрировали военные успехи коалиции и разоблачали вредоносность сталинизма. Правда, уж в этом-то многих жителей города убеждать не приходилось.

Коррупция расцвела пышным цветом в воспрянувшей экономике, но ведь город и при советской власти едва ли был образцом экономической добродетели. Горожане умели реагировать на все с мрачно-сентиментальным юмором, которым Одесса славилась с давних времен. На открытых базарах продавцы завлекали проходящих мимо румынских солдат и чиновников хитроумной игрой слов. Обычное румынское приветствие *Буня дименяца!* (Доброе утро!) переиначивалось на русское *Будемте меняться!*²⁷¹

Даже если окончательный статус Транснистрии после победы коалиции был пока неясен, румыны старались вести дела, слегка потрафляя местным русским, украинцам и немцам. Основные городские улицы были переименованы в соответствии с новым порядком. Улица Карла Маркса, что вполне очевидно, стала именоваться улицей Адольфа Гитлера. Еврейская называлась теперь улицей Муссолини. Одна из главных достопримечательностей города с 1870-х годов — Оперный театр — сильно пострадала при осаде города. Крыша обрушилась, все окна были выбиты, система отопления и водопровод повреждены. Уже в конце 1941 года городские власти позаботились застеклить окна здания. Скоро и великолепный орган театра, долго бездействовавший при советской власти, был приведен в порядок.

В сезон 1942/43 года одесситам был открыт доступ в полностью приведенное в порядок здание Оперного театра с оштукатуренными и свежевыкрашенными стенами. Можно было приобрести билет на какую-либо из 58 постановок, включая оперы “Богема” и “Евгений Онегин”. Городские власти не делали попыток румынизировать музыкальный репертуар. Он и так на три четверти состоял из стандартной европейской классики, русская музыкальная классика составляла в нем около четверти²⁷².

“Пынтя был популярен в Одессе, — говорила в конце 1950-х годов одна актриса, — население до сих пор вспоминает о нем с теплотой”²⁷³. Жители Румынского королевства потоком текли в Одессу, чтобы своими глазами увидеть плоды эксперимента миролюбивого империализма. Студенты и профессора Бухарестского университета, представители Румынской ассоциации преподавателей, делегации из румынских сел, хоры, танцевальные ансамбли и журналисты — все за правительственный счет посещали Одессу. Теннисная секция Румынской спортивной ассоциации организовала в Одессе двухдневные соревнования с приглашенными участниками. Группа бухарестских школьников, победивших в соревнова-

нии на звание самых перспективных учащихся румынской столицы, даже была награждена поездкой по провинции, в управлении которой в будущем они могли бы принять участие.

Ион Антонеску посетил Одессу трижды (первый раз в 1942 году и затем дважды в 1943-м), чтобы полюбоваться чудесами, происходящими на восточных окраинах страны. Поток приезжающих вырос настолько, что низшие чины призывали к созданию специальных *cantine turistiche* (гостиниц для туристов), чтобы размещать группы художников, музыкантов, преподавателей, студентов и известных личностей, каждую неделю прибывающих с родины²⁷⁴. Вся Одесса, по впечатлению одного из приезжих, дышала свежестью и новизной города, "наполненного молодежью", являя собой яркий контраст в сравнении с опустевшими улицами и площадями городов в других оккупированных частях Европы²⁷⁵.

Тем не менее Пынтя был прекрасно осведомлен о событиях, происходивших в первый год оккупации, и они очень тревожили его. Когда началось систематическое изгнание евреев из Одессы, Пынтя направил Алексеяну письмо с протестом. "Я докладывал Вам устно и в письменном виде, — писал он, — что эта эвакуация неправомерна и бесчеловечна, а так как она происходит в разгар зимы, то становится поистине варварской". Повторяя доводы, которые он до этого приводил Антонеску, Пынтя высказал сожаление, что советники правителя ошибочно убеждают его, будто евреи представляют собой угрозу безопасности города. Пынтя утверждал, что на самом деле евреи усиленно трудятся, восстанавливая город. Но так как железнодорожные составы и колонны одесских евреев уже двинулись в путь, писал Пынтя, он хотел бы теперь предпринять "последнюю попытку спасти хотя бы тех, кого еще можно спасти". Прежде всего он ратовал за еврейских умельцев-кустарей и педагогов, которых следовало бы освободить от депортации, как и примерно 1000 караимов, по-прежнему живущих в городе. Заметной попытки отсеять две первые категории сделано не было, хотя караимы, как и

в прошлом, считались, как правило, не-евреями “в расовом смысле” (эта точка зрения принадлежала нацистским теоретикам расизма и была поддержана румынами)²⁷⁶.

Из-за протестов против политики Румынии в отношении евреев Пынтя оставался весьма подозрительной личностью для Алексяну и других высокопоставленных чинов вплоть до бухарестских верхов. Окружение Пынтя составляли бессарабские румыны, которые как приграничный двуязычный народ, говоривший и на русском языке, всегда расценивались чиновниками старого королевства как личности не вполне надежные и не безоговорочно преданные идее румынского национализма. Еще в 1939 году Министерство обороны Румынии собирало секретные сведения о том, охотно ли жители Бессарабии примут советскую власть или будут против нее бороться.

Пынтя в своей должности использовал русский как рабочий язык; декреты и прочие бюрократические распоряжения, адресованные одесскому населению, писались им прежде всего на русском языке. Это обстоятельство опять-таки зарождало подозрение насчет его верности национальным идеям, хотя и облегчало задачи городской администрации.

Да, писал Пынтя Алексяну, большая часть служащих городского аппарата в прошлом коммунисты, но это вполне естественно для города, который 20 лет был под властью Советов. Более того, сама мысль, что по городу рыщут коммунистические агенты, в значительной мере является вымыслом. ‘Неправда, что местное население ведет агитацию (против Румынии), — писал Пынтя. — Напротив, местное население возвратилось к предпринимательству, готово к любой работе, и оно активно участвует в восстановлении Одессы. Измышления насчет агитации со стороны населения распространяются всевозможными секретными государственными службами, которые больше всего заинтересованы в нагнетании страстей, чтобы оправдать свое существование и расходы на свое содержание. Именно поэтому эти органы твердят о коммунистической угрозе в Одессе, о заговорах, о катакомбах, за-

полненных коммунистами, евреями и т.п."

Безудержное доноительство со стороны населения, как и безудержная бдительность румынских секретных служб, считал Пынтя, — скорее свидетельство личной заинтересованности, чем реальная угроза. В первом случае — это стремление подластиться к новой власти. Во втором — желание секретных служб убедить верховную власть в том, что они не зря едят свой хлеб. Городскому голове было хорошо известно, что одесситы с оккупантами находятся в одной связке, причем временами связь эта взаимовыгодна.

Нам в подробностях известны деяния Александру и Пынтя, так как их обоих предали суду после войны. Вскоре после того, как румынская армия была вытеснена из Одессы, представив и город, и всю Транснистрию на попечение немцам, Румыния перестала быть союзницей Германии. В августе 1944 года Красная армия успешно продвигалась на запад. Военные планы стран коалиции рушились на глазах. И король Михай, свергнув Иона Антонеску, объявил о присоединении Румынии к союзным силам, успев избежать решительного сражения с Красной армией, отныне воплощавшей собственный блицкриг.

Советы установили в Румынии прокоммунистическое правительство, укрепившее со временем свои позиции, заставив Михая отречься от престола и покинуть страну в конце 1947 года.

Одной из главных задач нового правительства стало преследование — а во многих случаях и неоднократное, — лидеров прежнего режима. Александру был одним из четырех обвиняемых, признанных виновными в военных преступлениях, приговоренных к смертной казни и казненных коммунистами.

Всемогущий вице-председатель Совета министров Михай Антонеску, жестокий заместитель министра внутренних дел Константин Василиу, а также сам *кондуктор* Ион Антонеску — были видными политическими фигурами центрального правительства в Бухаресте, лавирующими в пространстве между

собственным антисемитизмом, потребностями военного времени и требованиями патрона, нацистской Германии. Их ненависть к евреям носила консервативный характер, традиционно присущий правым партиям во всей Центральной Европе и не обязательно смыкавшийся с яростно-агрессивной разновидностью антисемитизма, диктуемой нацистской пропагандой. Их антисемитизм перерос в политическую программу в результате превращения Румынии в страну-оккупанта и при заразительном усердии карателей СС, немецких служб и персонально Гитлера. Однако в результате судебных расследований выяснилось, что из всех высших должностных лиц самый малозаметный — Алексяну, методично испускавший свои директивы из залов, где некогда устраивала известные званые вечера Лиз Воронцова, — оказался, пожалуй, наиболее ревностным последователем антисемитизма.

Алексяну отрицал какое-либо личное участие в зверствах конца 1941 года, относя эти действия на счет превысивших полномочия секретных служб и жандармерии. Он якобы старался всеми силами управлять Транснистрией на благо румынского государства, стремясь в первую очередь переправлять как можно больше богатств провинции на родину и при необходимости уничтожать ту часть еврейского населения, которая, по его убеждению, представляла угрозу общественному порядку²⁷⁷.

В отличие от многих из высших административных чинов он, похоже, не извлек личной выгоды из высокого положения во время войны. Алексяну обнаружили живущим в небольшой квартире в Бухаресте при отсутствии какой-либо иной недвижимости на территории страны, каких-либо денежных вкладов в иностранных банках или тайных счетов, которые могли бы скрывать трофеи — награбленное у евреев, депортированных и уничтоженных за три года его правления.

В основном лишенные раскаяния показания Алексяну опирались в виде оправдания на рачительное управление экономикой провинции, хотя именно эта его деятельность

ознаменовала для него конец карьеры: в январе 1944 года, незадолго до того как авантюре с Транснистрией пришел конец, Антонеску снял Александру с должности губернатора как не справившегося²⁷⁸.

Даже перед лицом смерти Александру олицетворял достоинство и верность национальному делу, что запечатлела кинохроника того времени. Василиу и Михай Антонеску явно нервничали, стоя перед расстрельной командой, а Ион Антонеску, театрально приподняв шляпу, изобразил некое приветствие своим соратникам и палачам. Осунувшийся Александру, угрюмый и гладко выбритый, стоял вытянувшись, с поднятой головой.

Судьба Пынты обернулась иначе. В 1945 году его, прятавшегося под чужим именем, отыскиали в Румынии, и он предстал перед судом за то, что якобы сбывал памятники с еврейского кладбища в Одессе. Через год Пынтя был оправдан и выпущен на свободу, но снова был вынужден скрываться в связи с приходом нового прокоммунистического правительства. Перебираясь от одного знакомого к другому с фальшивыми документами, имея при себе свое письмо Антонеску с протестом против *репрессалий*, как талисман на случай грядущих бурь.

Много ночей пришлось провести Пынте, скрываясь от ареста, на вокзале "Гара де Норд" в Бухаресте. В конце концов он был снова арестован, и в 1949 году его снова судили, объявив виновным в преступлениях против человечества во время войны. Пынтю приговорили к 10 годам исправительно-трудовых работ. Знамением нового времени явилось то, что основное преступление Пынты теперь классифицировалось как "причинение смерти тысячам рабочих", а не истребление евреев или кража могильных памятников²⁷⁹. После выхода на свободу, вплоть до конца 1960-х годов, за ним послеживала Секуритате, секретная служба социалистической Румынии, так как он имел дело с "антисоциалистическими элементами"²⁸⁰.

Возможно, Пынтя действительно отказывался от должности городского головы. Возможно, он не только посылал

вместо себя подчиненного на неприятные ему заседания по депортации. Возможно, он после ликвидации гетто уберег некоторых евреев от смерти, выдавая свидетельства о крещении²⁸¹. Возможно, он не только направлял начальству письма протеста. “Я не защитник евреев...” — открыто заявлял он Антонеску, когда тела замученных все еще висели на наскоро сработанных виселицах²⁸². Однако при всем этом Пынтя и только он, являясь городским головой, был ответственен за все, что там происходило. На фоне действий наиболее активных организаторов Холокоста поступки Пынти в конечном счете были сродни поведению многих одесситов в годы войны, оккупации и ужасов того времени; его поступки были следствием устойчивого желания не видеть того, что творится вокруг.

Другие области Украины тоже пострадали. В некоторых областях было истреблено более 90% довоенного еврейского населения. По статистике 40% еврейского населения Одесского региона погибло в годы войны, и эта цифра значительно превышает число евреев, погибших в самом городе²⁸³.

Во всей Транснистрии, вероятно, 50 000 местных евреев из 300 000 остались в живых, когда область снова перешла к Советам²⁸⁴. Некоторые выжили благодаря поддельным документам, полагаясь на милосердие и порядочность ближайших соседей или затаившись в страхе в подвалах или на чердаках домов. Со временем некоторые вернулись в прежние дома, воссоединившись с теми, кто возвратился из эвакуации из Средней Азии, из других мест Советского Союза. Но еврейские общины перестали существовать. В ноябре 1944 года, спустя несколько месяцев после освобождения Одессы, по официальным данным, в городе насчитывалось 48 евреев²⁸⁵.

ЧАСТЬ III

НОСТАЛЬГИЯ
И ПАМЯТЬ

КУРЗАЛ **ЗАКРЫТЫЙ
ТЕАТР**

В понедельник 19 июля 1986 г.

ТОЛЬКО ОДИН
ВЕЧЕР ЮМОРА И СМЕХА

Л.О. УТЕСОВ — в скетче
Л.О. УТЕСОВ — в комедии
Л.О. УТЕСОВ — в комическом хору
Л.О. УТЕСОВ — в своем репертуаре

А В ЗАКЛЮЧЕНИЕ
ПОГРЕБАЛЬНЫЙ
Хор братьев Зайцевых
под упр. главы
взломщиков смеха **Л.О. УТЕСОВА**

Нач. в 8½ ч. веч. Цены местам от 60 коп.

Город-герой

Тайный румынский агент докладывал зимой 1941/42 года, что одесситы на Привозе регулярно ведут разговоры о возвращении города ко временам прежнего величия. После бегства советских властей некий человек якобы утверждал, что “Одесса снова станет свободным портом и вернется к золотому веку графа Воронцова и Дюка де Ришелье под предводительством Его Величества короля Румынии Михая и Его Превосходительства, верховного фюрера Германской империи Адольфа Гитлера!”²⁸⁶.

Мало кто тогда относился к оккупантам с подобным заискивающим или безоглядным подобострастием, однако в целом ожидания такого рода были нередки. С известной долей оптимизма и бравады одесситы, вероятно, рисовали себе будущее, в котором их город мог бы вернуться на рельсы, с которых сошел в XIX веке. Ностальгия была не просто тоской по прошлому. Это был способ вызвать в воображении образ далекого, но яркого будущего.

Реальность требовала иного. Когда имело смысл, можно было сотрудничать с властями, а когда смысла не было, находили способы уклоняться от сотрудничества. Одессе было свойственно увиливать и изворачиваться, а в военные годы эти ка-

Рекламный плакат фильма "Два бойца" с Марком Бернесом
в одной из главных ролей, 1943 год

чества совершенствовались: одесситы обходили таможенные службы, подкупали полицейских, методично игнорировали просьбы властей и, как правило, прогибались, чтобы не сломаться. Выжить — в какой-то степени означало преуспеть.

Одесса к концу войны не вполне дошла до состояния полного стирания прошлого, хотя все же была близка к этому: город лишился своей основной этнической и религиозной общины, а многие из оставшихся жителей затаились в подвалах или рассеялись по близлежащим городкам и селам. Город все еще не мог оправиться после артобстрелов, воздушных бомбежек, партизанских набегов, а также от истребления своего еврейского населения. Эвакуированных из Одессы можно было обнаружить по всему Советскому Союзу, даже в далеком Узбекистане. В городе осталось только 200 000 человек, примерно треть довоенного населения. Общественные здания и инфраструктура города были разорены отступающими ар-

миями коалиции. Исчезли кресла и театральные костюмы из Оперного театра. Доки и зернохранилища были взорваны. Даже одесские трамваи теперь обслуживали города Румынии²⁸⁷.

Преступность, которую румынские власти пытались сдерживать, но искоренить не смогли, расцвела пышным цветом. Бывшие партизаны превратились в бандитов и совершали на вернувшихся советских начальников такие же налеты, какие предпринимали на румынских оккупантов. Грабежи и кражи стали привычным явлением, а самые дерзкие бандиты оставляли коммунистическим властям такие надписи на стенах: “Ваше время до семи вечера, а ночь — за нами”.

Параллельно с мелким разбоем государственные органы разбирались с теми, кто сотрудничал с оккупантами и процветал при их режиме. Советские архивисты и аппаратчики выявляли предателей, изучая старательно собранные румынами материалы. Тех, кто по глупости бежал с румынами, арестовывали, сажали в тюрьму или расстреливали. Даже просто жизнь в Одессе в годы оккупации внушало подозрение, поскольку сам факт выживания предполагал компромисс с фашистами.

Новая, правда короткая, волна доносов прокатилась по городу; соседи указывали на тех, кто предположительно сотрудничал с “румыно-германскими варварами”, как в те годы именовали оккупантов, или благожелательно относился к ним²⁸⁸.

Одновременно советские власти работали над расследованием судеб тех, кто стал жертвами войны. Приложив огромные усилия по сбору документов о человеческих и материальных потерях, Государственная чрезвычайная комиссия, работавшая на большей части оккупированных территорий СССР, собрала данные о погибших. Основанные на устных показаниях под присягой, отчеты комиссии часто выявляли поразительные подробности. Списки убитых и депортированных до сих пор содержат подробнейшие сведения о жертвах войны, особенно об одесских евреях.

Из послевоенных описаний, например, мы узнаем, что в некоторый период войны из домов № 74–76 по Пушкинской улице было перемещено 16 человек, в число которых среди прочих входили и члены семей Лидерман, Ликерман, Котляр, Шварцман, Коган, Фигельман, Ашкенази и Кац. Из дома № 9 по Щепному переулку 23 человека, в том числе трехлетнего Хайма Ципермана и десятилетнюю Люсю Кравец, по выражению свидетеля, “забрали фашисты”²⁸⁹. Несомненно, кое-кто из дававших показания комиссии сам способствовал депортации евреев.

Комплекс мотивов, лежавших в основе доносов военного времени, вероятно, срабатывал и в послевоенные годы при выявлении жертв. Наряду с добрососедскими чувствами и жалостью здесь явно присутствовал и личный расчет. Официальный документ, удостоверявший перемещение жителей с конкретного адреса, мог одновременно обернуться правом на освободившееся жилье, что и было главным бюрократическим средством искушения соседа, претендующего на дополнительную площадь. Сразу после войны в Одессе оказалось много свободной жилой площади ввиду заметно убавившегося в период оккупации населения. Но после 1945 года, когда домой стали возвращаться из эвакуации и евреи, и не-евреи и когда интерес к жилой площади стремительно возрос, освободившиеся квартиры пользовались огромным спросом.

Во время войны Сура Штурмак была депортирована в концлагерь в Доманевке. Под конец она оказалась вместе с еще несколькими евреями в едва приспособленном для жилья свинарнике. Ее мать, сестры и брат были убиты; муж, боец Красной армии, пропал без вести. Когда после войны Сура возвратилась в Одессу, обнаружилось, что ее квартиру заняла русская семья. Однако, собрав разные свидетельства и прочие документы, Сура добилась по суду выселения захватчиков и передачи квартиры прежним жильцам²⁹⁰. Для выживших евреев принадлежность к списку “высланных”

была важнейшим официальным подтверждением их права на бывшую жилплощадь, теперь занятую алчными соседями.

Собранные комиссией свидетельства, написанные на клочках бумаги или на вырванных из книг страницах, являются красноречивым зеркальным отражением доносов, строчившихся несколькими годами ранее. В 1941 году персональная регистрация еврея с указанием точного адреса и поименным перечислением членов его семьи была первым шагом к депортации и, возможно, к смерти. После 1945 года не состоять в подобном списке для выживших с большой вероятностью означало лишиться собственного жилья и прописки. И в первом, и во втором случаях бюрократические росчерки определяли разницу между “настоящим” и “фальшивым” одесситом.

Отныне евреям уже не суждено было стать заметной этнической группой в городе. К моменту Всесоюзной переписи 1959 года евреи составляли лишь 12% всего населения Одесского района, включавшего город и ряд мелких городков; несмотря на некоторый рост в послевоенные годы, общее количество евреев составило лишь небольшую долю их довоенной численности. Процент постоянно уменьшался, по мере того как евреи мигрировали в другие регионы Советского Союза (или в более поздние времена уезжали искать лучшую жизнь за границей). И в центре города, и на промышленных окраинах украинское и русское население приходило на смену евреям.

Местные одесситы боялись остаться рядом с якобы жаждущими мести евреями в случае ухода румынских оккупантов, но и советские власти стремились ограничить возможность евреев возвращаться в город после войны.

Официальный антисемитизм, как скрытый, так и открытый, был характерной чертой послевоенного времени в Советском Союзе и других приобщенных к коммунизму стран Восточной Европы. Те, кого румыны полагали скрытыми

коммунистами, теперь считались людьми неблагонадежными, безродными космополитами и — особенно после возникновения в 1948 году Государства Израиль — скрытыми националистами.

Власти ополчились на религию евреев. Сразу же после войны в Советском Союзе была раздута кампания за ликвидацию *миньянов** (групп из 10 мужчин, необходимых для совершения иудейского богослужения и ряда церемоний), начавших появляться сразу после отступления румынских и гитлеровских войск. В начале 1950-х годов даже синагоги, которым было разрешено открыться после войны, опять стали закрываться. Это было составляющей набиравшего в Советском Союзе обороты перед самой смертью Сталина антисемитизма. В попытке отделить религиозное богослужение евреев от их национальных устремлений ритуальная фраза: “В следующем году в Иерусалиме” — была изъята приказом из праздничных молитв на Йом-Киппур и Песах²⁹¹.

Антисемитизм в Одессе возник задолго до вторжения армий коалиции, и он никуда не исчез, когда город снова отвоевали Советы. “Вернулись, паразиты!” — приводит Саул Боровой высказывания одесситов в связи с возвращением в город евреев²⁹². Писатель Эмиль Драйцер вернулся с родителями в город после войны и жил в Одессе в годы послевоенного восстановления. Он помнит, как его одноклассники язвительно бросали: “Все евреи предатели! Во время войны они отсиживались в Ташкенте”²⁹³. В отношении некоторых евреев подобные жестокие насмешки были отчасти справедливы, но счастье, что для них война обернулась именно эвакуацией.

Пароходы, покидавшие заполненные толпами причалы Одесского порта осенью 1941 года, увозили десятки тысяч одесских евреев в другие части Советского Союза, и это было

* Миньян необходим для того, чтобы произнесенная молитва считалась молитвой всей общины, а не была индивидуальной. Он состоит из 10 мужчин, потому что процесс реализации Воли Всевышнего, согласно Талмуду, имеет 10 субстанций.

началом процесса, которому суждено было стать в последующие годы XX века массовым исходом евреев в другие города России и Украины, а также в Израиль, Соединенные Штаты Америки и другие страны. Только в период между 1968 и 1980 годами более 24 000 одесских евреев — примерно четверть еврейского населения Одессы — навсегда покинули Советский Союз. Еще больше последовало за ними в эпоху Горбачева и после нее²⁹⁴.

Конец еврейской Одессы положил начало одесской диаспоре, которая возродила этот город далеко за пределами порта и Дерибасовской. Со временем Одесса обрела славу советской дельты Миссисипи*, уникального генератора музыки и мечтательной ностальгии и одновременно место, креативная мощь которого становится явной людям, лишь когда им удастся из него выбраться. Этот город уже обрел своего Марка Твена в лице Исаака Бабеля, писателя, сумевшего воспроизвести характерную речь, социальные нравы и яркие образы времени, о невозвратности которого многие по-настоящему сожалели. Единственное, чего не хватило Одессе, это своих Роберта Джонсона** или Мадди Уотерса***, музыкантов, обеспе-

* Дельта Миссисипи — отличная от окружающих местностей северо-западная часть американского штата Миссисипи, занимающая междуречье рек Миссисипи и Язу. Регион часто называют “самым южным местом на земле” из-за уникальной расовой, этнической, культурной и экономической истории. Именно этот регион ассоциируется с зарождением современного джаза и блюза. Жемчужина штата Луизиана, город Новый Орлеан, расположенный как раз в месте впадения реки Миссисипи в Мексиканский залив, является местом проведения самого яркого весеннего праздника Марди-Гра (традиции более ранних европейских поселенцев-французов), с красочным карнавалом, балаганами и парадами с участием ряженных и джаз-оркестров.

** Роберт Лерой Джонсон (1911–1938) — уроженец штата Миссисипи; американский музыкант и автор песен, один из наиболее известных блюзменов XX в.

*** Мадди Уотерс (1915–1983) — влиятельный американский блюзмен, считается основоположником чикагской школы блюза. Название его композиции 1950-х гг. *Rollin' Stone* было заимствовано компанией молодых английских рокеров для названия своей группы.

чивших саундтрек ушедшему прошлому. После Второй мировой войны советскому официозу и массовой культуре удалось то, о чем Бабель, застреленный сталинскими тюремщиками почти за два года до того, как румынская армия победно вошла в Одессу, не мог и мечтать: они превратили старый город в объект сладостно-сентиментального обожания.

Когда Сергей Эйзенштейн принялся за свои разрозненные поэтичные мемуары, он пребывал во власти грустных размышлений о судьбе сотен статистов фильма “Броненосец “Потемкин”, мужчин и женщин, которых он заставлял, крича в мегафон, снова вверх и вниз по ступеням Одесской лестницы. Он помнил многих из них, так как всегда старался запоминать по именам многих из тех, кто находился на съемочной площадке. Но кто был самый знаменитый участник сцены (младенец из коляски, летевшей вниз по проклятым ступеням) оставалось загадкой. “Теперь ему, должно быть, двадцать лет”, — писал Эйзенштейн в 1946 году.

“Где он — или она? Не знаю, мальчик это или девочка.

Чем он занимается?

Защищал ли, если это юноша, Одессу?

Или ее, если это девушка, угнали в рабство в Германию?

Радуется ли он, что теперь Одесса освобождена и восставлена?

Или он лежит где-нибудь далеко в братской могиле?”²⁹⁵

Любой вариант имел право на существование; в Одессе было много негодяев и много жертв. К тому моменту, как солдаты Красной армии в выцветших гимнастерках, с улыбками и с автоматами наперевес, победно вышагивали по Ришельевской улице, уже закладывался пантеон героев в народных преданиях и исторических опусах Коммунистической партии. В него вошли офицеры НКВД, как, например, Молодцов-Бадаев, прославленный командир отряда, предпринимавшего смелые вылазки из укрытий в катакомбах во время обороны Одессы; снайпер Людмила Павличенко, девушка с миндалевидными глазами, на счету которой рекордное коли-

чество уничтоженных солдат и офицеров противника; Яков Гордиенко, ученик средней школы, той самой, которую большевики отделали мрамором взорванного Преображенского собора, передавал секретные сведения подпольщикам и был расстрелян фашистами в 1942 году.

В каждой из этих историй немало правды. Партизанские отряды, оснащенные и направленные из Москвы, занимались подрывной деятельностью в первые месяцы румынской оккупации. Однако послевоенные легенды о самопожертвовании и отчаянной храбрости зачастую выдвигали на первый план малозначимых для военной Одессы фигур, выставяя статистов на главные роли как несколько запоздалое свидетельство героического сопротивления города фашистам и иноземным оккупантам.

В восстановленной Одессе мемориальные плиты и памятники были выставленными напоказ суррогатами более частных и весьма неоднозначных воспоминаний. Квартира, где партизаны вынашивали планы операций, и здание, откуда советское командование руководило обороной Одессы, стали привычными мемориалами не вполне памятного героизма. Эти сказания о жертвенности и подвигах выставлены на всеобщее обозрение в новом Музее обороны Одессы, который ежегодно посещают десятки тысяч человек²⁹⁶.

Одесса наряду с Ленинградом, Севастополем и Сталинградом стала одним из первых четырех советских городов, удостоенных звания города-героя. Ленинград почти два с половиной года выдерживал беспощадную осаду немцев. Севастополь в течение девяти месяцев находился под артобстрелом. Сталинград стал для немцев тем самым плацдармом, на котором их армии на Восточном фронте был нанесен сокрушительный удар. В этом прославленном ряду Одесса смотрится странно. Большая часть населения города в войну благополучно эвакуировалась на восток. Многие из оставшихся, активно или сцепив зубы, изыскивали пути сотрудничества с румынскими оккупантами. Кроме того, Одесса была един-

ственным крупным советским городом, куда вторглись не солдаты фашистской Германии, а иные войска. И хотя положение мученицы в ее случае несколько сомнительно, она все же была удостоена особого статуса.

Со временем город-герой затмил реальный город. Советские книги о сопротивлении и доблести возвестили о полном соскальзывании Одессы в область ностальгии. Миф о ее судьбе в годы войны был теперь вплетен в новую систему образов, призванных описывать этот город как обитель содружества наций, солнечных пляжей, псевдосредиземноморской игривости, а также жизнелюбия, лишь издали напоминавшего еврейское. Как наполненное солнцем место отдыха народа, Одесса становилась такой же знаменитой, как и в своем задуманном Екатериной.

Процесс перекраивания Одессы начался еще до ее освобождения. Герман Пынтя замышлял реконструировать одесскую Оперу, Георге Алексяну искал наиболее эффективный способ выкачивания прибыли из Транснистрии. Вот и Советы во время войны создали новый фильм об Одессе. Произведенный на Ташкентской киностудии, в прибежище режиссеров и актеров кино, эвакуированных с разных концов Советского Союза, фильм “Два бойца” стал неувядаемым образцом пропаганды военных лет. Картина представляет собой советское подобие средних голливудских фильмов, со временем оттесненных на задний план лентами с претензией на размах: десятком ярких ролей Эррола Флинна* и Джона Уэйна**, привнесших более сложные характеры в макетные морские баталии и проповеди патриотизма.

* Эррол Флинн (1909–1959) — голливудский актер, Его амплуа — романтические и отважные герои в приключенческих и военных фильмах (“Капитан Блад”, “Приключения Робин Гуда” и др.).

** Джон Уйэн (1907–1979) — голливудский актер, прославившийся исполнением ролей сильных личностей — ковбоев и героев вестернов (“Долгий путь домой”, “Рио-Гранде”, “Аламо”). Одно время актера считали эталоном американского патриотизма, его имя стало символом стопроцентного американца и супергероя.

В фильме рассказывается история о двух бойцах — Аркадии Дзюбине и Саше Свинцове и об их приключениях во время блокады Ленинграда. Двух товарищей связывают тесные узы солдатской дружбы особого склада. Дзюбин язвительными колкостями порой приводит Свинцова в ярость, при этом Свинцов готов рисковать жизнью, спасая друга. Дзюбин, по сути, преданный товарищ. Когда онемевший от смущения Свинцов не может объясниться с понравившейся ему девушкой, прекрасной блондинкой с чарующей улыбкой, Дзюбин начинает тайком писать девушке от имени Свинцова любовные письма, завоевывая ее сердце для товарища.

Когда фильм вышел на экраны в 1943 году, критики встретили его прохладно. Сценарий слабоват, если не сказать больше, и музыкальные вставки не слишком органичны. Но советский зритель в тылу вскоре уже мурлыкал мелодии из фильма и хохотал над комичностью персонажей. Фильм оказался тем самым впрыскиванием хорошего настроения, что было так необходимо. По словам поэта Евгения Евтушенко, на экране были не просто актеры, “а настоящие, живые люди”, проходившие через те же невзгоды и радости, что их соотечественники²⁹⁷.

Посмотревшие этот фильм не могли не уловить его основной идеи. Свинцов был парнем с Урала, того рубежа, за пределы которого устремились в середине войны миллионы советских граждан в поисках убежища. Дзюбин был уроженцем Одессы, южного советского рая, который ныне оказался под фашистской пятой. Оба друга были из разных частей страны, но сражались за общее дело: Свинцов — чтобы удержать все то, чего достиг Советский Союз, Дзюбин — чтобы вернуть все то, что захвачено вражескими оккупантами. Помимо патриотической идеи в основе фильма очевидно желание, разделяемое множеством его зрителей: простое желание, чтобы закончилась война и можно было вернуться домой. На протяжении последующих 50 лет,

если кого-нибудь из советских граждан спрашивали, кто, на их взгляд, олицетворяет Одессу, они скорее всего называли Аркадия Дзюбина. Многие из сегодняшних русских кинозрителей, испытывающих ностальгию по фильмам своих отцов и дедов, ответили бы так же. И в их представлении Дзюбин ассоциировался с внешностью актера, создавшего этот образ.

Марк Бернес отлично подходил для этой роли. Этот человек с широким, открытым лицом с рано обозначившимися морщинами, обычно признаками умудренного опытом зрелого возраста, советский аналог Уильяма Холдена* или Хамфри Богарта**, и одновременно со смешинкой в глазах и с чуть сдерживаемым юмором, характерными для Спенсера Трейси***. При этом Бернес не был одесситом и никогда не утверждал, что он одессит, — по крайней мере до той поры, пока не сыграл одессита в кино.

Марк Бернес родился в сентябре 1911 года в небольшом городе Нежин Черниговской губернии на северо-востоке Украины.

Семья его была, вероятно, еврейского происхождения — поклонники Бернеса, разумеется, убеждены в этом, — хотя сам Бернес предпочитал говорить о своих предках как о жителях Украины и не связывать свое происхождение с какой-либо этнической средой. Его отец был служащим артели по сбору утильсырья. Основной властью в семье обладала мать,

* Уильям Холден (1918–1981) — голливудский актер, лауреат премии “Оскар” за главную роль в фильме “Концлагерь 17” (1953).

** Хамфри Дефореест Богарт (1899–1957) — голливудский актер, которого Американский институт киноискусства назвал лучшим актером в истории американского кино. Особенный успех и популярность принесла Богарту главная роль в фильме “Касабланка” (1943), где его партнершей была знаменитая Ингрид Бергман.

*** Спенсер Трейси (1900–1967) — крупнейший американский актер театра и кино. Среди лучших его работ в кино — главные роли в фильмах “Старик и море” (1958), “Процесс в Нюрнберге” (1961), “Этот безумный, безумный мир” (1963).

которая и в суровые годы умудрялась сводить концы с концами. Она мечтала, чтобы сын стал либо счетоводом, либо скрипачом, но тот ни на одном из этих поприщ не оправдал ее надежд.

Марка с ранних лет привлекали выступления на публике, и, хотя высшего театрального образования он так и не получил, он обладал несомненным вкусом к песням и народным песенным текстам, которыми изобилдовал его родной край.

В 15 лет Марк впервые увидел театральную постановку и был пленен сценой. Став расклейщиком театральных афиш, он сумел устроиться статистом в несколько театров. Театральные успехи увлекли его в Москву, и в 1930 году он получил место в знаменитом театре Корша.

Более 10 лет Бернес оставался малоизвестен вплоть до момента, когда ему было предложено пройти пробы на роль Дзюбина. Бернес прошел пробы, а через две недели его вызвали, сообщив, что роль досталась ему. С этого момента для молодого артиста началась, по его собственным воспоминаниям, настоящая солдатская жизнь. Чтобы вжиться в роль, Бернес ходил в солдатской форме, ел то же, что и солдаты на фронте. В госпиталях, слушая говор одесситов, усваивая их интонации и выговор, учился произносить “г”, как “х” и повышать тон в конце предложений, при этом, как правило, поводя плечами и поджимая губы. Но лишь когда неумелый парикмахер обкарнал ему волосы, “чтобы они стояли торчком на одесский манер”, Бернес окончательно понял, что готов к исполнению роли²⁹⁸.

Советский человек видел в образе, воплощенном Бернесом, — себя, такого, каким хотел бы быть. Герой Бернеса — патриот, воюющий с захватчиками, даже в самые трудные моменты его не покидают добродушие и чувство юмора. Все это воспринималось как свойства национального характера. Одессит Бернеса стал общесоветским типом. Русские и украинцы видели в нем веселого и отважного героя, преисполненного любви к родине, всем сердцем желавшего, чтобы война

закончилась. Для других еврейское происхождение Дзюбина было хотя и скрытым, но очевидным. “Видали мы ваших одесских!” — презрительно говорит один артиллерист Дзюбину. Что именно он имел в виду, было, должно быть, ясно и евреям, и не-евреям, смотревшим кино. “За какую Одессу ты говоришь? — взрывается в ответ задетый Дзюбин. — ...За женщин и детей под германскими бомбами?.. Ты Одессу не тронь. Там горе и кровь!”.

Качества, которые себе приписывали одесситы, — космополитизм, свободолюбие и стойкость, — теперь, как никогда прежде, были присвоены огромной страной, частью которой являлись одесситы. Когда-то этот город был местом укрытия, изгнания и прибежищем искателей приключений. Теперь благодаря чудесной силе кино и военному времени каждый советский человек мог вообразить себя хоть немножечко одесситом.

Одна из песен, звучащих в фильме, “Темная ночь”, слащаво-сентиментальна, но она трогала душевные струны советских людей, испытавших потрясение от вторжения вражеских сил, когда близкие теряли друг друга при приближении фронта, когда годам лишений и бедствий, казалось, не было конца. Другая популярная песня из фильма, “Шаланды”, закрепила за Бернесом звание настоящего одессита. “Шаланда” — русское название широкой плоскодонной шлюпки*, с которой черноморские рыбаки сгружают свой улов. Эта веселая незатейливая песенка про гуляку-моряка Костю, обхаживающего рыбачку Соню. Первая строчка — “Шаланды, полные кефали...” — кажется нелепой для популярного жанра. Но так и хочется покачать пивной кружкой в такт хору: “Я вам не скажу за всю Одессу,/ Вся Одесса очень велика./ Но и Молдаванка, и Пересыпь/ Обожают Костю-моряка”. Все это, разумеется, полная чушь, но это чушь одесская, и в годы страха и невзгод

* Слово “шаланда” восходит к французскому *chaland* — баржа.

эта песенка, подобно *Yankee Doodle** или *Waltzing Matilda***, способна была вызвать у людей улыбку или даже слезы.

Картина “Два бойца” имела ошеломительный успех у советских зрителей, в отличие от весьма скромного приёма, который встретил “Броненосец “Потемкин”, вышедший на экран почти за 20 лет до этого. Дзюбин стал прообразом советского солдата, парня, который не щадя сил сражается за родину и одновременно с жадной тоской ждет встречи с любимой.

За эту роль правительство наградило Бернеса орденом Красной Звезды. Письма поклонников говорили о том, какое глубокое воздействие произвел фильм на жизнь каждого. “Спасибо Вам от благодарной зрительницы, — писала одна из почитательниц Бернеса почти через 20 лет после премьеры фильма. — Посмотрев фильм, я решила, что мне нужен именно такой муж, как Аркадий Дзюбин. Со своим будущим мужем я познакомилась восемнадцать лет назад, когда он демобилизовался. Мы некоторое время встречались, потом поженились. Мы прекрасно живем, у нас двое детей. Словом, я самая счастливая женщина в мире. Вы замечательный артист, Марк Бернес!”²⁹⁹

Однажды вечером после выхода фильма Бернес появился на сцене клуба культуры города Куйбышева, чтобы рассказать собравшимся, как он работал над ролью Аркадия. Он вспоминал о своем детстве на Украине и вскользь упомянул, что в Одессе никогда не бывал.

— Неправда! — выкрикнул чей-то голос из задних рядов.

— По-моему, кто-то со мной не согласен? — удивился Бер-

* *Yankee Doodle* — национальная песня США, воспринимаемая в патриотическом ключе, хотя изначально носила чисто юмористический характер. Тривиальная мелодия была заимствована из английской песенки XVII в., распеваемой в насмешку над Кромвелем.

** *Waltzing Matilda* — популярная в Австралии народная песня, считающаяся неофициальным гимном страны; по мнению исследователей, ее мотив заимствован из старинных шотландских баллад.

нес. — Странно, что кто-то может считать, будто знает об этом больше, чем я, который сыграл эту роль. Может, этот человек объяснит, что имеет в виду?

В проход вышел молодой человек в новенькой, с иголочки, офицерской форме.

— Это я! — сконфуженно произнес он. — Только можно я чуть позже вам все объясню?

После завершения программы вечера офицер появился за сценой и сказал, что сам он родом из Одессы. На него такое сильное впечатление произвел фильм “Два бойца”, что он сказал своей жене и ее родне, что Бернеса знает с детских лет, что они с ним вместе загорали на пляже и гоняли бездомных кошек на Молдаванке. Обман сходил парню с рук до тех пор, пока Бернес, увы, не обмолвился во всеуслышание со сцены, что он не одессит³⁰⁰.

Со временем Бернес стал одним из выдающихся исполнителей жанра, именуемого у русских французским словом *chanson* — смеси тоски по неразделенной любви, псевдоромантизма тюремной лирики и минорной славянской грусти. Когда Бернес скончался в 1969 году, казалось, часть Одессы умерла вместе с ним. Как писал один из его биографов, Бернес олицетворял собой самую суть Одессы: “Блестящий юмор, иронию в сочетании с нежной, почти сентиментальной душевностью; а также открытость и простоту, сквозившие во внешне резких суждениях”³⁰¹.

Бернес был одной из тех звезд советской эстрады, которые принадлежность к Одессе сделали своей профессией. Некоторые действительно были уроженцами города. Грузный и добродушный, как Фальстаф, Леонид в, по происхождению одесский еврей и один из основателей советского джаза в 1930-е годы, сумел уцелеть и в эпоху сталинизма, и в годы войны. Он выступал с концертами на фронте и подбадривал уставших от войны солдат собственной версией “Шаланд” и другими песнями. Утесов продолжал оставаться центральной фигурой и в послевоенном распространении мифа о старой

Одессе по всему Советскому Союзу, включая и легенду, будто бы мода на джаз родилась в горниле одесских бандитских притонов, клезмерских оркестриков* и портовых пивных. “В Одессе всего много, — пишет Утесов в приторно-речистых воспоминаниях, — но больше всего музыки. Петь начинают с утра.

Наш двор, например. Летнее утро. Ласковое одесское солнце. Воздух — напиток. Если его пить, закусывая дарами земли, получается неплохо. А дары сами идут к тебе. Каждый двор по утрам — базар. Музыкальный.

— Кавуно-ов, на разрез кавуно-ов! — истошно орет бас.

Вишня спела, вишня зрела —

Три копейки фунт.

Мадамочки, спешите,

Тарелочки несите.

Три копейки фунт!

Мадамочки, я вам,

Ой, дешево отдам —

Три копейки фунт!

В этой арии надрывно заливается тенор. Потом в дуэт вплетается баритон:

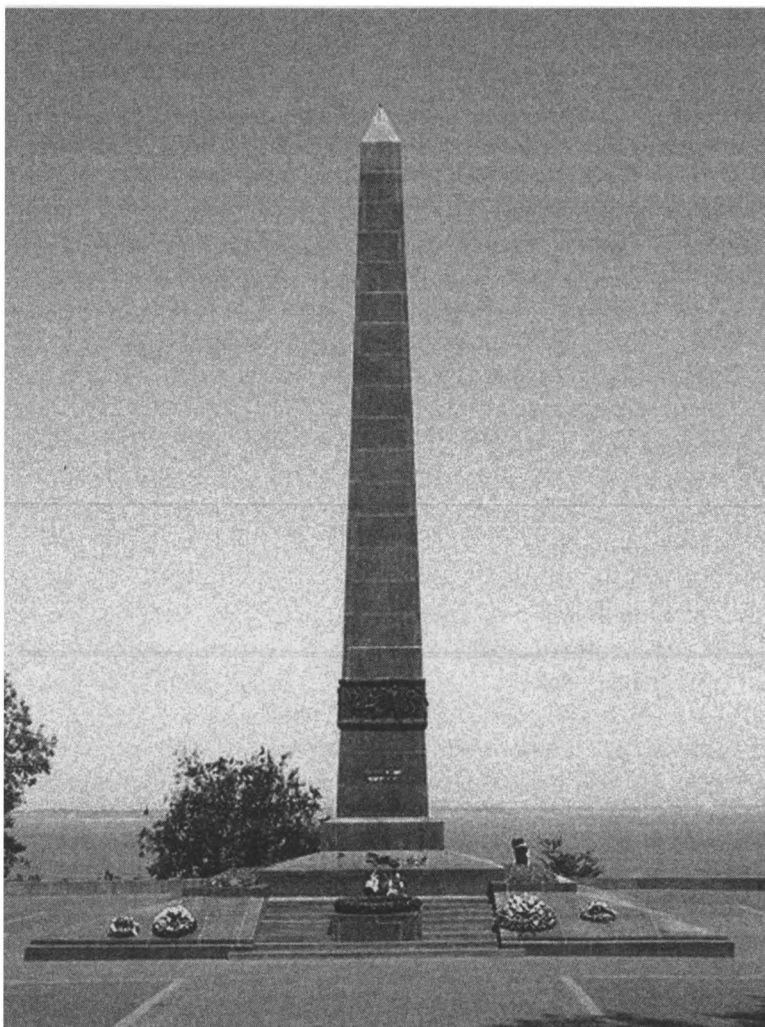
— Са-ахарно моро-ожено!

— Точить ножи-ножницы! Бритвы править!..

Нет ничего удивительного, что я полюбил музыку с детства”³⁰².

Оркестр Утесова, как и его проза, обладал способностью переносить слушателей в более приятную, более веселую атмосферу, хотя и пребывая в ней, как правило, люди не за-

* Клезмеры (от *кли-змер*, т.е. музыкальный инструмент) — еврейские народные музыканты; играли чаще всего в бродячих ансамблях (капеллах) из трех-пяти исполнителей на свадьбах, бар-мицвах, гуляньях, ярмарках. Ведущий инструмент (скрипку, реже какой-либо иной) в различных сочетаниях дополняли цимбалы, контрабас, кларнет, труба, флейта, барабан с тарелками. По некоторым сведениям, клезмерами впервые стали называть в XIX вв. музыкантов в еврейских общинах Германии и соседних стран.

Памятник Неизвестному матросу

бывали, что можно поскользнуться или попасть на крючок властям. Современник Утесова, писатель Константин Паустовский, преисполненный лиризма, описывал свое детство в Одессе, а в своих рассказах и автобиографических повестях демонстрировал уже новое послевоенное поколение советских людей массе ловкачей и алчущих аудитории остроумцев всех национальностей.

Казалось бы, ничего не изменилось за годы между эпохой Бабеля и послевоенным временем. Первая мировая война, сталинизм, бомбардировки и оккупация, истребление одесских евреев — все это кануло в неизвестность под пеленой романтических воспоминаний и выборочного забвения. Нынешний город-герой снова стал оплотом симпатичных, разнужданных антигероев.

Музыка Утесова, как и его нагловатые мемуары, опубликованные в 1960—1970-х годах, были чрезвычайно популярны у советских слушателей и читателей. Как и рассказы Паустовского, они создавали некий мир, которого никто, в сущности, не помнил, но именно поэтому творчество обоих имело такое сильное воздействие. Что бы ни было утрачено в первой половине века, теперь, во второй его половине, утраченное может возвратиться в воспоминаниях нового типа, в более привлекательном, позолоченном облике.

Начиная с середины 1960-х и до середины 1980-х годов по крайней мере 10 известных советских кинорежиссеров брали местом действия своих фильмов старую Одессу (эпохи Первой мировой войны и 1920-х годов) или же имели героя с одесской родословной. «Одесские рассказы» Бабеля впервые с 1930-х годов были переизданы именно в этот период, равно как и романы Ильфа и Петрова, повествующие о подвигах махинатора Остапа Бендера. Общий тираж их книг к концу 1970-х годов доходил до 5 000 000 экземпляров³⁰³.

Как и сам миф о городе-герое, не все, о чем писал Паустовский, о чем пел Бернес и что предлагал публике Утесов, было неправдой. Но начиная с 1950-х годов их творчество сдела-

лось частью растущей литературной, кинематографической, культурно-массовой и туристической индустрии: это была подмена истории и памяти ностальгическими воспоминаниями. В годы власти Хрущева и Брежнева государственный служащий или рабочий мог, получив путевку, во время отпуска отправиться к Черному морю и расположиться в одной из гостиниц, санаториев или пансионатов. Можно было осмотреть знаменитую лестницу и памятник Пушкину в конце Приморского бульвара (так был переименован променад, известный в царское время как Николаевский бульвар), а если вы были членом официальной делегации, то могли бы возложить цветы к памятнику Неизвестному матросу в парке Шевченко. С автобусной экскурсией можно было отправиться к катакомбам, расположенным в близлежащей сельской местности и отмеченным изваянным в стиле соцреализма памятником борцам-подпольщикам в фуфайках и кепках с автоматами наготове.

Во время концертного сезона залы Одесской оперы, а также Одесской филармонии, расположившейся в роскошном, мавританского стиля здании бывшей биржи, были заполнены гражданами, которым внушалось, что на советском юге высокая культура и пляжный отдых так прочно слиты воедино, как капиталистам Запада и не снилось. «Лучший вид отдыха — туризм, — написано в типичном советском путеводителе по Одессе. — Путешествие по туристическим маршрутам всегда обогащает интеллект, помогая человеку глубже познать прошлое и настоящее нашей Родины и доставляя поистине эстетическое наслаждение... Вот почему в нашей стране из года в год растет и ширится армия туристов»³⁰⁴. Подобную армию можно было наблюдать каждый вечер на закате дня: загорелая, растрепанная, она неторопливо перемещалась туда-сюда по Дерибасовской.

Свежие фрукты и овощи можно было купить на расположенном неподалеку базаре Привоз круглый год, что было неслыханно для прочих советских городов. Громадные бло-

Памятник Леониду Утесову

шинные рынки процветали на Молдаванке даже в годы, когда подобная неофициальная торговля не слишком поощрялась.

Приезжему приходилось проявлять крайнюю осмотрительность. Преступность оставалась проблемой. Советский турист знал, что его могут ограбить или пырнуть ножом даже в центре города, хотя в пригородах такое случалось относительно редко.

А если бы приезжий заглянул в городскую библиотеку, то не обнаружил бы изобилия книг из еврейского наследия. Библиотекари изыали многие из них, боясь обвинений в пропаганде сионизма³⁰⁵. Шаткие связи города с его еврейскими корнями сохранялись даже тогда, когда в нем оставалось не так уж много евреев для выяснения отношений.

Особенности одесской ностальгии коренились в XIX веке; ощущение, что лучшие времена остались в прошлом, окраши-

вало артистическую и культурную жизнь города со времени губернаторства Воронцова. Но теперь Одесса-мама – притягательный образ ласкового города-матери, воспетый советскими эстрадными певцами и писателями, – стал суррогатным аналогом запутанных отношений, характерных для города в первой половине XX века. Советская версия одесского патриотизма заслонила более мрачное ближайшее прошлое: тот неоспоримый факт, что еврейское наследие, завуалированно проявлявшееся в бесчисленных рассказах, романах, пьесах, фильмах, юмористических сборниках, концертах, опереттах и соленых шутках, было старательно стерто из активной памяти тех, кто теперь старается его возродить.

Сегодня центром туристической Одессы по-прежнему является Дерибасовская улица. Кафе неформалов, украинские рестораны, торговля мороженым и уличные артисты уживаются на ней с шокирующей поступью глобализации: ирландским пабом, “Макдональдсом” и даже с таким всеобщим атрибутом космополитизма XXI века, как группа выходцев с Анд со своими свирелями. Улица преобразилась по сравнению со своим более чистым и степенным видом в советские времена, но и тогда Дерибасовская была оазисом, куда устремлялись все, чтобы прийти в себя после знойного пляжного солнца или вынужденных посещений мест боевой славы.

В какой-то степени возбуждение и суета туризма по-советски еще ощущается рядом с Дерибасовской, в городском саду – в этом небольшом, с подстриженными кустарниками зеленом пространстве под тенистыми, самыми красивыми и величавыми в городе деревьями. Сад был заложен вскоре после основания города. Более двух столетий он служит надежным якорем для оживленной жизни улицы. В теплое время года сюда навешиваются свадебные кортежи. На летней веранде играет духовой оркестр. На скамейках молодые пары не сводят друг с друга влюбленных глаз или флиртуют.

Но есть здесь и две достопримечательности, относящиеся к постсоветскому периоду.

Одна — стул, другая — бронзовый толстяк, сидящий на бронзовой скамейке. Обе скульптуры, каждая в своем роде, являются памятниками всемогущей мечте и вымыслу. Первая вызывает в памяти образ одессита на все времена Остапа Бендера, придуманного авторами романов “Двенадцать стульев” и “Золотой теленок” Ильфом и Петровым героя-жулика: этакое олицетворение восточного коварства и непомерных амбиций, в орбите плутовских деяний которого оказался поиск 12 стульев, в одном из которых якобы были зашиты неимоверные сокровища. Второй памятник посвящен джазмену Леониду Утесову; рукой он как бы предлагает любому прохожему присесть рядом или вместе сфотографироваться.

Хотя оба памятника были созданы после крушения Советского Союза, они успели засиять от прикосновения множества рук, желающих прильнуть к ним или погладить бронзовую поверхность на счастье. Памятники Бендеру и Утесову — одни из немногих достопримечательностей Одессы (а может, и всей Украины), возле которых посетители обычно вежливо и дисциплинированно выстраиваются в очередь, чтобы запечатлеть снимком сопричастность известнейшим сынам города. Однако на небольшом пространстве между ними, между целиком выдуманной и с энтузиазмом воплощаемой жизнью, лежит прошлое реальной Одессы — города, который, как вдохновенная клейзмерскими мотивами музыка Утесова, остается в огромной степени импровизацией, с резкими переходами от соло к хору. Импровизацией, грозящей вырваться из-под контроля.

Сумерки

Войдя в “Брайтон-экспресс” на станции “Атлантик-Авеню”, я присел рядом с пожилым мужчиной; у него был крупный в венах нос, на коленях застыл в стоячей позе маленький пекинес.

— Это поезд до Шипсхед-Бей? — спросил он, по-русски выговаривая “шипсхит бей”, когда мимо понеслись кирпичные здания и каркасные домики окраинного Бруклина.

Я сказал, что да и что дам ему знать, когда станем подъезжать к станции.

— Так вы говорите по-русски, — проговорил старик. — Я смотрю по виду, вы русский. Не как эти. — Поморщившись, он помахал кистью руки в сторону двух сухопарых латиноамериканцев в темных очках и в дредлоках*, сидевших напротив и переговаривающихся во весь голос.

Старик сказал, что 10 лет назад эмигрировал из Одессы, но учить английский ему на новой родине практически не потребовалось. Сначала он жил южнее по линии метро на

* Дредлоки, дреды (от англ. *dreadlocks* — устрашающие локоны) — прическа, напоминающая гриву льва, возникшая в разных частях мира во II тысячелетии до н.э. и вернувшаяся в наши дни; волосы заплетаются во множество прядей, которые долгое время сохраняют такую форму.

Брайтон-Бич, где было совсем просто, кругом одни русские, но недавно он переехал.

Когда поезд подкатил к его остановке, старик заковылял с собачкой на поводке к разъезжавшимся дверям вагона, походя сообщив, что в его новом районе народ “поаристократичней”. И тихонько прибавил, опять-таки по-русски, что сейчас их (он мотнул головой в сторону латиноамериканцев, сидящих напротив), развелось слишком много.

Но всего лишь в одной остановке метро отсюда Брайтон-Бич, казалось, заполнен такими же людьми, как этот старик. Вдоль дощатого прогулочного настила на деревянных скамьях сидели престарелые жители района, уже слегка покрасневшие в жаркий весенний день: мужчины в расстегнутых рубашках, слегка расставив ноги; женщины, прикрыв глаза и выставив к солнцу лицо. Мягкие летние шляпы и пластиковые носики предохраняли их от апрельского солнца. Иногда порывы прохладного ветра, задувавшего с запада, со стороны высоток и вздымавшихся “американских горок” Кони-Айленда, оведали плоское и влажное песчаное побережье. Вывеска магазинчика гласила на русском: “Мороженое на любой вкус”, ниже великодушно и с определенной находчивостью предлагая перевод: *The Most Tasteful Ice Cream in Town* (Самое вкусное в городе мороженое).

Плакат на Брайтон-Бич
в Бруклине

“В Одессе чувствуется запах Европы”, — писал когда-то Пушкин. На Брайтон-Бич вы ощутите запах Одессы. Вы почувствуете его тотчас же, едва сойдете на улицу с высокой платформы метро: просоленный, рыбный воздух моря, пары застарелого масла для жарки, сладковатый аромат перезревших фруктов, тяжелый, отдающий машинным маслом шлейф паров бензина, резкие нотки укропа и петрушки, спиртовый привкус дешевых духов и агрессивная доминанта ядерного пота — все сплелось, как чеснок в косицу; не поймешь, где началось, с чего пошло. Здесь вся необычность, вся абсурдность Одессы.

Кофейни *Starbucks* несуразно вклинились между “Детским миром” и Тель-Авивским рыбным рынком. Колонна старушек с тележками катит себе прямо под спящими поверху поездами метро.

На майках туристов Брайтон-Бич обозначен теперь как *Little Odessa by the Sea* (Маленькая Одесса у моря), что показалось бы дикостью основателю этого района. Уильям Э. Энгеман, увидев это место, смекнул что к чему. Богатый владелец железных дорог и торговец оружием, наживший состояние продажей его обеим воюющим в Гражданской войне сторонам, Энгеман закупил в 1868 году несколько сотен акров земли на океанском побережье неподалеку от городка Грейвсенд рядом с Бруклином. Вскоре после Гражданской войны эта территория уже активно осваивалась, когда ньюйоркцев в поисках отдохновения от сажи и мрака Манхэттена повлекло на девственное океанское побережье к югу от Бруклина.

Однако Энгеман не спешил с освоением земли. Кони-Айленд и Манхэттен-Бич уже выросли в главные центры притяжения. Оказавшись между ними, проект Энгемана не имел больших шансов превзойти знаменитые курорты. Энгеману требовалась новинка, и в конце концов он кое-что придумал. В дополнение к пирсу, отелям, а затем и к прогулочному променаду он создал места для досуга: концертный зал, павильон и театр, располагавшийся в конце набережной длиной

в полкилометра и разрекламированный как “самый красивый в мире театр на берегу океана”, а также, используя свои связи с Таммани-Холл*, — ипподром.

Талант Энгемана состоял не в том, чтобы открыто конкурировать с предприятиями соседей, реклама которых всегда была грандиозней. В его тактику входило создание доступных увеселительных заведений, притягательных для масс. По мере роста популярности своей идеи Энгеман организовал общественный конкурс на лучшее название для нового места. Победителем оказалось Брайтон-Бич, проистекавшее из названия известного курорта на южном побережье Англии.

Ко времени кончины Энгемана в 1897 году на Брайтон-Бич толпами валил народ — правда, не совсем тот, который желал бы увидеть автор проекта. Энгеман намеревался сделать Брайтон-Бич более респектабельным, семейным видом отдыха, чем соперничающий с новым курортом Кони-Айленд: местом отдыха и досуга для нью-йоркского среднего класса и ни в коем случае не для сброда, наделившего некоторые кварталы прибрежного Бруклина скверной репутацией. Проще говоря, Энгеман под нежелательной публикой имел в виду прежде всего евреев. Однако в наступившем столетии как только падали цены на недвижимость или таяло население, очередная волна еврейских переселенцев успевала этим воспользоваться и оказывалась на Брайтон-Бич.

На рубеже XX столетия евреи с Нижнего Ист-Сайда начали перебираться на Брайтон-Бич, ища замену перенаселенной Делэнси-стрит. Пансионы и бунгало вырастали вдоль трех главных улиц района впритык друг к другу и образуя небольшие, но разделенные достаточными промежутками, определяющими их пределы, 15 кварталов.

Самая большая волна еврейских иммигрантов нагрянула из Российской империи после погромов 1903—1905 годов,

* Имеется в виду штаб-квартира Демократической партии в Нью-Йорке, обладавшая огромным влиянием на выборах в Конгресс и муниципалитет, а также на государственное и городское хозяйство.

главным образом из Одессы и пограничных областей Украины. В 1918 году старый мюзик-холл на Брайтон-Бич, в веде-виях которого принимали участие великолепные артисты, был преобразован в театр, где ставили пьесы на идиш. Это был первый в США еврейский летний театр. В нем играл из-вестный еврейский актер Джейкоб Адлер, а также трагедий-ная актриса Дженни Гольдштейн, ведущий актер Давид Кес-слер и много других исполнителей, в том числе 20 девушек, составляющих еврейский кордебалет, выступавший и на сце-не старого мюзик-холла, а также композитор и дирижер Ио-сиф Румшинский*, которого называли Ирвингом Берлином** театра идиш³⁰⁶.

Волны еврейской иммиграции продолжались: одна — по-сле Холокоста, когда выжившие обнаружили, что Брайтон-Бич не просто пристанище, а место, где полным-полно евреев со всех концов Европы; вторая волна — после краха Совет-ского Союза, когда евреи и не-евреи эмигрировали с Украи-ны, из России, Грузии, других республик бывшего СССР, получив возможность создать в миниатюре нечто подобное тому, что оставили позади. На авеню и прилегающих к ним улицах Брайтон-Бич русский язык сменил идиш. Вскоре нью-йоркским полицейским было предложено посещать беспла-тные курсы русского языка, организованные местной Ассоциа-цией молодых христиан (YMCA)³⁰⁷.

По одним данным, примерно три четверти новых имми-грантов на Брайтон-Бич приехали с Украины, главным обра-зом из Одессы и других черноморских городов³⁰⁸. С 1970-х годов журналисты стали называть это место Маленькой

* Иосиф Румшинский (1881—1956) — композитор, театровед. В США с 1904 г. Создавал музыкальные номера и оперетты для еврейского театра. Многие его мелодии стали популярными песнями.

** Ирвинг Берлин (1888—1989) — американский композитор (попал в Нью-Йорк в 1893 г., когда его семья из России переехала в США), автор более 900 песен (в том числе неофициального гимна США *God Save America*), 19 мю-зиклов и музыки к 18 кинофильмам.

Одессой, и она, как и ее тезка, явилась питательной средой интеллектуалов, со смешанными чувствами оглядывающихся назад на родной город. Пьеса Нила Саймона “Воспоминания о Брайтон-Бич” — одно из наиболее известных произведений о прежнем детище Энгемана; местная высшая школа имени Авраама Линкольна дала образование разным деятелям культуры, как более, так и менее известным — от Артура Миллера* и Джозефа Хеллера** до Мела Брукса*** и Нила Даймонда****. “Они шлют нам своих евреев из Одессы, — якобы говорил известный скрипач Исаак Штерн по поводу иммиграции и культурного обмена из Советского Союза, — а мы шлем им наших евреев из Одессы”, — имея в виду обучавшихся в Америке музыкантов, писателей и артистов с дальними (или воображаемыми) одесскими корнями³⁰⁹.

Успешность и чудакость были в равной степени прищипаны в Брайтон-Бич, и Одессе. В начале XX века летние толпы, нагрянувшие сюда сразу после того, как была проведена к побережью железная дорога, увидели перед собой пыльное и грязное место с немощеными улицами, но с массой народу, притекающего через Бруклин подышать морским воздухом и посмотреть какое-нибудь представление.

Местные евангелисты открыли лавку для спасения любителей пляжа от самих себя. “Бруклин Игл” с прискорбием сооб-

* Артур Миллер (1915–2005) — американский драматург; родился в Нью-Йорке в еврейской семье иммигрантов из Австрии. Многие его пьесы с успехом шли на Бродвее. В советских театрах были поставлены его пьесы “Все мои сыновья”, “Смерть коммивояжера”, “Сейлемские колдуны” и др.

** Джозеф Хеллер (1923–1999) — американский прозаик; родился в Коннектикуте в бедной еврейской семье выходцев из России; автор сатирических романов “Что-то случилось” (1974), “Чистое золото” (1979) и других. Особую известность приобрел его роман “Уловка 22” (1961).

*** Мэл Брукс (р. 1926) — американский режиссер, сценарист и актер; родился в Нью-Йорке в семье недавних иммигрантов из бывшей Виленской губернии (тогда на территории Польши); известен кинопародиями и фильмами-фарсами.

**** Нил Даймонд (р. 1941) — американский певец, автор песен, гитарист и актер; родился в Бруклине в семье еврейских иммигрантов из Польши.

щал в конце лета 1916 года, что учение Христа приняли всего 379 человек, и за последние четыре года еще 762 352 человека заслушали чтение Евангелия во время их духовного приобщения под открытым небом группой лиц, при главном участии “корнетистки мисс Мэрион Бушнелл”; низкая выручка от выступления не умалила энтузиазма мисс Бушнелл и ее коллег³¹⁰.

Этот район знал взлеты и падения — расцвет культуры идиш в 1920-х, рост населения в середине XX века, упадок и отток населения в 1960—1970-е, вторжение русских в годы перестройки и после нее. Однако здесь всегда бурлила пестрая, цветистая уличная жизнь. Даже чокнутые эксцентричные нарушители спокойствия, толпами бродившие по Брайтон-Бич-авеню в 1980-е годы, прозванные кое-кем из местных *мише гоим* (психованные гои), — и те, как известно, немного говорили на идиш.

Сегодня Брайтон-Бич похож на Одессу куда больше, чем его пропагандисты могли бы вообразить. Это по-прежнему место громкоголосой речи и обилия еды, где прогулка по пустынному променаду в морозный и пасмурный январский день стала такой же особенностью жизни города, как и заполненные до отказа пляжи в июльский полдень. Ароматы кнышей, хинкали и множества вариаций мяса с булкой, луком и чесноком плывут по улице, точь-в-точь как на Дерибасовской. Но Брайтон-Бич — это место, вклинившееся между реальностью и памятью. Это прежде всего пристанище пенсионеров, что очевидно в межсезонье, когда кажется, что здесь, как нигде еще, кроме Флориды, много прогуливающих и инвалидов на колясках. Жизнь во всех прибрежных городках отчасти оживляется в сумерки, вечно соответствующие самому преклонному возрасту; но посреди оживленного или пустынного променада на фоне поблескивающих на морском ветру огней Кони-Айленда явственно проступают тени дальней тески Маленькой Одессы.

Одесса теперь, оказавшись в новом государстве при менее обременительном наследии своего далекого прошлого и уже

не претендуя на звание города будущего, во многих смыслах сама стала городом сумерек. Но за более чем два столетия Одесса сумела создать особую, сотканную из терний, культуру этого места, способ существования, усвоивший творческие и деструктивные уроки жизни в переходный период.

Ришелье и Воронцов считали Одессу нетронутой палитрой красок, с помощью которой они могли воплотить собственное видение современности и культуры. Пушкин ощущал в Одессе аромат экзотики. И Жаботинский, и Бабель стремились оторваться от ее основ, преобразуя их. Усилия Александру были направлены на полное стирание того, что есть, чтобы получить желаемый им город, предварительно благополучно избавившись от многих, кому выпало здесь жить. Марк Бернес, Леонид Утесов и бесчисленное множество менее известных комедиантов и музыкантов подняли ностальгию на уровень высокого искусства.

Пограничье — явление, которое подвержено преобразованиям в соответствии как с благотворными, так и с пагубными идеалами тех, кто стремится им завладеть. И все же присуща подобным местам некая устойчивая сопротивляемость даже идеально сработанным планам их реконструкции.

В наши дни Одесса претерпевает очередное преобразование. Сегодня это важнейший пассажирский порт Украины, относительно нового государства, возникшего в 1991 году на обломках Советского Союза. Власти в городе теперь значительно либеральнее, чем в предшествующие времена. Они в большей степени наследники многообразного прошлого города, чем сторонники его изживания. Эти люди, как и их советские предшественники, уяснили, что ностальгия отлично продается.

Прежние стимулы живы по сей день. В школьных учебниках даже в таком смешанном по составу городе история подается в спрямленном виде и с просматриваемым концом; утверждается, что украинский народ существует с античных времен; повествуется о том, как угнетали его Россия и Совет-

ский Союз, говорится о его славном возрождении в собственной независимой стране в конце XX века.

Одесса, верная себе, сопротивлялась этому. Русскоязычное население предпочитало говорить на своем языке, не осваивая официального языка Украины. В музеях до сих пор демонстрируется местное представление о прошлом, не совпадающее с более триумфальной, чисто украинской версией, пришедшей из столицы. Когда жители Киева восстали в 2004 году против коррумпированной власти и подтасованных выборов и когда произошла бескровная смена власти, так называемая оранжевая революция (по цвету шарфов и маек протестантов), одесситы восприняли эти события сдержанно. Не то чтобы они вовсе не поддерживали протестующих, хотя многие одесситы и были настроены скептически. Просто они никогда не придавали особого значения тому, что происходит в Киеве.

Как это часто случалось, одесситы предпочли менее обременительный флер ностальгии проблемному космополитизму. Они с таким же энтузиазмом воссоздают свое прошлое, как когда-то создавали свой город на пустом месте среди приморской степи. Горожане испытывают естественную тягу, они даже охвачены некоей одержимостью по отношению к тому, что именуется краеведением.

Ни один город не имеет столько отпечатанных мелким шрифтом исторических справочников, юмористических сборников, воспоминаний о конкретных улицах, зданиях, районах, семьях, профессиях, известных гостях города и малоизвестных исторических личностях. Летом по субботам и воскресеньям по всей Дерибасовской и в пыльном парке вокруг восстановленного и получившего прежнее имя Спасо-Преображенского собора можно обнаружить местных поэтов, продающих за свой счет изданные вирши; краеведов, распространяющих последние собрания статей на тему о производстве зерна в XIX веке или о первой в городе водосборной системе, а также продавцов книг, предлагающих

разнообразные справочники так называемого одесского языка — русского с вкраплениями украинских слов, еврейских оборотов и бандитского аргю. Одесское издательство “Оптимум” сделало себе репутацию на перепечатке многих давно не публиковавшихся книг, таких как мемуары друга де Рибаса, архитектора Франца де Волана, или альманаха 1894 года, а также занимательных изданий, как, например, справочник “100 великих одесситов”, включивший полный комплект знаменитостей — от Василия Кандинского и скрипача Давида Ойстраха (детство которых прошло в Одессе) до Пушкина, Екатерины Великой и британского шпиона Сиднея Рейли.

Подобно старательному консультанту американского летнего детского лагеря, выпаливающему на одном дыхании фамилии всех еврейских кинозвезд или известных атлетов штата Кливленд, Одесса не упускает из памяти ни одного персонажа. С помощью некоторого исследования и при известном воображении можно раскопать множество гениев, имевших хоть какие-нибудь связи с Одессой. Однако в последние годы результаты деятельности государства, снова принявшего за старую игру в память, в итоге либо нелепы, либо внушают тревогу.

По новой логике, надо глубже копать прошлое города, тогда истинные корни Одессы обнаружатся сами собой. В 2005 году останки семейства Воронцовых были изъяты с кладбища на окраине города, куда прах графа и графини был отправлен Советами, и торжественно пронесены через весь город, чтобы снова захоронить их в Спасо-Преображенском соборе. Через три года местные археологи организовали на Приморском бульваре прямо над портом постоянную экспозицию. В яме под стеклянным куполом выставлены на обозрение остатки каменной стены, корабельный якорь, коровья челюсть, череп собаки, несколько горшечных черепков, разбитая амфора. Согласно сопутствующей надписи на украинском и английском языках, это — фрагменты античной культуры,

процветавшей тут с V по III век до н.э. — возможно, греко-романской, греко-скифской или протоказацкой. Зрителям предоставляется определить самим. Все это измышления чистой воды: это не реальные раскопки, а имитация археологического объекта, не настоящее место, а придуманное, чтобы связать сегодняшний день города с настоящим и нероссийским прошлым. Ощущение своих корней, пусть даже воображаемых, по-прежнему вступает в спор с лишенным корней космополитизмом, который и создал Одессу, и способствовал переделке ее заново.

С позиций демографии Одесса с конца 1970-х годов стала преимущественно украинской. Во время проведенной в 1979 году Всесоюзной переписи населения украинцы находились на грани превращения в абсолютное большинство, составляя 49,97% населения одесского региона. Но вплоть до самого последнего времени это обстоятельство не слишком отражалось на культурной жизни города. Даже после Второй мировой войны город оставался малопонятным явлением для советских демографов и социотехнологов.

К 1959 году это было самое нехарактерное в лингвистическом отношении место на территории Украины. Все больше народу считало, что их родной одесский язык в большей степени, чем где бы то ни было в стране, отличается от языка этнической группы, к которой они себя причисляли. Большинство евреев и более половины этнических украинцев, живших в городе, говорило на русском языке. Почти треть этнических молдаван говорила на украинском. Малочисленные общины болгар, белорусов и других народностей пользовались русским, украинским и каким-либо иным языком³¹¹. Советская система основывалась на убеждении, что современность вынудит людей стирать языковые барьеры. Однако в Одессе эти барьеры стали совершенно неуловимыми, поскольку главные определители этноса, языка и даже религий сплетались и переплетались самым непредсказуемым образом.

Еврейское население оставалось мизерным. Во всем Одесском регионе в 1989 году, во время Всесоюзной переписи, насчитывалось около 70 000 евреев. Большинство жило в самой Одессе. Их доля в численности населения города — менее 4% — еще уменьшилась, поскольку евреи, как и их сограждане, после падения коммунистического режима получили возможность эмиграции. Сегодня никто точно не знает, какое количество евреев входит в небольшую общину города с населением в 1 200 000 человек. По одним подсчетам — 36000 человек, но эта цифра, вероятно, завышена, поскольку последняя украинская перепись 2001 года зафиксировала 13 000 евреев во всем Одесском регионе³¹².

Вместе с тем главная городская синагога после реставрации приобрела былое величие; в обширном подвале здания открылся кошерный ресторан. В городе достаточно ощутимо еврейское присутствие — или бытующее о нем воспоминание, — и туристические агентства предлагают туры по Еврейской Одессе с посещением суперсовременного центра еврейской общины.

Украинцы — по крайней мере те, кто, согласно переписи, причислил себя к этой категории, — теперь составляют абсолютное большинство, примерно две трети населения Одессы. Но при значительном русском этническом меньшинстве и почти окончательной договоренности в отношении русского как языка межнационального общения политические группировки последние два десятилетия ведут прямо-таки войну за общественную память. В одном квартале от Одесской лестницы городские власти снесли советский монумент, воздвигнутый в память восстания на броненосце “Потемкин”. На его месте восстановили статую основательницы города Екатерины Великой, которая, в свою очередь, была снесена большевиками (установившими на пьедестале бюст Карла Маркса). Теперь левая рука Екатерины простерта не столько в сторону порта, сколько на север, где находится Россия, которую многие одесситы независимо от этнического происхождения

считают своей культурной и духовной родиной. Понятно, что открытие этого памятника не обошлось без демонстраций — как за, так и против.

Повсюду украинцы ведут арьергардные бои. Воздвигнута статуя Ивана Франко — кумира украинских националистов, но к городу особого отношения не имевшего, создан мемориал в память Антона Головатого, казачьего атамана XVIII века и, следовательно, украинского исторического героя. Псевдостаринная уличная табличка в начале Дерибасовской улицы гласит, что теперь — как и изначально, по официальной версии, — она имеет украинское название Дерибасівська, о чем раньше почти никто из одесситов даже не подозревал. После падения Советского Союза городские власти, как известно, снесли 148 памятников (из них 104 — Ленину) и переименовали 179 улиц, дав им либо прежние российские имена, как правило, в украинском прочтении, или придумав новые³¹³.

“По национальности я одессит”, — гласит лозунг, часто повторяемый в туристических проспектах и местных путеводителях. Однако в условиях происходящей внутри Одессы борьбы за социум, национальный характер и память город все отчаяннее цепляется за некий основополагающий миф, который упрочит реальное положение Одессы.

В конечном счете прошлое Одессы, неподвзято увиденное и правильно понятое, могло бы стать активом и для новой, украинской, и для прежней, российской, власти. Для Украины Одесса могла бы стать полезным козырем в стремлении молодого государства в будущем вступить в Евросоюз, получив полное признание как государство европейское в географическом, культурном и политическом отношениях. Большую часть прошлого столетия Европа представляла собой главное мировое поле битвы в серии конфликтов за территории, власть и национальное самоопределение. Теперь для религиозных и этнических сообществ идеальным примером того, как можно совместно справляться с ужасами войн, лишениями, национализмом и крахом имперских амбиций, преодоле-

вая громогласные выкрики всеобщей ненависти и огульные обвинения ближнего, является нынешняя реакция Европы на события недавнего прошлого. Сегодня европейцы видят себя гуманными, толерантными и чуждыми национализма прежде всего потому, что их деды большую часть прошлого века были заняты тем, чтобы отстаивать прямо противоположные цели. Если украинцы смогут убедить себя поступить с прошлым аналогичным способом, возрождая прежнюю культуру совместного проживания наций и без страха всматриваясь в ужасные события Второй мировой войны, то прежний образ Одессы как открытие пути в Европу, возможно, удастся возродить.

Для России Одесса могла бы стать моделью развития города, готового ценить непривычное и необычное, искусство самоиронии, а также скептически относиться к высокопарным речам о национальном величии, — эти достоинства, судя по всему, позабыты Россией, как и ее предшественником Советским Союзом. В эру советской власти Одесса утратила положение парадного входа в Россию; она превратилась в затейливый провинциальный город, переставший считаться международным портом, каким он был в своей имперской истории. Но Россия утратила и одну из своих самых светлых надежд на то, чтобы самой себе видеться многонациональным, достойным и прочным государством. Для страны, сегодня заново открывающей возможности регионального и даже глобального влияния, демонстрирующей собственную значимость в качестве экспортера нефти и газа, в роли военноморской державы и силы, противостоящей Западу, Одесса является напоминанием того, что закат старого портового города может в некотором смысле означать и закат русской сути.

Многие города балансируют на тонкой грани между каждодневными конфликтами, высекающими искры истинной гениальности, и периодическими взрывами, выбивающими стекла домов и разобщающими этнические группы. Многие, в особенности восточноевропейские города, с энтузиазмом

переписывают свою историю; стремясь затушевать времена, когда основная масса городского населения стала жертвой потрясений на почве культурных различий. То, что некогда Афины являлись местом обитания значительного количества мусульман, что в Салониках евреи когда-то составляли большинство населения, а в Тбилиси армян было больше, чем грузин, теперь в лучшем случае упоминается в ссылках к историческим трудам. Этими фактами пренебрегают кураторы музеев, их стирают из человеческой памяти. Тенденции подчистки наблюдаются и здесь, в Одессе, при всей ее бунтарской и многонациональной репутации. После Второй мировой войны город, являвший собой сотни различных способов считаться то еврейским, то православным, то каким-то иным, поменял тяжелое бремя мультикультурной жизни на облегченные ценности воспоминаний и ностальгии.

Чтобы увековечить, а не попросту взглянуть в прошлое, память о временах, когда толчок к самоуничтожению возобладал над человеческим прогрессом, требуется определенное усилие. Сегодня в Одессе можно почувствовать атмосферу и запах города, овладевшего в середине XX века искусством пожирания самого себя, будучи поглощаемым некоторыми свойствами собственного прошлого и оставаясь до боли несведущим в отношении других своих свойств. И все же дух города, вбирающий в себя людей, говорящих слишком громко и с акцентом и при этом остающихся вашими добрыми соседями, присутствует на одесских улицах, пусть даже посреди постсоветского китча, украинской озабоченности национальной мифологией и новым восторгом русских перед прежним имперским положением.

Приняв во внимание не только периоды золотого века, но и свои мрачные времена, Одесса, возможно, снова найдет способ, как на обломках империи создать прочную основу истинного патриотизма. В конце концов дети и внуки украинцев, русских и других народностей, обосновавшихся в этом городе после Второй мировой войны, наряду с новыми

переселенцами из Турции, с Кавказа, Ближнего Востока и из Средней Азии, имеют шанс построить Одессу-мату исходя из своих представлений, иных, но не менее сложносоставных, чем представления, царившие здесь на протяжении двух столетий. Эти новые жители, как и парижане, берлинцы, венцы и ньюйоркцы, вероятно, сумеют убедиться в том, что инстинктивно сознавали ушедшие поколения одесситов: умело балансируя между добрососедскими отношениями и бурями недовольств, город может поистине стать носителем высокого имени *patria*.

Благодарность автора

Я приезжал в Одессу на автомобиле, поездом, прилетал на самолете, приплывал туда на пароходе. И неизменно получал заряд энергии и встречал гостеприимство, которым справедливо славится этот город. Я благодарен Государственному архиву Одесской области (в особенности заместителю директора Лилии Белоусовой) и сотрудникам Государственной научной библиотеки имени Горького (в особенности отделу “Одессика”) за готовность поделиться своими документальными богатствами. Владимир Дубовик истоптал не одну пару башмаков, водя меня по улицам своего родного города. А совместный ужин с Рихардом фон Вайцзеккером, устроенный Фондом Кёрбера в прелестном саду бывшего особняка графа Михаила Толстого, впервые навел меня на мысль о притягательной силе и трагизме Старой Одессы.

Сотрудники еще нескольких архивов и библиотек помогли мне сделать мою работу и результативной, и приятной. Я имею в виду Библиотеку Конгресса США, а также архивы и библиотеку американского Мемориального музея Холокоста, руководство Национальных архивов и документов США, Библиотеку Лоинджера при Джорджтаунском университете (особенно межбиблиотечный абонемент и консорционные

службы), Библиотеку редких книг и рукописей при Колумбийском университете, Публичную библиотеку Бруклина, Центр истории еврейства (особенно архивы *YIVO*) в Нью-Йорке, Национальный архив Великобритании, Национальный архив Румынии, архив Яд-Вашем в Иерусалиме и Институт Жаботинского в Тель-Авиве.

В Одессе я получил профессиональную помощь от Марины Воротнюк в исследовании образной канвы и в заполнении архивных пустот. Мои помощники, американцы Эндрю Робартс и Куинт Саймон, проявили боевую готовность и глубокую информированность исследователей, идеальное сочетание в этой профессии. Эндрю предпринял поездку в Одессу, чтобы работать над диссертацией и подготовить почву для моего визита туда. Отличная работа Куинта по истории Брайтон-Бич помогла мне в осмыслении описания ностальгических чувств.

Любой историк Одессы многим обязан Патриции Херлихи. Она прочла все, что было написано об этом городе, включая и рукопись этой книги, а ее книга «Одесса: история города 1794–1914 гг.» представляет собой фундаментальное исследование. Для новичка, внедряющегося в ее сферы, Патриция оказалась благодатным кладезем премудростей. Выражаю ей благодарность также и от имени остальных членов небольшой шайки американских одесситологов – в особенности от имени Тани Ричардсон, Розанны Сильвестер, Джеррода Тэнни и Стивена Дж. Зипперстайна, чьи исследования способствовали моим умозаключениям, что явствует из примечаний.

Другие мои друзья и коллеги прочли полностью или частично эту книгу в рукописи и были щедры на ценные замечания. Это Харли Болцер, Холли Кейз, Питер Данкли, Джон Гледхилл, Тейн Густафсон, Джон Мак-Нил, Владимир Солонари, а также покойный Ричард Стайтс. (Пакет с экземпляром полного текста моей рукописи с серьезными и забавными пометками Ричарда я обнаружил в своем почтовом ящике через

неделю после того, как он скончался в Хельсинки. Я несказанно благодарен Наталье Башмачникофф за то, что она прислала мне эту рукопись.)

Вашингтонские участники семинара по русской истории, организованного Эриком Лором и Катериной Евтуховой, предоставили важный комментарий к двум моим написанным вчерне главам. Эти же части были также представлены на состоявшемся в 2010 году Международном съезде Ассоциации по изучению проблем национальностей, организованном Домиником Арелем.

Я благодарен за полезные беседы и советы следующим людям: Томмазо Астарите, Жаку Берлинерблау, Биньо Биневу, Джеффри Бердсу, Дэниелу Баймену, Адриану Чьофланка, Дорину Добринку, Антону Федяшину, Евгению Фишелю, Стиву Харрису, Брюсу Хоффману, Раду Иоаниду, Аните Кондояниди, Джереду Макбрайду, Майклу Орону, Блэр Рабл, Ханне Шелест, Дугласу Смиту, Эрику Стайнхарту, Тому де Ваалу, Лэрри Уолфу и Суфьяну Жемухову.

Лоренс и Эйми Тэл, Майкл Туманн и Сюзен Лэндвер, а также Институт американских исследований в Турции (возглавляемый Тони Гринвудом) принимали меня как гостеприимные хозяева на моем пути в Одессу и обратно. Школа дипломатической службы при Джорджтаунском университете, Центр изучения Евразии, России и Восточной Европы (*CERES*), а также факультет государства и права были для меня домом в буквальном смысле в течение последних 15 лет.

Благодарю четырех своих боссов — Роберта Галуччи, Карол Ланкастер, Энджелу Стент и Джорджа Шэмбоу — за их поддержку.

Особой благодарности заслуживает Дженнифер Лонг за ее фантастическое умение верным курсом вести *CERES*. А также горячо любимая мной Мэгги Пэкссон, которая среди прочих людей внесла свой вклад в мой проект, обнаружив, что Владимир Жаботинский и Бахатхулла сидели чуть ли не в одной и той же камере в Акко, правда с разрывом в полвека.

Превосходным помощником и наставником был мой агент Уильям Липпинкот из “Липпинкотт Мэсси Маккуилкин”. Элейн Сальерно Мейсон, мой редактор в издательстве *W.W. Norton*, вдохновленная с самого начала этим проектом, своими дружескими замечаниями, по мере того как новые главы ложились к ней на стол, очень мне помогла. Благодаря ее перу выравнялся стиль и оттачивалось повествование.

Дениз Скарфи помогала провести рукопись через издательский процесс. Острый глаз Мэри Н. Бэбкок сослужил мне огромную службу на стадии корректуры рукописи. Крис Робинсон, с которым я уже проработал не над одним проектом, изготовил прекрасные карты.

Эта книга посвящается моим родным по материнской линии, в особенности моим добрым дядьям, чьи предки-меннониты, бесспорно, имели некоторое представление о грешных прелестях Одессы.

Хронология

V век до н.э.	Геродот описывает освоение греческими и скифскими мореплавателями Черного моря.
Примерно 1250—1350 гг.	Расцвет итальянских колоний вдоль Черноморского побережья.
1415 г.	Первое упоминание селения Хаджибей в письменных источниках.
1453 г.	Взятие Константинополя турками.
Примерно 1550—1650 гг.	Морские вылазки казаков против турок.
1762—1796 гг.	Годы правления Екатерины Великой.
1768—1774 гг.	Русско-турецкие войны.
Сентябрь 1789 г.	Хаджибей взят русскими войсками под предводительством Хосе де Рибаса.
1794 г.	Хаджибей получает название Одесса.
1803 г.	Назначение Ришелье градоначальником Одессы.

ХРОНОЛОГИЯ

- 1812—1813 гг. Эпидемия чумы.
- 1823 г. Воронцов становится генерал-губернатором Новороссии.
- 1823—1824 гг. Пушкин в Одессе.
- 1828—1829 гг. Война России с Турцией.
- 1830 г. Начало широкомасштабного наплыва евреев в Одессу.
- 1841 г. Завершение сооружения знаменитой городской лестницы, ныне известной как Потемкинская.
- 1853—1856 гг. Крымская война.
- 1861 г. Отмена крепостного права в России.
- 1871 г. Еврейский погром.
- 1881 г. Еврейский погром.
- 1887 г. Открытие Оперного театра.
- 1897 г. Согласно российской имперской переписи, евреи составляют 34% населения Одессы.
- 1905 г. Волнения и еврейский погром; восстание на броненосце “Потемкин”.
- 1914—1918 гг. Первая мировая война.
- Февраль 1917 г. Февральская революция в России.
- Октябрь 1917 г. Октябрьская революция.
- 1918—1920 гг. Гражданская война в России; Одесса попеременно оказывается оккупированной французами, украинцами, белыми и большевиками.

ХРОНОЛОГИЯ

- 1921 г. Публикация первого из серии “Одесских рассказов” Исаака Бабеля.
- 1922 г. Образование СССР.
- 1925 г. Выход фильма С. Эйзенштейна “Броненосец “Потемкин”.
- 1926 г. Согласно Всесоюзной переписи, евреи составляют 36% населения Одессы.
- 1935 г. Владимир Жаботинский пишет роман “Пятеро”.
- 1939—1945 гг. Вторая мировая война.
- 1940 г. Казнь Исаака Бабеля; смерть Владимира Жаботинского.
- Октябрь 1941 — апрель 1944 г. Оккупация Одессы войсками гитлеровской коалиции.
- Январь 1942 г. Ликвидация румынскими войсками еврейского гетто.
- 1943 г. Выход фильма “Два бойца” с Марком Бернесом в одной из главных ролей.
- 1953 г. Смерть Иосифа Сталина.
- 1989 г. Согласно Всесоюзной переписи, евреи составляют 4%, украинцы — 51% и русские — 36% населения Одессы.
- 1991 г. Украина объявляет о выходе из СССР.

Примечания

Принятые сокращения

- CUR — Columbia University Rare Book and Manuscript Library, New York.
- DCFR — Ancel, ed., Documents concerning the Fate of Romanian Jewry during the Holocaust.
- GAOO — Государственный архив Одесской области, Одесса.
- JIA — Jabotinsky Institute Archives, Tel Aviv.
- JPJ — John Paul Jones Papers, Library of Congress, Washington, DC.
- NARA — National Archives and Records Administration, College Park, MD.
- NAUK — National Archives of the United Kingdom, Kew, London.
- ППСС — А.С. Пушкин, полное собрание сочинений.
- СИРИО — Сборник Императорского русского исторического общества.
- TGE — Theodore Gordon Ellyson Papers, Naval Historical Foundation Collection, Library of Congress, Washington, DC.
- USHMM — United States Holocaust Memorial Museum Archives, Washington, DC.
- YVA — Yad Vashem Archives, Jerusalem.
- Архивные документы на русском языке, ГАО — ф. (фонд), оп. (опись), д. (дело), л/лл — лист, листы.

Вступление

1. TWAIN, *Innocents Abroad* in *Complete Travel Books of Mark Twain*, 1: 256.
2. JABOTINSKY, "Memoirs by My Typewriter," in Dawidowicz, ed., *Golden Tradition*, 399.

Глава 1. Угрюмый берег

3. KOHL, *Russia*, 417. See also KOCH, *Crimea and Odessa*, 259.
4. HOMMAIRE DE HELL, *Travels in the Steppes of the Caspian Sea*, 2.
5. SEE BASCHMAKOFF, *La synthese des periples pontiques*, BOARDMAN, *Greeks Overseas*, NAWOTKA, *Western Pontic Cities*, TSETSKHLADZE, ed., *North Pontic Archaeology*.
6. HERODOTUS, *Histories*, 232–33.
7. PLINY THE ELDER, *Natural History*, 10:18.47–48.
8. STRABO, *Geography*, 7.3.7–9.
9. OVID, "Tristia," in *Poems of Exile*, 3.13.28.
10. PACHYMERES, *Relations historiques*, 5.30.
11. POLO, *Travels of Marco Polo*, 344.
12. PEGOLOTTI, *La pratica della mercatura*, 24.
13. "The Journey of Friar John of Pian de Carpini to the Court of Kuyuk Khan, 1245–1247, as Narrated by Himself," in Komroff, ed., *Contemporaries of Marco Polo*, 8, 47–48.
14. Гончарук Т.Х., ред. "История Хаджибея" (Одессы), 1415–1796 гг. в документах", Одесса: АстроПринт, 2000. С. 5–8.
15. BEAUPLAN, *Description of Ukraine*, 10–11. Гиљомом Левассер-де-Боплан. "Описание Украины от пределов Московии до границ Трансильвании". Перевод со второго французского издания 1660 г. В.Г. Ляскоронского. Текст приводится по изданию: Гиљом Левассер-де-Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России. Киев, 1901.
16. COXE, *Travels in Russia*, in Pinkerton, ed., *General Collection of the Best and Most Interesting Voyages*, 6: 889.

Глава 2. Потемкин и наемники

17. LIGNE, *Letters and Reflections*, 1: 46.
18. MONTEFIORE, *Prince of Princes*, 65.
19. LIGNE, *Letters and Reflections*, 1:55.
20. SEGUR, *Memoirs and Recollections*, 3: 8, 91–2; Ligne, *Letters and Reflections*, 1:39; Coxe, *Travels in Russia*, in Pinkerton, ed., *General Collection of the Best and Most Interesting Voyages*, 6:764.
21. LIGNE, *Letters and Reflections*, 1:66.
22. LIGNE, *Letters and Reflections*, 1: 41. See also Dearborn, *Memoir of the Commerce*, 1: 117.
23. LIGNE, *Letters and Reflections*, 1: 74.
24. SMITH, ed. and trans., *Love and Conquest*, 262–63.
25. ARAGON, *Le prince Charles de Nassau-Siegen*, 237.
26. JONES TO DE RIBAS, Aug. 1, 1788, JPJ.
27. ASTARITA, *Between Salt Water and Holy Water*, 7, 319.
28. SADE, *Voyage d'Italie*, 1:177.
29. SEGUR, *Memoirs and Recollections*, 3: 19–20.
30. JONES TO DE RIBAS, Aug. 1, 1788, JPJ.
31. JONES TO DE RIBAS, Apr. 2, 1789, JPJ.
32. SMITH, ed. and trans., *Love and Conquest*, 297.
33. Гончарук, ред. “История Хаджибея”, с. 233–236. См. также: Скальковский А. Первое тридцатилетие истории города Одессы, 1793–1823. Одесса: Городская типография, 1837; репринт: Одесса: ОКФА, 1998. С. 14–17. В некоторых источниках утверждается, будто потери русских составили 5 человек убитыми и 32 человека ранеными, тогда как турки потеряли убитыми более 200 человек, но эти данные представляются спорными.
34. CASTELNAU, *Essai sur l'histoire ancienne*, 3:5–8.
35. SMITH, ed. and trans., *Love and Conquest*, 360.
36. Гончарук, ред. “История Хаджибея”, 328–330.
37. Гончарук, ред. “История Хаджибея”, 339–340.
38. Гончарук, ред. “История Хаджибея”, 350; Herlihy, *Odessa*, 7. К сожалению, нет документального подтверждения того, что сама Екатерина предложила это новое название города, однако история ее участия в выборе названия ут-

верждалась как факт ранними историками. См., например: Stevens, *Account of Odessa*, 5; Vsevolozhskii, *Dictionnaire géographique-historique*, 2: 35; и Lyall, *Travels in Russia*, 1: 161.

Глава 3. Путеводный маяк

39. CLARKE, *Travels to Russia*, 502.
40. STEVENS, *Account of Odessa*, 5.
41. ANTHOINE DE SAINT-JOSEPH, *Essai historique*, 62.
42. Sicard, *Pis'ma ob Odesse*, 47.
43. BREMNER, *Excursions in the Interior of Russia*, 2:507.
44. RICHELIEU, "Memoire sur la Russie," *SIRIO* 54 (1886): 387.
45. HERLIHY, *Odessa*, 20.
46. CASTELNAU, *Essai sur l'histoire ancienne*, 3:26.
47. LAGARDE, *Voyage de Moscou a Vienne*, 152.
48. HERLIHY, *Odessa*, 36.
49. STEVENS, *Account of Odessa*, 8–9.
50. CASTELNAU, *Essai sur l'histoire ancienne*, 3:43.
51. Мое описание чумы 1812–1813 гг. и ее жертв основано на: LAGARDE, *Voyage de Moscou a Vienne*, 167–99; SICARD, "Notice sur onze annees de la vie du duc de Richelieu a Odessa pour servir a l'histoire de sa vie," *SIRIO* 54 (1886): 53–60; "Le duc de Richelieu a l'Empereur Alexandre," *SIRIO* 54 (1886): 367–68; и MORTON, *Travels in Russia*, 312–30, кто, в свою очередь, основывается на свидетельствах хорошо информированного очевидца Габриэля де Кастельно.
52. *SIRIO* 54 (1886): vii.
53. LAGARDE, *Voyage de Moscou a Vienne*, 167.
54. MORTON, *Travels in Russia*, 319.
55. MORTON, *Travels in Russia*, 326–28. Скальковский в работе "Первое тридцатилетие" приводит иные цифры: 4038 зараженных и 2632 умерших, однако оценивает общую смертность в те же 10%.
56. MORTON, *Travels in Russia*, 326.
57. STEVENS, *Account of Odessa*, 5.
58. LAGARDE, *Voyage de Moscou a Vienne*, 155.

59. KOHL, *Russia*, 419.
60. LAGARDE, *Voyage de Moscou a Vienne*, 153.
61. HERLIHY, *Odessa*, 141; Skal'kovskii, *Pervoe tridtsatiletie*, 146.
62. "LE DUC DE RICHELIEU a M-r SICARD," *SIRIO* 54 (1886): 630.

Глава 4. Губернатор и поэт

63. Это описание основано на свидетельствах очевидца в книге: MORTON, *Travels in Russia*, 333-35.
64. Цит. по: RHINELANDER, *Prince Michael Vorontsov*, 45-46. Я признателен Райнлендеру с его книгой, это помогло мне полнее представить себе жизнь и служение Михаила Воронцова.
65. MORTON, *Travels in Russia*, 202; Jesse, *Notes of a Half-Pay*, 1:185.
66. MORTON, *Travels in Russia*, 238.
67. LYALL, *Travels in Russia*, 1:171.
68. MORTON, *Travels in Russia*, 355-58.
69. BINYON, *Pushkin*, 162.
70. BINYON, *Pushkin*, 173.
71. BINYON, *Pushkin*, 175.
72. BREMNER, *Excursions in the Interior of Russia*, 2:500.
73. SPENCER, *Travels in Circassia*, 2:126.
74. BINYON, *Pushkin*, 176-77.
75. MOORE, *Journey from London to Odessa*, 196.
76. BINYON, *Pushkin*, 185.
77. VORONTSOV, "Memoires du prince M. Woronzow, 1819-1833", 78.
78. MORTON, *Travels in Russia*, 368-85.
79. "MICHELE DE RIBAS to PRINCE CASSARO", Sept. 22, 1837, in de Ribas, "Saggio sulla citta di Odessa" e altri documenti, 102.
80. HERLIHY, *Odessa*, 144.
81. HOMMAIRE DE HELL, *Travels in the Steppes of the Caspian Sea*, 2.

Глава 5. “У Одессы нет национальности”

82. ZIPPERSTEIN, *Jews of Odessa*, 35.
83. HERLIHY, *Odessa*, 124; Reuilly, *Travels in the Crimea*, in *Collection of Modern and Contemporary Voyages*, 5: 82.
84. FREDERICK WILLIAM SKINNER, “Odessa and the Problem of Urban Modernization,” in Hamm, ed., *City in Late Imperial Russia*, 214.
85. JOHN RALLI TO STATE, July 12, 1856, NARA, M459, Reel 1.
86. LA FITE DE PELLEPORE, *La Russie historique*, 2: 299.
87. Полищук, Михаил. Евреи Одессы и Новороссии. М.: Мосты культуры, 2002. С. 22.
88. TARNOPOL, *Notices historiques*, 65.
89. Zipperstein, *Jews of Odessa*, 56–64. Моя трактовка еврейского просвещения и роли *маскилим* в истории города основана на новаторском труде Зипперстайна.
90. JESSE, *Notes of a Half-Pay*, 1: 225.
91. HAGEMEISTER, *Report on the Commerce of the Ports of New Russia*, 74.
92. TARNOPOL, *Notices historiques*, 74.
93. GUTHRIE, *Tour, Performed in the Years 1795–6*, 6.
94. HERLIHY, *Odessa*, 124.
95. GUTHRIE, *Through Russia*, 1: 284.
96. HOMMAIRE DE HELL, *Travels in the Steppes of the Caspian Sea*, 7; WIKOFF, *Reminiscences of an Idler*, 231; Koch, *Crimea and Odessa*, 256; OLIPHANT, *Russian Shores of the Black Sea*, 234; ОЛЕНИН, “Бек”, 9; Stephens, *Incidents of Travel*, 56.
97. JESSE, *Notes of a Half-Pay*, 1: 211.
98. SPENCER, *Turkey, Russia, the Black Sea, and Circassia*, 242.
99. “LE DUC DE RICHELIEU à M-R SICARD,” *SIRIO* 54 (1886): 537.
100. PURYEAR, “Odessa: Its Rise and International Importance, 1815–50,” 195–96.
101. HARVEY, “Development of Russian Commerce,” 101.
102. JOHN RALLI TO STATE, Apr. 1, 1845, Jan. 1, 1848, and Jan. 1, 1849, NARA, M459, Roll 1.
103. PURYEAR, “Odessa: Its Rise and International Importance, 1815–50,” 206–7; JOHN RALLI TO STATE, Jan. 1, 1849, NARA, M459, Roll 1.
104. HARVEY, “Development of Russian Commerce,” 104.

ПРИМЕЧАНИЯ

105. JESSE, *Notes of a Half-Pay*, 1: 177.
106. GADSBY, *Trip to Sebastopol*, 37.
107. BROOKS, *Russians of the South*, 21.
108. JESSE, *Notes of a Half-Pay*, 1: 204.
109. ВСЕВОЛОЖСКИЙ, НИКОЛАЙ. Путешествие через ??? нижнюю Россию. Т. 1. С. 100.
110. СМОЛЬЯНИНОВ, КОНСТАНТИН. История Одессы. Одесса: Городская типография, 1853; репринт — Одесса, Оптимум, 2007. С. 101.
111. HERLIHY, "Odessa: Staple Trade," 189-91.
112. VORONTSOV, "Memoires du prince M. Woronzow, 1819-1833," 101.
113. CASTELNAU, *Essai sur l'histoire ancienne*, 3: 36.
114. LYALL, *Travels in Russia*, 1: 169.
115. HERLIHY, *Odessa*, 237.
116. ANDERSON, *Naval Wars*, 577-80.
117. JOHN RALLI to State, Mar. 1, 1854, and Apr. 1, 1854, NARA, M459, Roll 1.
118. JOHN RALLI to State, Oct. 18, 1855, NARA, M459, Roll 1.
119. GADSBY, *Trip to Sebastopol*, 61; CUNYNGNAME, *Travels in the Eastern Caucasus*, 87. Одно из орудий с "Тайгера" до сих пор можно видеть рядом со статуей Пушкина на Приморском бульваре, а в основании статуи Ришелье находится пушечное ядро, предположительно выпущенное во время бомбардировки союзников.
120. JOHN RALLI to State, Apr. 4 and 7, 1856, NARA, M459, Roll 1.
121. GADSBY, *Trip to Sebastopol*, 61.
122. HARVEY, "Development of Russian Commerce," 147.
123. HARVEY, "Development of Russian Commerce," 185.
124. Я благодарен Патриции Херлихи, в чьих исследованиях, опубликованных в ее статье "Одесса" и других работах, описывается экономический спад в Одессе после Крымской войны.
125. СТЕРНЕН RALLI to State, Dec. 28, 1859/Jan. 9, 1860, NARA, M459, Roll 2.
126. ФАЛЬКНЕР И.С. Самоубийства в Одессе. Одесса: Типография "Одесского листка", 1890. С. 8-10, 16, 22.
127. ШУВАЛОВ Р.А. Преданные вечному забвению. Одесса: ОКФА, 1998. С. 7-10.

Глава 6. Махинации и тени

128. TROTSKY, *My Life*, 48.
129. TROTSKY, *My Life*, 58, 95.
130. TROTSKY, *My Life*, 72.
131. CASTELNAU, *Essai sur l'histoire ancienne*, 3: 28.
132. ЛАНЖЕРОН. Соображения гр. Ланжерона о необходимости обширных пространств для генерал-губернаторств: Письмо графа Ланжерона к императору Николаю I. "Русская старина" (январь—март 1904) С. 228.
133. SKINNER, "Odessa and the Problem of Urban Modernization," in Hamm, ed., *City in Late Imperial Russia*, 209.
134. НОММАЙРЕ ДЕ ХЕЛЛ, *Travels in the Steppes of the Caspian Sea*, 6.
135. МЕНДЕЛЕ МОЙХЕР-СФОРИМ "Хромой Фишке" in *Selected Works of Mendele Moykher-Sforim*, 292.
136. JESSE, *Notes of a Half-Pay*, 1: 208.
137. CUNYNGNAME, *Travels in the Eastern Caucasus*, 86.
138. НОММАЙРЕ ДЕ ХЕЛЛ, *Travels in the Steppes of the Caspian Sea*, 6; SCOTT, *Baltic*, 336; STEPHENS, *Incidents of Travel*, 56.
139. В этом послании консул, наверное, употребил термин "костюм" в самом общем смысле слова, но, судя по всему, Ураган нуждался в особой одежде, чтобы продолжать свои представления.
140. SKINNER, "Odessa and the Problem of Urban Modernization," in Hamm, ed., *City in Late Imperial Russia*, 212.
141. SKINNER, "Odessa and the Problem of Urban Modernization," in Hamm, ed., *City in Late Imperial Russia*, 211.
142. "Одесский листок", 18 (31) августа, 1899.
143. "Одесский листок", 28 августа (9 сентября), 1899.
144. SYLVESTER, *Tales of Old Odessa*, 55.
145. SYLVESTER, *Tales of Old Odessa*, chaps. 4–5. Я благодарен Сильвестру за исследование о взаимосвязи между ценностями среднего класса и сенсационными преступлениями.
146. "Одесский листок", 26 сентября (8 октября), 1894.
147. "Одесский листок", 7 (19) октября, 1894.

148. JAVOTINSKY, "Memoirs by My Typewriter," in Dawidowicz, ed., *Golden Tradition*, 398.
149. КОХАНСКИЙ В. Одесса за сто лет, Типография П. Францова, 1894. С. 41–46.
150. PALLAS, *Travels through the Southern Provinces*, 1: 489.
151. STEPHENS, *Incidents of Travel*, 53–55; Oliphant, *Russian Shores of the Black Sea*, 230; Hommaire de Hell, *Travels in the Steppes of the Caspian Sea*, 3–5; and Slade, *Records of Travels*, 1: 252.
152. HOMMAIRE DE HELL, *Travels in the Steppes of the Caspian Sea*, 5.
153. GADSBY, *Trip to Sebastopol*, 26.
154. BROOKS, *Russians of the South*, 33; OLIPHANT, *Russian Shores of the Black Sea*, 230; HERLIHY, *Odessa*, 141.
155. METCHNIKOFF, *Life of Elie Metchnikoff*, 67–68.
156. See МЕЧНИКОВ, *Etudes sur la nature humaine*, and *idem*, *Essais optimistes*.
157. МЕЧНИКОВ И. Письма (1863–1916 гг.), М.: Наука, 1974. Письмо А.О. Ковалевскому, 13 января 1883 года.

Глава 7. Кровь и месть

158. ADLER, *Life on the Stage*, 6.
159. WEINBERG, *Revolution of 1905 in Odessa*, 16–17.
160. ПОЛИЩУК. Евреи Одессы и Новороссии. С. 319–21.
161. SMITH to State, Apr. 22, 1871, NARA, M459, Roll 3.
162. ZIPPERSTEIN, *Jews of Odessa*, 122.
163. SMITH to State, Apr. 22, 1871, NARA, M459, Roll 3; Herlihy, *Odessa*, 301–3.
164. JOHN D. KLIER, "The Pogrom Paradigm in Russian History," in Klier and Lambroza, eds., *Pogroms*, 13–38.
165. HERLIHY, *Odessa*, 252.
166. References to JAVOTINSKY's *The Five* are to Michael R. Katz's sparkling translation published by Cornell University Press, 2005.
167. WEINBERG, *Revolution of 1905 in Odessa*, 20–23.
168. HEENAN to State, Sept. 27, 1904, NARA, M459, Roll 7.

169. Heenan to U.S. embassy in St. Petersburg, July 4, 1905, NARA, M459, Roll 7. See also Smith to Marquess of Landsdowne, Nov. 28, 1905, NAUK, FO 65/1712.
170. WASHBURN, *The Cable Game*, 95.
171. L. A. GIRLS DIARIES, Oct. 19, 1905, Aleksei and Liubov' Girs Papers, Bakhmeteff Archive, CUR.
172. САВЧЕНКО, ВИКТОР. Анархисты-террористы в Одессе (1903–1913). Одесса: Оптимум, 2006. С. 218–219.
173. KATZ, *Lone Wolf*, 13–21.
174. JABOTINSKY, "Memoirs by My Typewriter," in Dawidowicz, ed., *Golden Tradition*, 399.
175. JABOTINSKY, "Memoirs by My Typewriter," in Dawidowicz, ed., *Golden Tradition*, 401.
176. Quoted in KATZ, *Lone Wolf*, 26.
177. ДУБНОВ, С. Книга жизни в 3-х т. Рига и Нью-Йорк: Союз русских евреев, 1937–1957. Т. 1. С. 407.
178. SHLAIM, *Iron Wall*, 11–16.
179. JABOTINSKY to MUSSOLINI, July 16, 1922, JIA.
180. JABOTINSKY, *Political and Social Philosophy of Ze'ev Jabotinsky*, 2–3.
181. See STANISLAWSKI, *Zionism and the Fin de Siecle*, chap. 9.

Глава 8. Новый мир

182. WIGHTMAN, *Diary of an American Physician*, 156.
183. KENEZ, *Civil War in South Russia, 1919–1920*, 185.
184. Derby to Curzon, June 14, 1919, NAUK, FO 608/207, 297–304.
185. THEODORE GORDON ELLYSON to HELEN ELLYSON, Feb. 9, 10, and 11, 1920, Box 3, Folder 3, TGE.
186. ROWAN-HAMILTON, *Under the Red Star*, 194. See also Sheridan, *Across Europe with Satanella*, 184.
187. Статистический отчет Одесской районной комиссии Еврейского общественного комитета о результатах беженской массы, пострадавшей от погромов. ГАОО, ф. Р-5275, оп. 1, д. 144, лл. 1–12.

188. See GATRELL, *Whole Empire Walking*.
189. Полищук. Евреи Одессы и Новороссии. С. 345–346.
190. Октябрь, 1924. № 3. С. 196–197.
191. БАБЕЛЬ, И. Отец, in *Complete Works of Isaac Babel*, 163.
192. БАБЕЛЬ, И. Фроим Грач, in *Complete Works of Isaac Babel*, 173.
193. Report of Mr. SIMMONDS (n.d.), NAUK, FO 371/22301, 198–208.
194. EISENSTEIN, *Beyond the Stars*, 179; Taylor, ed., *Eisenstein Reader*, 65.
195. Quoted in BARNA, *Eisenstein*, 94.
196. EISENSTEIN, *Beyond the Stars*, 173.
197. BARNA, *Eisenstein*, 98.
198. SETON, *Sergei M. Eisenstein*, 87.
199. BARNA, *Eisenstein*, 111.
200. TAYLOR, ed., *Eisenstein Reader*, 62.
201. SETON, *Sergei M. Eisenstein*, 78.
202. TAYLOR, ed., *Eisenstein Reader*, 65.
203. PIROZHKOVA, *At His Side*, 93.
204. PIROZHKOVA, *At His Side*, 113.
205. БОРОВОЙ, Саул. Воспоминания. Москва, Иерусалим: Еврейский университет в Москве, 1991. С. 71.
206. Ковальчук Л.В., Разумов Г.А., ред. “Одесский мартиролог” в 3-х т. Одесса: ОКФА, 1997–2005. Т. 1. С. 678.

Глава 9. Просторы Транснистрии

207. USHMM, RG-25.004M, Reel 150; Litani, “Destruction of the Jews of Odessa,” 138.
208. See MACICI TO IACOVICI, Oct. 27, 1941, и телеграммы с операции по разминированию, USHMM, RG-25.003M, Reel 12.
209. MAZOWER, *Hitler's Empire*, 171.
210. USHMM, RG-25.003M, Reel 12; RG-25.004M, Reel 150. See also LITANI, “Destruction of the Jews of Odessa,” 139; IOANID, *Holocaust in Romania*, 179.
211. IOANID, *Holocaust in Romania*, 289; Deletant, *Hitler's Forgotten Ally*, 171.
212. ARAD, “Holocaust of Soviet Jewry,” 7; LEVIN, “Fateful Decision,” 142.

ПРИМЕЧАНИЯ

213. DENNIS DELETANT, "Transnistria and the Romanian Solution to the 'Jewish Problem,'" in Brandon and Lower, eds., *Shoah in Ukraine*, 158, 182n.
214. LITANI, "Destruction of the Jews of Odessa," 135-54. По другой оценке, общая численность эвакуированных составила 350 000 человек, или примерно половину довоенного населения. MANLEY, *To the Tashkent Station*, 57.
215. PANTEA TO ANTONESCU, n.d. [1941], USHMM, RG-25.004M, Reel 30.
216. БОРОВОЙ, САУЛ. Воспоминания. С. 240.
217. О военной эвакуации см. превосходное исследование: Manley, *To the Tashkent Station*.
218. Testimony of BORIS KALIKA, YVA, O-3/5177.
219. ARAD, *Holocaust in the Soviet Union*, 128; ANGRICK, *Besatzungspolitik und Massenmord*, 294-307.
220. RUBENSTEIN and ALTMAN, eds., *Unknown Black Book*, 115-18, 132.
221. DAVIDESCU to "Vrancea I" (Military Command Odessa), Oct. 23, 1941, in Carp, *Cartea neagra*, 3: 214-15.
222. USHMM, RG-25.003M, Reel 12, and Ioanid, *Holocaust in Romania*, 179-80.
223. Stănculescu to Tătăranu, Oct. 23, 1941, USHMM, RG-25.003M, Reel 12.
224. DALLIN, *Odessa*, 74.
225. ANGRICK, *Besatzungspolitik und Massenmord*, 302.
226. *Report of the International Commission on the Holocaust in Romania*, 5: 54.
227. USHMM, RG-25.004M, Reel 150; LITANI, "Destruction of the Jews of Odessa," 139; IOANID, *Holocaust in Romania*, 182.
228. See DESBOIS, *Holocaust by Bullets*.
229. See ALEXIANU's report to ANTONESCU on the state of Odessa, Nov. 7, 1941, USHMM, RG-31.004M, Reel 1.
230. "Raport," Nov. 19, 1941, GAOO, f. R-2262, op. 1, d. 1, L. 2.
231. "Intelegeri asupra siguranței, administrației și exploatarei economice a teritoriilor între Nistru și Bug (Transnistria) și Bug-Nipru (regiunea Bug-Nipru)," Aug. 30, 1941, USHMM, RG-25.003M, Reel 12.
232. "Ordonanța No. 35," Jan. 2, 1942, USHMM, RG-31.004M, Reel 1. See also "Instrucțiuni pentru evacuarea populației evrești din municipiului Odesa împrejurimi," USHMM, RG-31.004M, Reel 1; *ibid.*, RG 25.003M, Reel 394; LITANI, "Destruction of the Jews of Odessa," 144-47; IOANID, *Holocaust in Romania*, 208-10.
233. ARAD, *Holocaust in the Soviet Union*, 244.

ПРИМЕЧАНИЯ

234. Velcescu to Transnistrian government, Feb. 13, 1942, USHMM, RG-31.004M, Reel 3.
235. USHMM, RG-25.003M, Reel 394.
236. Я реконструировал историю Танасе и Сепель по "Ordinul C.2.A, Serv. Pretoral Nr. 4057/14.I.1942," USHMM, RG-25.003M, Reel 394, and "Ordin de zi, nr. 217," Feb. 9, 1942, USHMM, RG-25.003M, Reel 394.
237. Velcescu to Transnistrian government, Apr. 11, 1942, USHMM, RG-31.004M, Reel 3.
238. LITANI, "Destruction of the Jews of Odessa," 152.
239. "Deciz 2927," Dec. 7, 1943, USHMM, RG-31.004M, Reel 3.
240. DALLIN, *Odessa*, 162, fn56.
241. WERTH, *Russia at War, 1941-1945*, 825.
242. ALEXIANU to ANTONESCU, Nov. 7, 1941, USHMM, RG-31.004M, Reel 1.
243. See USHMM, RG-31.004M, Reel 14.
244. VELCESCU to ALEXIANU, Feb. 13, 1942, USHMM, RG-31.004M, Reel 3.
245. See correspondence between ALEXIANU and Inspectorate of the Gendarmerie, May 1942, and case files of Daria Ovselevici, 1943, USHMM, RG-31.004M, Reel 3.
246. See CASE, *Between States*, and SOLONARI, *Purifying the Nation*.
247. "Ordonanța No. 89," Sept. 28, 1942, USHMM, RG-31.004M, Reel 1.
248. "Odesa de eri și de astăzi," *Gazeta Odesei*, Jan. 17, 1943, reproduced in *DCFRJ*, 4: 429-30.
249. Я благодарен Владимиру Солонари за несколько бесед об этой проблеме.
250. See USHMM, RG-31.004M, Reel 2; and "Memoriu cu privire la problemele practice, pe care le ridică în toamna 1942 românii de peste Bug," Sept. 21, 1942, GAOO, f. R-2249, op. 3, d. 111, ll. 11-15.
251. Brătianu, "Notes sur un voyage en Crimée," 176-82.
252. "Raport," Nov. 19, 1941, GAOO, f. R-2262, op. 1, d. 1, l. 1.

*Глава 10. “Довожу до Вашего сведения
нижеследующее...”*

253. См. Черкасов А.А. Оккупация Одессы: год 1941. Одесса: Оптимум, 2007.
254. GAOO, f. R-2262, op. 1, d. 1, ll. 3–8, 9–12.
255. “Raport”, Nov. 28, 1941, GAOO, f. R-2262, op. 1, d. 1, l. 13.
256. “Raport”, Nov. 28, 1941, GAOO, f. R-2262, op. 1, d. 1, l. 13.
257. “Raport”, n.d. [1941], GAOO, f. R-2262, op. 1, d. 1, l. 32.
258. “Raport”, Nov. 26, 1941, GAOO, f. R-2262, op. 1, d. 1, l. 36.
259. “Raport”, Nov. 19, 1941, GAOO, f. R-2262, op. 1, d. 1, l. 64. See also *ibid.*, ll. 69, 153; *ibid.*, d. 8, l. 38; *ibid.*, d. 2, ll. 4–6.
260. “Comunicare”, Feb. 22, 1942, USHMM, RG-31.004M, Reel 3.
261. SHEILA FITZPATRICK, “Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation of the 1930s,” in Fitzpatrick and Gellately, eds., *Accusatory Practices*, 85–120; Fitzpatrick, “Supplicants and Citizens”; and Fitzpatrick, *Tear Off the Masks!*
262. “Raport”, Nov. 20, 1941, GAOO, f. R-2262, op. 1, d. 2, l. 19. Более раннюю историю “разоблачения евреев”, см. Grunewald, “Jewish Workers in Odessa.”
263. DAVID SENYAUVER Collection, USHMM. See also Semyon Tarantor Collection and Efim Yurkovetski Collection, USHMM.
264. Калика, Людмила. Одесса. 820 дней в подземелье, в кн. Рашковецкий, Михаил; Инна Найдис, Леонид Дузман и Лилия Белоусова, ред. “История Холокоста в Одесском регионе”. Одесса: Мигдаль и Студия Негоциант, 2006. С. 96–110.
265. “Raport”, n.d. [Dec. 1941], GAOO, f. R-2262, op. 1, d. 3, l. 17.
266. “Raport”, Apr. 15, 1942, GAOO, f. R-2262, op. 1, d. 8, l. 30; Ioanid, *Holocaust in Romania*, 187–94.
267. ЛІТАНІ, “Destruction of the Jews of Odessa,” 150, упоминает о его университетском прошлом. Другая биографическая информация о Пынте и его роли в депортациях взята из его письменных показаний властям коммунистической Румынии, 22 июня, 1950 г. — USHMM, RG-25.004M, Reel 30, and Colesnic, *Sfatul T, a`nii*, 231.
268. Пынтя — Антонеску, n.d. [1941], USHMM, RG-25.004M, Reel 30.

269. См. собственные показания Пынты 1950 г., упомянутые выше, а также показания Матея Велеску 1 апреля и 17 июня 1950 г.; показания Константина Видраску от 17 июня 1950 г., USHMM, RG-25.004M, Reel 30.
270. Челован — одесскому муниципалитету, n.d. [1941], GAOO, f. R-2262, op. 1, d. 2, l. 35.
271. DALLIN, *Odessa*, 91.
272. “Dare de seama asupra activita ții subdirect, iei artelor pe lunile apriliemai-iunie [1943]”, GAOO, f. R-2249, op. 3, d. 89, ll. 10–12; “Dare de seamadespre reconstruirea Teatrului de opera s i balet din Odessa [January1943]”, ibid., ll. 41–46; “Tablou de spectacole date de Teatrul de opera s i balet Odessa in cursul trimestrului II-1943”, ibid., ll. 115–16.
273. Показания Таисии Аранавуту, 23 июля 1956 г., USHMM, RG-25.004M, Reel 30. См также Fred Saraga, “In Transnistria: Primii pas i: Odessa,” *Sliha*, Apr. 5, 1956, reproduced in *DCFRJ*, 8: 547.
274. DALLIN, *Odessa*, 85.
275. WERTH, *Russia at War, 1941–1945*, 817.
276. Пынтя — Алексяну, Jan. 20, 1942, USHMM, RG-25.004M, Reel 30.
277. См. досье послевоенного суда над Алексяну в USHMM, RG-25.004M, Reel 33.
278. USHMM, RG-25.004M, Reel 33.
279. См. решение Верховного суда Румынии от 1 января 1956 г., USHMM, RG-25.004M, Reel 30.
280. См. досье Пынты из архивов Румынской информационной службы, USHMM, RG-25.004M, Reel 30.
281. Вместо этого Пынтя напрямую обратился к Алексяну за разъяснениями. Алексяну предсказуемо заявил, что каждый, кто пытается заверить такой документ, несомненно является евреем и должен быть депортирован из города. См. переписку между Пынтей и Алексяну, 4 февраля и 14 февраля 1942 г., USHMM, RG-31.004M, Reel 3. Один из выживших также утверждал, что Пынтя предотвратил казнь нескольких тысяч евреев, распорядившись об их депортации. Тем не менее многие погибли. IOANID, *Holocaust in Romania*, 182.
282. Пынтя — АНТОНЕСКУ, n.d. [1941], USHMM, RG-25.004M, Reel 30.
283. ALEXANDER KRUGLOV, “Jewish Losses in Ukraine, 1941–1944,” in Brandon and Lower, eds., *Shoah in Ukraine*, 284.

284. JEAN ANCEL, "The New Jewish Invasion"—The Return of the Survivors from Transnistria," in Bankier, ed., *Jews Are Coming Back*, 231.
285. BLINOV to POLIANSKII, July 19, 1945, YVA, M-46/11.

Глава 11. Город-герой

286. САМОЙЛОВ, Е.Е. Информация, 5 декабря 1941, ГАОО, f. R-2262, op. 1, d. 3, l.46.
287. DALLIN, *Odessa*, 245.
288. Свидетельство АЛЕКСАНДРА БАКМАНА, YVA, O-3/6054.
289. YVA, M-33/19967.
290. Свидетельство СУРЫ ШТУРМАК, YVA, O-3/5178. См. также показания БОРИСА КАЛИКА, YVA, O-3/5177.
291. YACOV ROI, "The Reconstruction of Jewish Communities in the USSR, 1944-1947," in Bankier, ed., *Jews are Coming Back*, 194. О коммунистическом и советском антисемитизме см. GROSS, *Fear*, and KOSTYRCHENKO, ed., *Gosudarstvennyi antisemitizm*.
292. БОРОВОЙ, САУЛ. Воспоминания. С. 290.
293. DRAITSER, *Shush!*, 18.
294. TANNY, "City of Rogues and Schnorters," 303-4.
295. EISENSTEIN, *Beyond the Stars*, 177.
296. YEKELCHYK, *Stalin's Empire of Memory*, 115.
297. ЕВТУШЕНКО, ЕВГЕНИЙ. Он любил тебя, Жизнь.... в кн. Л. М. БЕРНЕС-Бодровой, ред.: "Марк Бернес", М.: Искусство, 1980. С. 156.
298. БЕРНЕС, МАРК. Один из "двух бойцов" в кн. Л.М. БЕРНЕС-Бодровой, ред.: "Марк Бернес". М.: Искусство, 1980. С. 59-61.
299. РЫБАК, ЛЕВ: Марк Бернес. М.: Искусство, 1976. С. 60.
300. БИНЬКОВСКИЙ, АНДЖЕЙ и ОЛЬШТЫНСКИЙ, ЕЖИ. Марк Бернес в кн. Бернес-Бодровой, ред.: "Марк Бернес". С. 199-201.
301. Смирнова, Т. Образы и песни Марка Бернеса в кн. Бернес-Бодровой, ред.: "Марк Бернес". С. 11; Рыбак, Марк Бернес. С. 10-16.
302. УТЕСОВ, Л. Спасибо, сердце! М.: Вагриус, 1999. С. 22-23.
303. TANNY, "City of Rogues and Schnorters," 305, 309.

ПРИМЕЧАНИЯ

304. Одесская туристическая база. Одесса: Маяк, 1972. С. 4.
305. FRIEDBERG, *How Things Were Done in Odessa*, 10–15.

Глава 12. Сумерки

306. *Brooklyn Eagle*, May 5, 1918.
307. *New York Daily News*, Dec. 14, 1979.
308. ANNELESE ORLECK, "The Soviet Jews: Life in Brighton Beach, Brooklyn," in Foner, ed., *New Immigrants in New York*, 273.
309. MICHAEL SPECTER, "In Musical Odessa, Playing On for the Love of It," *New York Times*, Apr. 11, 1994.
310. *Brooklyn Eagle*, Sept. 25, 1916, and Sept. 10, 1918.
311. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: Украинская ССР. М.: Госстатиздат, 1963. С. 184.
312. OLEG GUBAR and PATRICIA HERLIHY, "The Persuasive Power of the Odessa Myth," in Czaplicka, Gelazis, and Ruble, eds., *Cities after the Fall of Communism*, 153.
313. PATRICIA HERLIHY, "How Ukrainian is Odesa?" in Ramer and Ruble, eds., *Place, Identity, and Urban Culture*, 24, fn3.

ЧАРЛЬЗ КИНГ ОДЕССА

ВЕЛИЧИЕ И СМЕРТЬ ГОРОДА ГРЕЗ

Директор издательства

ОЛЬГА МОРОЗОВА

Редакторы:

АЛЛА ХЕМЛИН, КИРИЛЛ САВЕЛЬЕВ

Корректор

ГУЛЯ МУБАРАКШИНА

Художественное оформление

АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Верстка

ВЛАДИМИР ДЁМКИН

Подписано в печать 10.07.12. Формат 60х90/16.

Бумага офсетная. Гарнитура New Baskerville.

Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Заказ № 7354.

Издательство Ольги Морозовой.

103001, Москва, Б. Козихинский пер., д. 22, стр. 1

e-mail: morozovabooks@yandex.ru

По вопросам закупок книг обращаться:

тел.: (499) 150-04-72

e-mail: vertra1@yandex.ru

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати - ВЯТКА» в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов.

610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36

<http://www.gipp.kirov.ru>, e-mail: order@gipp.kirov.ru

Готовится к выпуску

Доминик ЛЕСБРОС

ПАРИЖ,

НЕПРИВЫЧНЫЙ И ЗАГАДОЧНЫЙ

Книга признанного знатока Парижа, журналистки Доминик Лесброс, посвящена как неизвестным уголкам Парижа, так и знаменитым достопримечательностям. Многим из нас столица Франции знакома не понаслышке. Прочитав эту книгу, вы будете воспринимать Париж еще глубже, ближе и реальнее, чтобы возвращаться туда снова и снова, удивляя самих парижан знаниями нетривиальных подробностей истории города.

Вы получите ответы на многие вопросы, возникающие у пытливого путешественника: чем знаменито кладбище Сен-Медар в Латинском квартале? Какой знаменитый литератор предпочитал обедать именно в этом кафе? Для чего сохраняют в неприкосновенности парижские катакомбы? Одним словом, вам откроются маленькие секреты большой истории.

Чтобы еще больше заинтриговать читателя, автор снабдила свои рассказы редкими фотографиями, афишами и дагерротипами, иллюстрирующими очаровательный парижский быт начиная с середины XIX века. Д. Лесброс сочетает глубокое знание предмета с несомненным талантом рассказчика и остроумием, благодаря чему книга читается как роман о вечно юном Городе, который никогда не спит.

Вышло из печати

ЭНТОНИ КАПЕЛЛА

АРОМАТЫ КОФЕ

Роман «Ароматы кофе», прежде всего, отражает живой интерес автора к истории, к особенностям яркого исторического периода, к мельчайшим деталям быта и особенностям мышления круга лиц, описываемых в романе. В данном случае это — *fin de siècle*: тот самый рубеж XIX–XX веков, который открыл новую эру бурных потрясений в истории человечества, эпоху мировых войн и громадных социальных сдвигов. Праздно безмятежный Лондон в считанные годы преобразается в энергичный метрополис. И это преобразование, этот резкий переход становится доминантой в развитии характера главного героя — Роберта Уоллиса. Изнеженный, мнящий себя поэтом юноша, проходя через жизненные потрясения, открывает для себя иную жизнь, иную мораль и иные обычаи. Он встречает на своем пути разных людей, женщин и мужчин, и, погружаясь в различные с ними отношения, постепенно вырастает в зрелого мужчину, способного понять и оценить собственные ошибки и заблуждения, быть преданным и верным в дружбе, осознать многогранность, вкус и ароматы человеческой любви.

Энтони Капелла раскрывает сущность характера и поступков своего героя через его способность улавливать тончайшие нюансы ароматов и вкуса разных сортов кофе, выращиваемого в разных концах земли. Это становится на какое-то время его профессией, но, по сути, жизненным призванием. Присущее Роберту Уоллису чувство слова, точность метафоры и дар сопоставления не способствуют рождению в нем поэта с общепризнанной точки зрения. Однако делают его более открытым многоликому миру человеческих отношений и чувств, позволяя воссоздать историю своей жизни в живых красках и во всем многообразии уловимых и еле уловимых запахов этого мира.

Вышло из печати

ПИТЕР АКРОЙД
ВЕНЕЦИЯ
ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД

Вслед за историей Лондона Питер Акройд написал книгу о Венеции. Вместе с ним из двухэтажного автобуса мы пересаживаемся в гондолу и совершаем путешествие по одному из самых загадочных городов Италии. Его текст — ода городу, чью гибель предрекают два столетия подряд.

Играющую со смертью Венецию Акройд описывает не только как неисправимый романтик, но и как жаждущий исторической справедливости документалист. Акройд рассказывает о том, что происходило на островах Венецианской лагуны в IV веке, как между каналами наводились мосты, как рождалась великая империя купцов и художников.

*Кажется, что больше, чем Питер Акройд, знать
и любить Венецию невозможно.*

DAILY TELEGRAPH

*В "Издательстве Ольги Морозовой"
опубликованы следующие книги Питера Акройда:*

Лондон. Биография

Темза. Священная река

Падение Трои

Некоммерческое партнерство “Альянс независимых издателей и книгораспространителей” — это частная некоммерческая инициатива в духе профсоюзного движения, которая ставит своей целью создание профессионального объединения издателей и книготорговцев, занимающихся книгой, а не бизнесом, выработку общей стратегии развития, укрепление внутрицеховых горизонтальных связей, лоббирование общих интересов перед государством, крупным бизнесом и обществом.

Ближайшие цели Альянса:

- расширение пространства чтения и решение проблем дистрибуции
- создание карты независимых книжных магазинов
- проведение независимых книжных ярмарок
- создание новостной рассылки
- организация премии Альянса

Контакты для связи:

indie.bookalliance@gmail.com

Более подробная информация:

<http://book-alliance.ru/>

<http://book-alliance.livejournal.com/>

<http://www.facebook.com/BookAlliance>

2. Bank (Kassierische)	D.6.	13. Zuckerische K.
3. Börse & Duma	D.5.	15. Pokrowskaja-K.
4. Engl. Klubhaus	D.5.	17. St. Peters-K.
5. Biercar-Haus	C.4.	18. Petrusanowsk
6. Gefängnis	D.7.	19. Römisch-kathol.
7. Gerichtshof	D.4.	20. Sargetskaja-K.
Hospitäler:		
8. Militärisches Hospital	C.3.	21. Troitskaja-K.
9. Städtisches Hospital	C.3.	22. Uspenskaja-K.
10. Hospice Scurina	E.7.	23. Michailowska-Klo.
Kirchen:		
11. Armen-Kirche (Mich. Klöst.)	D.6.7.	24. Griech. Basar
12. Geburts-Kirche	A.3.	25. Polzei
13. Kathedrale	C.5.	26. Post
		27. Theater
		28. Universität

SCHWARZES MEER
(TSCHORNOJE MORE)

ПЛАНЪ
ГОДА. ОДЕССЫ
ОСТАВИЛЪ ВЪ ИЗДАВЪ
В. ВИСНОВСКІЙ.

- ### Линіи Электрическаго Трамвая.
- № 1. Херсонс., Гаванной, Ришельев., Куликово поле.
 - № 2. Нарышк. спуску, Софійской, Преображенской.
 - № 3. По Степной, Малорос., Преобр., Торговой.
 - № 4. По Прохоровск., Тирасп., Успенской, Ланжеронт.
 - № 5. Бѣлинскаго Б.-Ариаут., Колонт., Косвенной
 - № 6. Отъ Перѣзъ Ю.З. Ж.Д. по Московской Никол.
 - № 7. Отъ линіи „Моск.“ по Балтс. дор. по бер. Хаджи-Лияла до дачи Ратнера
 - № 8. Отъ Куял. лин. возлѣ гор. леч. зав. до л. Моск.
 - № 9. Лѣв. бер. Хадж. лин. до соед. Куял. лин. по зем. Эфе.
 - № 10. Мимо Тор. шк. Пир., Водопр., Б.-Ф. д. Кос. Сми.
 - № 10а. Воронц., Алекс. пл. Степн., Косв. до Градоп.
 - № 11. Мельн. Балк., Никифор., Борисово до Бум. Дж. с.
 - № 12. Отъ Стар. кладб. по Староп. Б.-Ф. дор. до прию.
 - № 13. Отъ Пант. по Пирог., Водопр. Б.-ф. д. до Тюрим.
 - № 14. Отъ Пант. мимо Тор. шк. по Ср.-ф. до перѣзъ. ж.
 - № 15. Тирасп., Нѣжинс., Град. Неруб. до Нов. Гор. б.
 - № 16. Б.-Ари. Бѣлин. фран. бульв. до бер. моря.
 - № 17. Б.-Ариаутск. Франц. бул. Лагери пер. Аркадія.
 - № 18. Отъ Пан. зд. по Пол. Поб. С.-ф. д. до ст. на Б.-
 - № 19. Отъ Ст. Б.-ф. по дор. въ с. Ольгино д. Коналсв.
 - № 20. Отъ Херс. сп. до гор. купал. на бер. лияла.
 - № 21. Тирасп. Прохор. Дальницк. Столб. до Элеватор.
 - № 22. Отъ Усп. Ремес. Польс. ул. и сп. Прим. Воен. с.
 - № 23. Полтавс. Поб. Гречес., Алекс. пл. Стол. Коблс.
 - № 24. Отъ Преобр. по Жук., Саб. чрезъ Ал. паркъ, Лан.
 - № 25. Отъ Преобр. по Б. Ариаут. Зелск., Одесса-Глав.
 - № 26. Отъ Арк. чрезъ VIII ст. Б.-фон. въ с. Чубаевн.
 - № 27. Круг. по Риш., Ланж., Преобр. Пантелеймонов.
 - № 28. Староп. Пантел. Бѣл. Лидерс. бульв., Ланжеронт.
 - № 29. Стар. Б.-ф. дор. за Б.-ф. по Долг. ул. по л. Коналсв.
 - № 30. Отъ нач. балковск. Мельн. Малор. Пант. Бѣл. Лан.
 - № 31. Отъ Нов. Гор. Бол. Слоб. Гор. ул. и сп. Ст. Гор. Б.
 - № 32. Отъ Преобр. по Тирасп. Прох. до больш. Вокзал.

- ### Линіи Электрическаго Трамвая.
- № 1. Херсонс., Гаванной, Ришельев., Куликово поле.
 - № 2. Нарышк. спуску, Софійской, Преображенской.
 - № 3. По Степной, Малорос., Преобр., Торговой.
 - № 4. По Прохоровск., Тирасп., Успенской, Ланжеронт.
 - № 5. Бѣлинскаго Б.-Ариаут., Колонт., Косвенной
 - № 6. Отъ Перѣзъ Ю.З. Ж.Д. по Московской Никол.
 - № 7. Отъ линіи „Моск.“ по Балтс. дор. по бер. Хаджи-Лияла до дачи Ратнера
 - № 8. Отъ Куял. лин. возлѣ гор. леч. зав. до л. Моск.
 - № 9. Лѣв. бер. Хадж. лин. до соед. Куял. лин. по зем. Эфе.
 - № 10. Мимо Тор. шк. Пир., Водопр., Б.-Ф. д. Кос. Сми.
 - № 10а. Воронц., Алекс. пл. Степн., Косв. до Градоп.
 - № 11. Мельн. Балк., Никифор., Борисово до Бум. Дж. с.
 - № 12. Отъ Стар. кладб. по Староп. Б.-Ф. дор. до прию.
 - № 13. Отъ Пант. по Пирог., Водопр. Б.-ф. д. до Тюрим.
 - № 14. Отъ Пант. мимо Тор. шк. по Ср.-ф. до перѣзъ. ж.
 - № 15. Тирасп., Нѣжинс., Град. Неруб. до Нов. Гор. б.
 - № 16. Б.-Ари. Бѣлин. фран. бульв. до бер. моря.
 - № 17. Б.-Ариаутск. Франц. бул. Лагери пер. Аркадія.
 - № 18. Отъ Пан. зд. по Пол. Поб. С.-ф. д. до ст. на Б.-
 - № 19. Отъ Ст. Б.-ф. по дор. въ с. Ольгино д. Коналсв.
 - № 20. Отъ Херс. сп. до гор. купал. на бер. лияла.
 - № 21. Тирасп. Прохор. Дальницк. Столб. до Элеватор.
 - № 22. Отъ Усп. Ремес. Польс. ул. и сп. Прим. Воен. с.
 - № 23. Полтавс. Поб. Гречес., Алекс. пл. Стол. Коблс.
 - № 24. Отъ Преобр. по Жук., Саб. чрезъ Ал. паркъ, Лан.
 - № 25. Отъ Преобр. по Б. Ариаут. Зелск., Одесса-Глав.
 - № 26. Отъ Арк. чрезъ VIII ст. Б.-фон. въ с. Чубаевн.
 - № 27. Круг. по Риш., Ланж., Преобр. Пантелеймонов.
 - № 28. Староп. Пантел. Бѣл. Лидерс. бульв., Ланжеронт.
 - № 29. Стар. Б.-ф. дор. за Б.-ф. по Долг. ул. по л. Коналсв.
 - № 30. Отъ нач. балковск. Мельн. Малор. Пант. Бѣл. Лан.
 - № 31. Отъ Нов. Гор. Бол. Слоб. Гор. ул. и сп. Ст. Гор. Б.
 - № 32. Отъ Преобр. по Тирасп. Прох. до больш. Вокзал.

Это восхитительная и романтическая история города, который не просто породил множество гениев, но воплотил их гений в своих улицах, театрах, уличных рынках. Исследование Чарльза Кинга безупречно, а его стиль выше всяких похвал.

Илья Каминский

ЧАРЛЬЗ КИНГ

Чарльз Кинг родился в штате Арканзас. Докторскую степень получил в Оксфорде, где и работал до приглашения преподавать на факультете международных отношений Джорджтаунского университета (Вашингтон). Является постоянным автором *The Washington Post* и *The Los Angeles Times*, а также сотрудничает с *CNN*, *BBC* и *History Channel*. Чарльз Кинг – автор четырех книг об истории Восточной Европы, включая знаменитое исследование по истории Кавказа «Призрак свободы».

№ 1. Херсон, Галацкой, Рыбальск, Куликово поле.
№ 2. Нарышк, спуску, Софиевской, Преображенской.
№ 3. По Степной, Малорос, Преобр, Торговой.
№ 4. По Прохоровск, Тирас, Успенской, Ланжерон.
№ 5. Бланковского Б-Архат, Колонт, Косвенной.
№ 6. Отъ Перек Ю-З. Ж. Д. по Московской Никол. до
№ 7. Отъ князя Моск. по Балтс. дор. по бер. Хаджиб.
линии до дачи Ратнера.
№ 8. Отъ Кула днх. вост. гор. дач. лав. до а. Москва.
№ 9. Лав. бер. Хадж. лав. до соед. Кула днх. лав. Эфетов.
№ 10. Мико Тор. шк. Пар. Водоп. Б-Ф. д. Кос. Смир.
№ 11. Воронц, Алекс. ил. Степак. Коса. до Градонач.
№ 12. Вельн. Балк. Никифор, Борисово до Бул. Дн. фел.
№ 13. Отъ Стар. казб. по Староп. Б-Ф. дор. до приюта.
№ 14. Отъ Пант. по Парог. Родоп. Б-Ф. дор. до Тюркмы.
№ 15. Отъ Пант. мимо Тор. шк. по Бр-ф. до перек. ж. д.
№ 16. Тирас. Никанс. Град. Перуб. до Нов. Гор. бол.
№ 17. Б-Ари. Блани. фран. буля. до бер. моря.
№ 18. Б-Архатска. Франк. бул. Лагери. пер. Архат.
№ 19. Отъ Пант. до Нов. Паб. Саб. а. до ст. на Б-Ф.
№ 20. Отъ Ст. Б-Ф. по дор. вь ст. Ольгине д. Коласа.
№ 21. Отъ Херс. сп. до гор. курорт. на бер. ливана.
№ 22. Тирас. Протор. Дзвиниц. Студ. до Элеватора.
№ 23. Отъ Уст. Ревес. Пале. ут. и сп. Прям. Вост. сп.
№ 24. Полтас. Паб. Гречес. Алекс. па. Стол. Коласа.
Ольгине. до Старопортоф.
№ 25. Отъ Преобр. по Жук. Саб. чрезъ дн. парк. Лави.
№ 26. Отъ Преобр. по Б. Архат. Зенск., Одесса-Галац.
Парог. Нов. Архат. дор.
№ 27. Отъ Арх. чрезъ УИИ ст. Б-фон. вь с. Чубаску.
№ 28. Круг. по Рам. Лави. Преобр. Пантелеймоновск.
№ 29. Староп. Пантед Б-А. Лидерс. буля. Ланжерон.
№ 30. Стар. Б-Ф. дор. на Б-Ф. по Долг. уз. до а. Ковалев.
№ 31. Отъ лав. Балковск. Вельн. Малор. Пант. Б-А. Лави.
№ 32. Отъ Нов. Гор. Бол. Саб. Гор. уз. и сп. Ст. Гор. Бол.
№ 33. Отъ Преобр. по Тирас. Прох. до Блани. Вокзала.

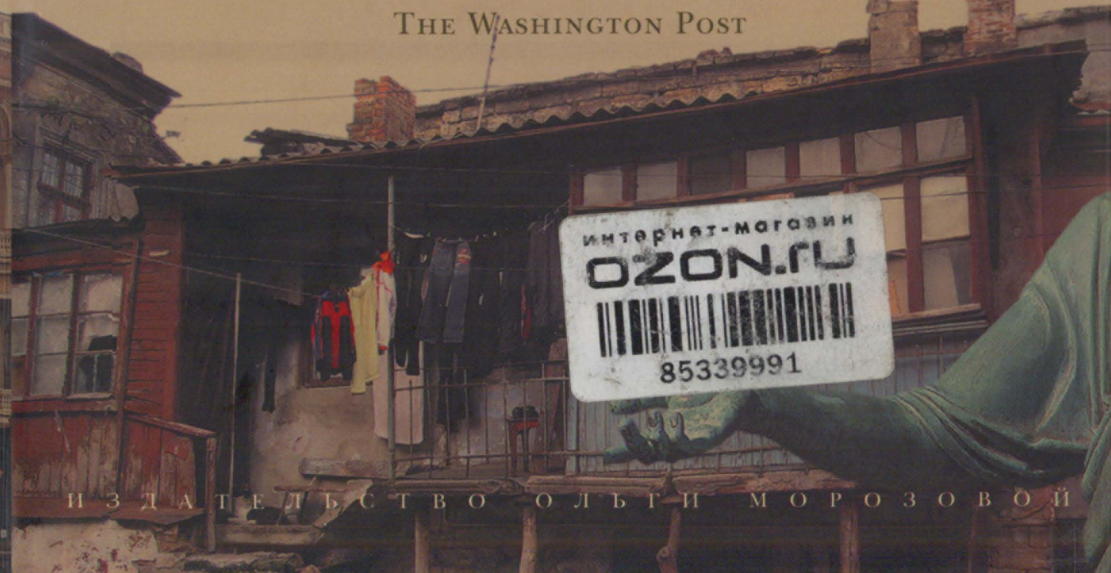
ЧАРЛЬЗ
КИНГ

ОДЕССА
ВЕЛИЧИЕ
И СМЕРТЬ
ГОРОДА ГРЕЗ
ODESSA
GENIUS AND
DEATH IN
A CITY
OF DREAMS
BY CHARLES
KING

Книга американского историка и публициста Чарльза Кинга – интереснейший и долгожданный труд по истории Одессы, города, который, по словам Марка Твена, представляет собой Америку в миниатюре. Одесса всегда была отдельным и при этом совершенно интернациональным явлением. Не имея древней истории, Одесса стала центром особой жизни, полной романтики, юмора и драматических событий. Чарльзу Кингу блестяще удалось показать своеобразие Одессы, авантюрный дух этого города и его непростую историческую участь.

Чарльз Кинг представляет историю Одессы через галерею живших здесь и приезжавших в этот портовый город знаменитостей: от Александра Пушкина до Марка Твена, Исаака Бабеля и Владимира Жаботинского.

THE WASHINGTON POST

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОЛЬГИ МОРОЗОВОЙ

МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И СТРАНОВЕДЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ЧАРЛЬЗ КИНГ
ОДЕССА

ВЕЛИЧИЕ И СМЕРТЬ ГОРОДА ГРЕЗ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОЛЬГИ МОРОЗОВОЙ

CHARLES KING

На протяжении долгого времени Одесса не была похожа на другие города России. Культурная, общественная и политическая жизнь города отражала не столько официальные представления и идеалы, сколько альтернативную, маргинальную реальность.

ЧАРЛЬЗ КИНГ

